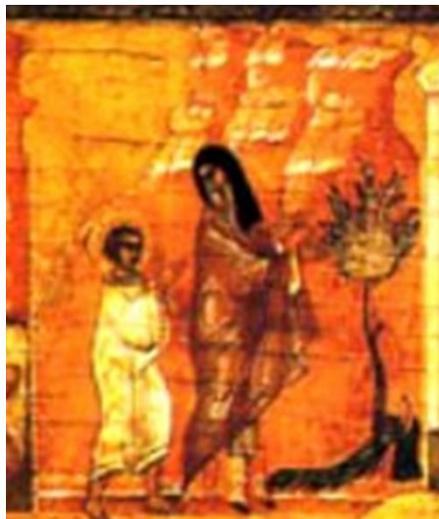

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Российский институт истории искусств

БЕСЕДЫ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ

**Материалы международной научно-практической конференции
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО**

К 700-летию преподобного Сергия Радонежского

8 – 10 октября 2014 года

РИИИ

Исаакиевская пл., 5.

БЕСЕДЫ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ

**Материалы международной научно-практической конференции
ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ
РАДОНЕЖСКОГО**

К 700-летию преподобного Сергия Радонежского

8 – 10 октября 2014 года

РИИИ

Составитель и редактор

Н.С.Серегина

СПб, 2014

БЕСЕДЫ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ // Материалы международной научно-практической конференции ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО.
РИИИ, 8–10 октября 2014 г. / Сост., ред. Н. С. Серегина. СПб.: РИИИ, 2014.

От составителя

Географическое пространство данного коллективного труда простирается от Лондона и Парижа через Петербург, Москву, Нижний Новгород, Урал, Сибирь до Владивостока и Приморья, касается Гималаев и Американского континента.

Тематические ракурсы исследований авторов сборника охватывают проблемы русской истории и культуры, связанные с влиянием традиции почитания одного из центральных, народообразующих символов русской истории – образа святого преподобного Сергия Радонежского — на протяжении 700 лет, прошедших со дня его рождения и до наших дней.

В представленных работах рассматриваются вопросы музыкальной литургики (Протоиерей Михаил Фортунато, служивший более 40 лет в Успенском храме Лондона вместе с Антонием Сурожским); философии истории (А. Казин), эстетико-философской проблематики, заложенной в деяниях и речениях преподобного Сергия и его последователя и биографа Епифания Премудрого, в Повестях о Куликовской битве (А. Бурькин, В. Василик, Д. Гордеев), претворившейся в певческом искусстве Древней Руси (Н. Серегина, З. Гусейнова, Л. Кондрашкова), в духовной традиции Троице-Сергиевой Лавры (Г. Пожидаева, Н. Пафентьев и Н. Парфентьева) и Троице-Сергиевой Приморской Пустыни (И. Чудинова), в мировоззрении, культуре, повседневной жизни России (Г. Алексеева, А. Некрылова); в певческом искусстве Нового времени (Н. Плотникова, М. Гейченко), в творчестве писателей Б. Зайцева, Н. Пестова, Д. Балашова, В. Распутина (Т. Никольская, И. Катченкова, Л. Орлова, В. Свободов), архитектуре (О. Светлова), живописи (Н. Серегина) и музыкальном искусстве XIX–XXI вв. — композиторов М. Глинки, М. Балакирева, С. Танеева, Дж. Тавенера (в статьях Т. Зайцевой, Г. Лукиной, Е. Миклухо), а также в детской музыкальной (О. Сотникова) и вузовской (Н. Денисова) педагогике.

ЧАСТЬ I.

ПАМЯТЬ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ: СЛОВО, ОБРАЗ, ИСТОРИЯ.

*...да не утаится от чад ихъ в род инъ сказати я сыномъ своимъ,
да познает родъ инъ, сынове родящеися,
да въстануть и повѣдаютъ я сыномъ своимъ и не забудутъ дѣль Божиихъ».*

Михаил Фортунато

Подвиг преподобного Сергия

Многих в российском историческом пространстве, наверное, коснулся светлый образ преподобного Сергия Радонежского. Если же этого еще не случилось, то произойдет в настоящем году празднования семисотлетия рождения святого. Со многих точек зрения, путь жизни преподобного Сергия близок к проблематике последних ста лет нашего времени, а его личное духовное наследие существенным образом отвечает на бытийные нужды и искания нашего века.

Преподобный Сергий вошел в мою судьбу, когда, в возрасте двадцати лет, я стал студентом Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже. Моя встреча с живым преданием Преподобного, определившая мою последующую жизнь, произошла в первое мое посещение храма Института вечером за всенощным бдением в канун осенней памяти преподобного в 1951-м году. Пережил я в ту службу всепоглощающее, необыкновенное чувство духовного восторга и благодарности, которые навсегда определили не только путь жизни, но и направление главных стремлений моего существа, моей души.

В полном уже храме, на клирос в тот памятный мне вечер собрались певчие, человек двадцать пять или тридцать – студенты и преподаватели Института, бывшие студенты и прочие почитатели памяти преподобного, во главе с еще молоденьким регентом, Николаем Михайловичем Осоргиным, живо и уверенно руководившим пением и чтением за службой. Меня поставили среди баритонов по левую сторону от регента, и я так простоял до конца, очарованный словесным содержанием и распевным исполнением песнопений. Выдержка звучных голосов и строгость церковного напева, светлая четкость выговора слов, порядок и непосредственность участия каждого в службе, сосредоточенность на ходе богослужения, совершаемого служащим духовенству, — все мне казалось таинственно чудесным. Внутреннее чувство подсказывало мне, что я погрузился в живое молитвенное предание, восходящее к своему истоку, к преподобному Сергию. В тот вечер в Институте, мало еще это понимая, я скромно встал в череду его последователей и учеников. Отсюда пошел духовный путь созревания и углубления веры во Христа, здесь же найден был источник церковно-музыкаловедческих исканий моей будущей жизни. Таинственно, на путях личного возмужания, неприметно стал выстраиваться характер в ожидании встречи с той, которая в недалеком будущем станет моей супругой, благодатно разделившей со мной пожизненное священническое служение Церкви.

Хотя замечательное переживание бдения имело место более шестидесяти лет тому назад, некоторые конкретные особенности службы ясно остались живы до сих пор во мне. Господствующее впечатление говорит мне о самом преподобном, о его даровитой, щедрой личности, будто я наяву, через стоявших со мной его почитателей, впитывал в себя его заветы, соприкасался с ним, слышал его. Величавое, степенное пение тропаря за бдением наваяло в моем сознании, с одной стороны – осознание богатства, красоты и глубины церковного многоголосия, а с другой — картину Сергиевого умственного мировоззрения. На этих двух мыслях я хочу сейчас остановиться и на них выстроить свой рассказ. Но начну с мировоззрения, выраженного в пространной ссылке на текст тропаря службы.

*«Иже добродетелей подвижник, яко истинный воин Христа Бога,
на страсти вельми подвизался еси в жизни временней,
в пениих, бдениих же и пощениих образ быв твоим учеником;
темже и вселися в тя Пресвятыи Дух,*

*Егоже действием светло украшен еси.
Но яко имея дерзновение ко Святей Троице,
поминай стадо, еже собрал еси, мудре,
и не забуди, якоже обещался еси, посещая чад твоих,
Сергие преподобне, отче наш».*

«Подвижник... истинный воин...»

Ко времени, когда молодой Варфоломей, как назван был Сергей при Крещении, покинул родной дом и город и определился на одинокий путь монашества, страна терпела жестокие удары татарского ига вот уже сто лет. Ни князья, ни измученное население не были способны противиться набегам и требованиям взимателей податей. Страна жила в страхе.

Сергий был по природе человеком редких качеств. С первых своих зрелых шагов еще в юные годы он осуществил первый подвиг – на путях благодатью установившегося в нем призвания сердцем и умом служить Христу Богу, он мужественно решился на исполинское и многолетнее испытание борьбы с природным страхом в дремучем лесу. Во все времена христианской истории существовали редкие великаны духа, отошедшие на время или пожизненно от обычной жизни своего общества и победившие силой Христовой в самих себе довлеющее над человеческой природой зло и личные страсти. Путь этих прославленных пустынников шел через единоборство с «князем мира сего», вспомним «состязание» диавола с Иисусом Христом в Иорданской пустыне... Дар жизни, дары Духа, которые они обретали в личной борьбе, переходили на окружающих их людей, служили в целом всему миру. Что для древних подвижников Палестины и Египта была каменная, песчаная и знойная южная пустыня, такой пустыней оказался для Сергия необъятный, непроходимый лес русского севера и его стужа. Так он стал *«подвижником добродетелей и истинным воином Христа Бога».*

Как и сонм древних пустынников, преподобный Сергей, в одиночестве «пустыни» того времени, обессиливал великий страх своей земли, преодолевая аскезой личный страх, страх «духовного врага, диавола». Он обретал бесстрашие через подвиг. Выносливость обретал он как одну из добродетелей. Страх перед врагом и растерянность, объявшие русскую землю, могли быть побеждены лишь силой личного духа, а не одной открытой борьбой с историческим врагом.

Кстати, выражение «дремучий лес» в первичном своем значении – дремлющий, дремотный, не востребованный, нетронутый. Так вот, Сергиев «дремотный лес» пробудился при нем, раскинул широкие объятия, принял в себя ревностную молодежь того времени и вскоре стал уделом множества подвижников, скитов, монастырей, стал «Северной Фиваидой». Столь масштабное служение делает преподобного Сергия истинно великим.

*«...в пениих, бдениих же и пощениих
образ быв твоим учеником».*

По примеру преподобного Сергия, жизнь его учеников была проникнута благочестием. Ключевые понятия – «в пениих, бдениих, пощениих», стоящие во множественном числе, наводят нас на мысль широкого, непрекращающегося благочестия, и не только уставного, но и жизненного, ежедневного благочестия.

На церковной службе поет голос, вне службы — сердце поет, во сне — дух поет.

В храме, в долгие часы, когда поешь-читаешь всенощное бдение и бодрствуешь вместо сна ради Бога; вне же храма, в обиходе вседневной жизни, исполняешь свое христианское евангельское призвание ради ближнего.

В практике обычного поста живешь воздержанием, в своих же мыслях и поведении проникаешься еще и смирением и уважением к окружающему миру в целом, исполняешь Христовы заветы смиренномудрия.

*«темже и вселися в тя Пресвятыи Дух,
Егоже действием светло украшен еси»*

С одной стороны, как показывает история святых, Святой Дух действительно «вселяется» в душу праведника в вознаграждение святой жизни. Преподобный Серафим Саровский ясно учил о «стяжании Духа Святого» практикой добродетелей. Но, с другой стороны, действие Святого

Духа появляется, когда только человек приступает к делу и дает силы ищущему. Не всегда ищущий замечает наличие Духа в начале своих трудов. Но Святой Дух всегда является в начале чего-либо и способствует продвижению стараний. Нам надо верить в реальность этого действия, верить в Бога-Духа.

Указание на «вселение Святого Духа» приводит нас к сопоставлению с героями духа во внероссийских мистических движениях христианской Европы XIV-го века. Пять лет мы жили в городе Норич, в Англии, где я преподавал русский язык в местном Университете. Современница преподобного Сергия, глубоко чтимая преподобная Иулиания, подвизалась в этом городе. Всякий считающий себя грешным возрадуется, когда услышит благостное, милосердное отношение к грешнику этой праведницы. Ее совет нам – не падай духом, когда согрешишь, вставай скорей от падения и ищи Бога. Это вполне созвучно облику вселюбящего преподобного Сергия.

Другой современник преподобного Сергия, святитель Григорий Палама, поборник в поздней византийской истории православного учения о Божией благодати, в своих писаниях освещал назначение «Образа Божьего» в человеке. Человек по своему душевному содержанию – «творец», потому что Бог Творец. Человек не должен погибнуть, он свободен творчески участвовать в своем собственном спасении. Этот совет тоже созвучен заветам преподобного Сергия, посветившего жизнь ради спасения людей в Боге.

В человеческой истории XIV-й век был веком глубокой мистики во всей Европе. Преподобный Сергий не одинок. Все мистики этого времени разделяют один и тот же путь Духом. Сила пронизательности в Божии тайны дается человеку Святым Духом. Чем сильнее стремление следовать заповедям всечеловека Христа, тем полнее вселяется Святой Дух в помощь ищущему человеку.

«Но яко имея дерзновение ко Святей Троице...»

Первый храм, выстроенный Преподобным, был посвящен имени пресвятой Троицы. Не в первый раз в истории Церкви почитание пресвятой Троицы становится в центре исповедания веры. Основные два Вселенских Собора христианской Церкви, борясь против инакомыслия, установили словесное почитание Отца, Сына и Святого Духа, которая Церковь исповедует на каждом служении Божественной Литургии. Заслуга преподобного Сергия в том, что он первый привлек внимание соотечественников к основному догмату Церкви, что он возымел «дерзновение» мыслить и действовать во имя пресвятой Троицы. Может быть, эта его духовная интуиция избавила далеких наших предков тех времен от нужды прибегать к философии в деле умственного выяснения природы Жизни, Человека, Земли. Задач у них было достаточно — освоить для жизни необъятные пространства страны, воспитать человека по-евангельски, охранить народ от недруга. И если философское мышление проявилось, наконец, в русском обществе, то благодаря Сергию, с его вниманием к духовной основе бытия, т.е. вниманием к «Творцу неба и земли».

Вторая, судьбоносная, заслуга преподобного Сергия в этой области «троичного мышления», нам представляется, — его способность собрать учеников. Если перед человеком единый Бог говорит и действует в Трех Лицах, если человек сознаёт себя и созидает себя в свете этой Троичности, то значит – общество людей благословенно. Неизмеримо, как небо отстоит от земли, расстояние от Бога-Троицы до человека в его множественности. Однако, если человек «имеет дерзновение ко Святей Троице», т.е. свершает в себе «образ Божий» и узнает в соседе то же благодатное строение, то на этой основе может выстроиться крепкое, солидарное гнездо похожих человеческих ячеек благодатного общества. Это и есть фундамент Церкви Христовой. В храме, построенном преподобным Сергием, если он даже не сохранился, мы видим святой завет для нашего времени. После пережитого нами страдного XX-го столетия каждому сегодня предлагается искать «дерзновение ко Святей Троице» и выстроиться Духом в полную меру человека во Христе.

*«Поминай стадо, еже собрал еси, мудре,
и не забуди, якоже обещался еси, посещая чад твоих,
Сергие преподобне, отче наш».*

Соборность, способность собирать, лежит в основе характера преподобного Сергия. На моем скромном церковно-певческом горизонте, эта способность воплощается в формы

многоголосного пения. Собранность, художественность и глубина звучания сборного мужского хора за бдением в канун моего поступления в Свято-Сергиевский Богословский Институт в Париже, я уже сказал, произвели на меня, кроме разительного впечатления в тот момент, еще и действие на всю жизнь. Это было осознание богатства, красоты и глубины церковного многоголосия. Перед моим взором, с течением лет, русская хоровая Церковная стихия поставила две темы, как мне кажется, важные для уточнения и дальнейшего развития отечественной традиции молитвенного пения.

Первая: как происходит, складывается внутренняя связь церковной мысли, т.е. богословия служб, с богатством музыкальной традиции церковного распева. Это – область «литургического музыковедения».

Вторая тема: при том, что православная культура за рубежом продолжает придерживаться унисонного пения, как складывается, какие формы принимает и должна принять уже начавшаяся традиция специфически многоголосного церковного пения русской Церкви в согласии с распеваемым богословием, т.е. в свете новой науки «литургическое музыковедение».

А. Л. Казин

Сергий Радонежский и русская цивилизация

1

Среди многих христианских подвижников Руси прп. Сергий Радонежский занимает особое место – рядом со святым благоверным князем Александром Невским и святым Серафимом Саровским. Недаром его называют игуменом Русской земли: его духовное влияние на историю и культуру Отечества простирается далеко за пределы его физической жизни, вплоть до сего дня. О значении преподобного Сергия для русского народа и государства исчерпывающе сказал в своей знаменитой речи в Московской Духовной академии в 1892 году Василий Осипович Ключевский, когда отмечалось 500-летие памяти Сергия Радонежского. Менее известно, что эта речь произвела неизгладимое впечатление на двух крупных русских художников той поры – М. В. Нестерова и еще начинающего тогда Николая Рериха. Нестерова можно назвать последовательным православным мистиком в живописи (и я горжусь тем, что репродукции его картин украшают обложки двух моих книг), а Рерих, как известно, впоследствии стал основателем собственной религиозно-философской школы. Я привожу эти факты лишь как знаки, эмблемы того влияния, которое оказал образ преподобного Сергия на русскую культуру рубежа XIX – XX веков. Если говорить в более широком плане, то можно утверждать, что *духовная энергия Сергия Радонежского – и шире, православной святости вообще – является энергичным двигателем (аттрактором, если угодно) всей отечественной цивилизационной и культурной традиции последних 700 лет.*

Иногда утверждают, что Сергий осуществил своего рода второе крещение Руси. Это, конечно, метафора, но то, что он явился одним из создателей православно-русской цивилизации после ордынского ига, не подлежит сомнению. Святая Русь – это его детище. Москва – Третий Рим — это христианская сторона света, в которой власть начинается не «снизу» (демократия) и не «сбоку» (плутократия), а сверху — от Бога. Имя «Святой Руси» и указывает на это обстоятельство, а вовсе не претендует на всеобщую праведность и святость. Первый Рим — языческий — обожествил самого себя в лице кесаря и пал под ударами варваров. Второй Рим — православная Византия — вопреки ей же провозглашенному идеалу симфонии практически развела священство и царство, пошла на согласие с католиками (Флорентийская уния 1439 г.) и 14 лет спустя пала под ударами мусульман. Москве как Третьему Риму выпала по промыслу Божьему колоссальной трудности задача — жизненно соединить в одно целое храм и престол, народ и церковь, святиню и бытие. Если в Киеве и Новгороде произошло, так сказать, первичное усвоение русской властью идеи священного призвания христианской державы (иначе она не заслуживает названия христианской), то в Москве со времен ее первых князей и митрополитов тайна государства была понята именно как тайна *служения*. Конечно, перед Москвой стояла в те времена и другая задача — освободить Русь от орды. Однако по существу руководителями Москвы эта задача всегда трактовалась как двуединая; и если на первых порах, в эпоху Ивана Калиты, идея собирания русских земель под московскую руку рисовалась по преимуществу прагматически, с точки зрения

государственной пользы, то уже со времен Дмитрия Донского эта задача становится, по сути, прежде всего религиозной — вспомним благословение Сергия на Куликовскую битву, вспомним образ Спаса на стягах русского войска. Москву как русский национально-религиозный символ выпестовал не татарский полон, что бы по этому поводу ни говорили такие разные люди, как Герцен и Белинский, Федотов и евразийцы. Государственная власть на Москве есть точка приложения Божьего промысла — вот что такое онтология Третьего Рима в глазах москвичей. Идея государственной власти в России церковна — и потому Иосиф Волоцкий прямо утверждал, что «неправедный царь — не Божий слуга, но диавол». В отличие от первого Рима православный московский царь — не кесарь, а христианин, и потому Москва готова отдать ему не только кесарево, но порой и Богово.

Чтобы убедиться в этом, достаточно продумать царствование Иоанна IV Грозного. Много материала для этого дает, в частности, его переписка с князем Курбским. Царство Иоанна IV обычно клянут как деспотическое — но какой деспот станет тратить столько времени и чернил для оправдания себя перед своим подданным? Меч и золото в руках грозного царя служат Кресту, а не наоборот. Что касается жертв опричнины, то их число не превысило количества убитых одной Варфоломеевской ночью, не говоря уже о тысячах жертв Генриха Восьмого или Филиппа Второго. Несмотря на тяжкие личные грехи, Иоанн находился в непоколебимом убеждении — и в этом его поддерживал весь российский люд, — что «Отец и Сын и Святой Дух ниже начала имеет, ниже конца, о Нем же живем и движемся. Им же цари величаются и сильные пишут правду» (1 Первое послание, с. 12). Именно по этой причине Иоанн вместе со своими опричниками почти ежедневно был в храме на литургии и всенощном бдении, сам пел в хоре и, более того, сочинял стихиры для церковной службы. Те штампы, которые циркулируют в массовом сознании про Ивана Грозного (характерный пример – недавний фильм П. Лунгина «Царь»), – это часть черного мифа о России, корни которого восходят к давней информационной войне против нашей страны, начатой Европой как раз в XVI веке.

2

Нечто совершенно иное являет нам царствование Петра Первого. Прп. Сергий поразился бы, обнаружив православного царя на всешутейшем соборе. Впрочем, Москва – град святого Сергия Радонежского – к тому времени уже уступила державное первенство граду святого Петра.

Решительное духовно-онтологическое отличие Санкт-Петербурга от Киева и Москвы — и вместе с тем Руси серебряной от Руси золотой — заключается в его *двойственности*. С одной стороны, это все та же Святая Русь, с другой — это Русь, взглянувшая на себя рационалистическими европейскими глазами. То, что сделал Петр, в немногих словах можно определить как отказ от православной Симфонии — от того древнего идеала единства и согласия духовной и светской власти, который возник в Византии при Константине и Юстиниане и затем служил внутренним основанием (оправданием) Московской державы. После смерти в 1700 г. патриарха Адриана Петр отменил патриарший престол на Руси, заменив его впоследствии «департаментом духовных дел» — Синодом — и «Духовным регламентом» Феофана Прокоповича. Тем самым император не только изменил древней православной традиции согласия с церковью как совестью (со-вестью с Богом) государства, но и провел фактически двойную западническую атаку на саму церковь, подвергнув ее одновременно латинскому (киевско-польскому) и протестантскому (секулярно-бюрократическому) воздействию. Сознательно или бессознательно встав в позу Людовика XIV («государство — это я») и придя благодаря этому в противоречие с симфонической православной соборностью, Петр Великий на деле осуществил суровые пророчества патриарха Никона о судьбе царя Алексея и всего дела его.

Однако ограничиться сказанным для характеристики дела Петрова — значило бы встать на позицию тех либеральных (в том числе либерально-православных) историков и писателей, которые за деревьями не видят леса, за внешними формами — пронизывающих их энергий. С историософской точки зрения, преобразования Петра явились одной из «догоняющих модернизаций» России, предшественником которой в плане «обновления» Святой Руси были и латинизация православной иерархии через иезуитское просвещение (т. н. «украинское барокко»), и западнические симпатии московской элиты XVII века («голицынщина»). Если оценивать дело по меркам исторического позитивизма, пожалуй, только ордынское иго спасло нас от еще более раннего, «допетровского» растворения в «мировом сообществе» — и в этом правы евразийцы... Шаг за шагом нарастающий процесс апостасии — обмирщения веры и культуры — пытался подчинить себе Россию, так что Петр Великий в известном смысле только продолжил это дело —

но продолжил так по-русски, что результат оказался во многом неожиданным для самих реформаторов.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что ни церковь, ни народ так до конца и не приняли петровской реформы. В церковном и народном духе император всероссийский продолжал оставаться священным — помазанным Богом — православным царем, хотел он того или нет. И дело тут не в том, что русские церковные иерархи в лице Петра помазали на византийское и московское служение западный абсолютизм (как думал, например, о. А. Шмеман (Шмеман, 380–381.), а в том, что сама петербургская монархия не вышла целиком из потока православной духовной традиции. Слишком сильна была духовная прививка Сергия Радонежского, чтобы осуществить «перестройку» (выражаясь по-горбачевски) русской цивилизации, опираясь только на бюрократию и отчасти на культуру. Речь идет не о настроениях и планах отдельных людей, речь об объективном духовно-онтологическом статусе русского государства. Подобно тому, как московский царь оставался помазанником Божиим независимо от своей личной доброты или злобности, так и петербургский, одетый в камзол или лосины, император в православно-народном сознании оставался царем-батюшкой, земным отображением — и рабом — небесного царя. Конечно, часть народа заподозрила в Петре антихриста и затем ушла в «леса» и «на горы», чтобы не участвовать в его делах, но это разговор особый. Что касается «большой» истории России, магистральной линии ее христианского служения, то нет сомнения в том, что петровские преобразования, основание Петербурга, заимствование западных этикетов, мод и наук лишь модернизировали Россию, но не убили Святую Русь. Корчившаяся под пером (и кнутом) петровских указов, побеждавшая вместе с ним под Полтавой и Гангутом, танцевавшая на ассамблеях и опивавшаяся на всешутейших соборах Россия в глубине своей бессмертной души продолжала молиться Христу, знала, что Он все видит и за все спросит... Говоря современным языком, петровские реформы не достигли ядра русского духа, *не произвели цивилизационного слома*, хотя поломали и покорежили почти все его внешние слои. Уж как суров И. Л. Солоневич в оценке петербургской монархии, а и тот усматривает начало восстановления в ней священного Царства («православную реакцию») уже в деятельности императора Павла Петровича (Солоневич, с. 204). Можно сказать, что начав свое историческое движение с петровской дыбы («Россию вздернул на дыбы»), петербургская монархия и культура дала в своем завершении мученическую фигуру царя Николая Александровича и всей его августейшей семьи, кровью своей запечатлевших подвиг последних русских самодержцев...

3

Еще одна ключевая фигура православно-русской цивилизации – Александр Пушкин. Есть гипотеза, что Пушкин мог встречаться с Серафимом Саровским (от Болдина до Сарова – всего 60 верст). Однако, независимо от этой встречи, прав Герцен: на реформы Петра Россия ответила явлением Пушкина. Вольно или невольно, Пушкин оказался – в свой зрелый период, разумеется – величайшим продолжателем дела Сергия Радонежского на уровне *светской культуры*. Всё зрелое творчество Пушкина, и в стихах и в прозе, – это христианская победа над «ненавистной рознью мира сего» (слова прп. Сергия). За неимением места, сошлюсь на две свои работы (*Казин* 2007, 2010). Как сказал бы И. А. Ильин, гений Пушкина видел мир в Божьем луче – в отличие, кстати, от своих великих современников Гете и Байрона, заслуженными собеседниками которых по факту оказались Мефистофель и Каин. *Талант и свобода не обязательно на стороне демона* – таков был пушкинский ответ на вопрос, заданный Святой Руси Петром: возможна ли православная цивилизация как личный творческий выбор, а не только как соборная преемственность? Если ранние стихи и письма Пушкина – это вольтерьянство и декабризм, то средний и особенно поздний период – это радость бытия с Богом и своим Отечеством. Сейчас уже общепризнано, что зрелый Пушкин – это свободный консерватор, государственник и просвещенный монархист.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, *слова, слова, слова*.

Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, нужна мне свобода:
Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно? Бог с ними.
Никому

Отчета не давать, себе лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совести, ни помыслов, не шеи;
По прихоти своей скитаться здесь и там,
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданными искусствами и вдохновенья
Вот счастье! вот права...

Сравните с пламенными стихами молодости: тот же гимн вольности, что и двадцать лет назад, — однако здесь мы встречаемся с иным Пушкиным, «новым Адамом», который понял космический замысел Бога и, соответственно, нашел свое место в нем. Свобода для него теперь — не самоцель, а способ приближения к Творцу; права человека — не разрешение на эгоизм и грех, а возможность отказаться от цивилизованной суеты ради божественных красот мироздания. Более того, само лишение человека формальных прав не вызывает теперь у него ропота, а демократическая комедия «свободы печати» — только усмешку. Нет ни тени вызова Господу — есть кротость и смирение перед ним. Зрелый Пушкин — духовный наследник дела прп. Сергия и прп. Серафима.

Не буду перегружать читателя примерами православного по истокам внутреннего пафоса «святой русской литературы», по выражению Томаса Манна. Приведу слова Р. М. Рильке: «Есть такая страна — Бог. Россия граничит с ней». Назову лишь несколько знаковых имен — Киреевского и Гоголя, Тютчева и Хомякова, Достоевского и Леонтьева, Толстого и Соловьева, Бердяева и Булгакова, Флоренского и Ильина... Без сомнения, христианская тема служения Богу и Святой Руси не исчезла и из культуры советского периода, пробиваясь в ней сквозь все оболочки марксистско-ленинского официоза: Булгаков, Пастернак, Леонов, Свиридов, Солженицын, Распутин, Лосев, Аверинцев, многие другие. Остановлюсь вкратце на двух ключевых фигурах русского искусства XX века — Александре Блоке и Андрее Тарковском.

4

Жизненная и духовная драма Блока — это религиозная драма русской революции, и, наоборот, русская революция нашла для себя совершенное выражение (зеркало) в поэзии Блока. В поэзии Блока — и прежде всего в «Двенадцати», этом русском апокалипсисе — как нельзя лучше проявляется главный *русский соблазн* XX века: коммунистическая революция трактуется как конец мира сего, как мировое Спасение. В полном соответствии с вертикальной (харизматической) природой Святой Руси, о которой говорилось выше, государственность, власть, наука, искусство (равно как и отрицание всего этого) предстают не инструментами цивилизованного «подручного» благоустройства, а прорывом к Новому небу и Новой земле. В этом плане творчество Блока было только модернистским завершением вековой отечественной традиции, положенной прп. Сергием, — христианской жертвенности истории и культуры. Именно в русле данной традиции пролетарский коллективизм был истолкован как своего рода «соборность», и Россия царская за год оказалась страной победившего военного коммунизма.

Конечно, духовная драма Блока, вплоть до предсмертного «отсутствия воздуха», которое он почувствовал уже в 1919 году, является вовсе не единственным культурным свидетельством происшедшего в начале века в России духовного катаклизма. Если мы вспомним строки М. Волошина:

Мы нерадивы, мы нечистоплотны,
Невежественны и ущемлены...

.....

Зато в нас есть бродило духа — совесть —
И наш великий покаянный дар,
Оплавивший Толстых и Достоевских,
И Иоанна Грозного. В нас нет
Достоинства простого гражданина,

Но каждый, кто перекипел в котле
Российской государственности, — рядом
С любым из европейцев — человек,

то увидим в них те же мотивы социальной мистерии, которое мы видели у Блока. Когда Анна Ахматова пишет:

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькало крыло,
Все голодной тоскою изглодано,
Отчего же нам стало светло?

.....
И так близко подходит чудесное
К развалившимся грязным домам...
Никому, никому не известное,
Но от века желанное нам —

она в свою очередь подтверждает антиномическое взаимопретворение противоположностей, которому подверглась в эпоху революции русская религиозная идея.

Нет ничего глупее, чем полагать, что тысячелетняя духовная энергетика русской цивилизации исчерпалась к началу XX века. В 1917 году – прежде всего в силу затянувшейся войны и враждебной пропаганды — она впала в мистический и экзистенциальный грех и претерпела радикальные превращения, породив тем самым новую мировую реальность. Но всего лишь через 28 лет, в мае 1945 года, победоносно для России закончилось колоссальное по своим масштабам столкновение с оккультным нордическим рейхом. Многие зоркие люди увидели тогда над Рейхстагом не только красное знамя, но и православный крест. Уж на что антисоветчик был Бунин, а и тот публично вскакивал при появлении в парижском театре полковника советской армии, а Деникин предлагал Сталину свои военные услуги. Напомню, что Великая Отечественная началась 22 июня, в день всех святых, в земле Российской просиявших (а значит, и преподобного Сергия), а завершилась фактически 6 мая – в день Георгия Победоносца и православной Пасхи (редчайшее совпадение).

Главная русская трагедия XX века — это февраль 1917 года, когда народ в лице своего политического класса отрекся от миропомazanного Царя, за что был сурово наказан красной властью. Однако жертвенной войной и победой в ней искупил этот грех. Православно-русская цивилизация была спасена.

5

Завершить этот краткий обзор мне хотелось бы ссылкой на гениальный фильм Андрея Тарковского «Андрей Рублев» (1965). Как художник, Тарковский, несомненно, был модернистом, но особенность русского модерна заключается в том, что он, в конечном счете, также восходит к православному духовному основанию (молодой романтик Пушкин, символист Блок – из их числа). Кругозор «Андрея Рублева» определяется двумя исходными точками — мирами православия и ренессанса. Время действия «Рублева» относится к самому началу XV века (сразу после Куликовской битвы), там прямо цитируется ученик прп. Сергия Епифаний Премудрый. Тарковский, несомненно, православный художник — не католический и не протестантский. Но религиозная проблематика «Андрея Рублева» дает нам основание заключить, что православная вера, надежда и любовь явлена у Тарковского в ренессансно-романтической версии, составляющей одновременно его мучение и его соблазн. По сравнению с «Ивановым детством», где рай и ад встречаются друг с другом на полях конкретной войны, в «Андрее Рублеве» эта космическая война рассмотрена сквозь антиномическую призму «большой» русской истории.

В личном плане эта антиномия выступает как мучающее Андрея всю жизнь противоречие между мироприятием и мироотвержением. На протяжении картины Рублев–Тарковский постоянно колеблется между *отречением* от мира во имя высших духовных иерархий и *отрицанием* мира (и прежде всего России) как недостойных божественной любви. С религиозно-исторической точки зрения, автор и герой «Андрея Рублева» впадают во многие ереси — от манихейской, признающей существование злого Бога, до несторианской, разделяющей божественную и человеческую природу Христа. Более того, в новелле «Страсти по Андрею» Андрей произносит прямую хулу на Господа. Однако идейно-поэтическая диалектика этого фильма заключается в том, что

автор/герой, впадая в ересь, все-таки из нее выбирается — либо сам, либо с помощью других персонажей. Путь Рублева–Тарковского — это путь многих грехов и заблуждений (не случайно автор приписал Рублеву и блуд, и даже убийство), но страданием своим и монашеским подвигом Андрей искупает грех, знаменованием чего оказывается торжествующая иконопись в конце картины. Подобно Ивану из предыдущего фильма, Андрей испытывает на себе силу зла, не отворачивается от него. В этом смысл его спора с Феофаном Греком. Если такова дорога иконописца, то такова же, в конечном счете, тернистая дорога человека вообще. Не следует забывать, что Андрей Рублев — художник; Церковь канонизировала в нем именно «богомаза», а не молчальника и постника.

Фильм Тарковского «Андрей Рублев», по аналогии с известной статьей Бердяева о Флоренском, может быть назван «эстетическим православием». Разумеется, произведение богословской мысли («Столп и утверждение истины» о. П. Флоренского) и игровой кинофильм — творения разного порядка, но есть нечто, их сближающее: эстетическое прикосновение к православному опыту. Мистика колокола, хора и иконы покрывает в этом фильме все нестроения. Не разрешаемые в истории (в фабуле картины), они символически разрешаются в ее надмирном финале. Чудо происходит там, где его ждут (Казин, 2010).

6

Подводя итог, можно констатировать поразительную верность православно-русской цивилизации своему призванию, заложенному Владимиром Святым и Александром Невским и жизненно осуществленному прп. Сергием Радонежским. Преодолеть ненавистную рознь мира сего Святая Русь стремилась всегда — как в жизни, так и в искусстве. У нее были и есть великие грехи, но у нее была и есть великая задача: живи не так, как хочешь, а так, как Бог велит. Об этом свидетельствует, в частности, вся классическая русская культура — прежде всего, литература и философия. Более того, в современной России, вопреки жесткому давлению авангарда/поставангарда, продолжают существовать и развиваться православные по своим истокам литература, кино, живопись, музыка, искусствоведческая и философская мысль. Приведем только для примера несколько имен — кинорежиссера Никиты Михалкова, художника Ильи Глазунова, композитора Владимира Мартынова. Большой вклад в национальную культуру внесли в последнее время выдающиеся служители Церкви — митрополит Волоколамский Иларион со своей ораторией «Страсти по Матфею» и архимандрит Тихон (Шевкунов), документальный роман которого «Несвятые святые» стал едва ли не самой читаемой книгой 2011 года. Сюда же можно отнести замечательную книгу О. Николаевой «Небесный огонь». Вопреки холодному западному рационализму (не говоря уже о постмодернизме), для которого юридически равнозначны молитвы Богу и камлание сатане, и нет различия между церковным браком и гомосексуальным союзом, у нас продолжается борьба духов. «Россия, — как образно говорил философ Константин Леонтьев, — всегда развивалась как “цветущая сложность”, как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России» (Путин 2013). Не случайно в сторону нашей страны в последнее время обращаются надежды многих христиан Европы. На протяжении почти всей своей истории Россия была — и в XXI веке имеет шанс стать вновь — альтернативным религиозным и цивилизационным центром мира.

В. В. Василик

Наследие преподобного Сергия Радонежского

700 лет назад, когда родился преп. Сергий Радонежский (Библиография: Аверьянов К. А., 2006. Борисов Н. С. 1990), русский мир тяжело страдал под ордынским игмом. Как точно заметил современный исследователь А. Ермаков, «ни последний холоп, ни великий князь не могли надеяться устроить по собственной воле даже свою судьбу. Благосостояние и жизнь любого человека на Руси зависели от исхода соперничества за ханский престол, благосклонности или самодурства ордынских наместников, колебаний цен на мировом рынке работоторговли, падежа скота или неожиданной засухи в Великой степи. Разговоры о ценности отдельной личности и ее способности к переустройству жизни могли вызвать лишь горькую усмешку» (см.: Ермаков). Русь

была раздроблена на десятки княжеств, общество – атомизировано (*Борисов Н. С.* Иван Калита, 2005). Только Церковь объединяла его и только Церковь давала надежду русскому человеку. Надежда эта была только на Бога, как говорится в вечерней молитве главопреклонения: «Не от человек ожидающе помощи, но Твоя ожидающе милости и Твоего чающе заступления».

Житие преп. Сергия Радонежского составлено около 1418 года Епифанием Премудрым по горячим следам, по воспоминаниям очевидцев, которые Епифаний тщательно собирал. Около 1440 года оно было обогащено сербским исихастом Пахомием Сербом, или Логофетом. Оно представляет собой ценнейший источник для познания обстоятельств жизни и заветов преп. Сергия, так же, как истории и духовной жизни Московской Руси XIV века (Прохоров 1988. С. 211–220; Шибаев).

Характерно, как родился преподобный Сергий. Он был дарован праведным родителям по молитве. Вот как об этом говорит его житие: «Ведь нужно было, чтобы дарован был Сергий Богом многим людям для блага, для спасения и для пользы, и поэтому не пристало такому младенцу от неправедных родиться родителей, и другим, то есть неправедным родителям, не пристало бы родить это дитя. Только тем избранным родителям Бог его даровал, что и случилось: соединилось добро с добром и лучшее с лучшим. Мать его уже до рождения имела знамение во время литургии, когда ребенок в церкви трикратно прокричал во время херувимской песни, и это было знамение, достойное удивления. И она сказала мужу своему: “Если родится у нас мальчик, дадим обет принести его в церковь и отдать его благодетелю всех Богу”. И родители обещали привести его и отдать дарователю благ Богу, как в древности сделала Анна-пророчица, мать Самуила-пророка» (Житие Сергия Радонежского 1981. С. 334. (Далее — Житие).

Сравнением преп. Марии с Анной, а св. Сергия — со св. пророком Епифанием Премудрый словно бы желал показать богоизбранность и пророческое достоинство преп. Сергия, его пророчество о будущем устройении государства Российского, а чудом во время литургии он сравнивался с младенцем Иоанном Крестителем, видимо, как новый креститель Руси.

Итак, Варфоломей — вымоленный, чудесный ребенок. И, однако, родители относятся к нему так же, как и ко всем, нисколько его не выделяя. У преп. Кирилла и Марии был замечательный дар — любить всех своих детей ровной и равной любовью. Мы видим, как отрок Варфоломей трудится наравне со всеми: пасет стадо, осваивает плотницкое дело. Характерно отношение к учению и научению грамоте, которое надо вымалывать. Отроку Варфоломею не дается учеба — и не по причине его лени или небрежности. Бывают дети, к которым следует подбирать особый ключ: «Стефан и Петр быстро изучили грамоту, Варфоломей же не быстро учился читать, но как-то медленно и не прилежно. Учитель с большим старанием учил Варфоломея, но отрок не слушал его и не мог научиться, не похож он был на товарищей, учащихся с ним. За это часто бранили его родители, учитель же еще строже наказывал, а товарищи укоряли» (Житие. С. 337). Из жития прп. Сергия мы видим, что необходимо посещение свыше для того, чтобы преобразилось внимание человека и открылись внутренние родники его души и разума. Но для этого необходима воля самого человека: «Отрок втайне часто со слезами молился Богу, говоря: “Господи! Дай мне выучить грамоту эту, научи ты меня и вразуми меня”». И его молитва была услышана. Некий дивный старец, явившийся отроку Варфоломею, когда тот искал коней, «подозвал его к себе, и благословил его, и поцеловал его во имя Христа, и спросил его: “Что ищешь и чего хочешь, чадо?” Отрок же сказал: “Душа моя желает более всего знать грамоту, для чего я отдан был учиться. Ныне скорбит душа моя, так как учусь я грамоте, но не могу ее одолеть. Ты же, святой отче, помолись за меня Богу, чтобы смог я научиться грамоте”. Старец же, подняв руки и очи к небу и вздохнув перед Богом, помолился прилежно и после молитвы сказал: “Аминь”. И, взяв из мощны своей как некое сокровище, он подал ему тремя пальцами нечто похожее на анафору, с виду маленький кусок белого хлеба пшеничного, кусок святой просфоры, и сказал ему: “Отвори уста свои, чадо, и открой их. Возьми это и съешь, — это тебе дается знамение благодати Божьей и понимания Святого писания. Хотя и малым кажется то, что я даю, но велика сладость вкушения этого”» (Житие. С. 340).

Отметим, как это происходит. Если пророку Иезекиилю, Иоанну Богослову и Роману Сладкопевцу даруется свиток, как пророкам, проповедникам и поэтам (см.: Василик 2000, 84.), то преп. Сергию Радонежскому — нечто похожее на анафору, или Тело Христово, с виду кусок св. просфоры. И это не случайно, ибо в дальнейшем с им. преп. Сергия связаны евхаристические чудеса (схождение Святого Духа в потир в виде огня), а также евхаристическое возрождение Руси, связанное с созданием многих монастырей и храмов.

Дальнейший жизненный путь преп. Сергия также знаменателен. Стремясь уйти в

монашество, он, тем не менее, не покидает своих родителей и до последнего мига покоит их старость. Он не забывал и послушания, первой добродетели всякого свободного от своеволия христианина. Имея перед собой уже ясно видимую жизненную цель — монашество, — он смиряет себя ради отца и матери, оставшись ухаживать за ними. Те, кто говорит о том, что монашество учит человека пренебрегать семьей, найдут в этой главе жития пример того, как Сергей своим поступком опровергает это. Здесь пример преподобного побуждает нас не пренебрегать семейными обязанностями, какими бы важными и великими ни казались наши дела и планы. Человек, по-настоящему верующий, никогда «не пройдет по людям» ради исполнения своего самого «высокого» желания, но, напротив, преодолеет себя, когда увидит нужду ближнего. Сергей, вся жизнь которого была великой данью Богу, начал свой подвиг с малой жертвы своим родителям, и, что особенно важно, сделал это с радостью. И насколько это контрастирует с поведением некоторых монахов, которые, уходя в монастырь, не только оставляют престарелых родителей без помощи, но временами бросают и свои семьи — жен и малолетних детей, скрывая за красивыми словами неумение выстраивать свою малую Церковь и жить в мире с людьми.

При рассказе о монашеском подвиге преподобного Сергия возникает мысль о воинском подвиге — о победе преподобного над собою, над бесами, над зверьми: «Кто опишет его слезы теплые, плач душевный, вздохи сердечные, бдения всеобщные, пение усердное, молитвы непрестанные, стояние без отдыха, чтение прилежное, коленапреклонения частые, голод, жажду, лежание на земле, нищету духовную, скудость во всем, во всем недостаток: что ни назовешь — того не было. Ко всему же этому прибавлялась борьба с бесами, видимые и невидимые с ними сражения. Но ум его не ужасался перед такими вражескими кознями, и лютыми нападениями, и устремлениями» (Житие... С. 349).

Современный мир поражен культом силы. Но если человек может победить врага или сражаться с дикими зверями, но себя, свои страсти, он победить не может, ибо не на то он направлен. А преподобный Сергей совершил самый тяжелый подвиг — победил самого себя, и в этом исток его победы над окружающим миром, демонами, природой.

Дух подвига присутствует при рассказе об устройении общежительного монашеского жития. Вот как об этом рассказывает Епифаний Премудрый: «Ночью же Сергей в молитвах без сна проводил время; хлебом и водой только питался, да и этого мало употреблял; и ни часа праздным не оставался. Ежедневно он служил божественную литургию, утренние и вечерние молитвы легко произносил — и за смирение всего мира, и за долговечность святых церквей, и за православных царей, и князей, и за всех православных христиан. Говорил он братии: “Подвиг великий должны мы совершить в борьбе с невидимым врагом: ведь он как лев рыкающий ходит, стремясь каждого растерзать”. Наставляя братию, немногие он речи говорил, но гораздо больше пример подавал братии своими делами» (Житие. С. 351).

Созидание общежительного монашества является одним из значимых подвигов преподобного Сергия. И Русь, и Византия страдали от идиоритмического монашества, которое разрушало духовную жизнь и обесмысливало саму идею монашеского делания, когда, по выражению Голубинского, богатые «своежитные» монахи смотрели на бедных как на холопов, а те пресмыкались пред ними из-за денег. Преподобный Сергей во многом возвратил русское монашество к жизни первой апостольской общины, когда «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но всё у них было общее» (Деян. 4, 32).

Преподобный Сергей оставил больше чем речения, он оставил нам живой пример трудового подвижничества и соединения труда физического с трудом духовным. Вот как об этом сообщает его житие: «Как он без лености братии как купленный раб служил: и дрова для всех, как было сказано, колот, и толоч зерно; и ни часа праздным не оставался» (Житие. С. 362).

Преподобный Сергей делом являет образ совершенного личного смирения перед братией, но непоколебимо противостоит врагам веры. Так, рассказ о том, как преп. Сергей срубил келью старцу Даниилу за решето плесневелого хлеба, противостоит эпизоду благословения Сергием русского воинства со словами «Иди, и ты победиши. Токмо не малодушствуй!»

В трудовой нестяжательности преподобного Сергия нет ничего нарочитого или искусственного, в отличие от нищенства Франциска Ассизского с его надрывами и

театральностью¹. Она органично вырастает из условий русской жизни и является обличением тех, кто считает, что Церковь и ее служители непременно должны пребывать в роскоши, поскольку-де она символизирует Царство Небесное.

По молитве преп. Сергия исцелялись болящие и воскресали мертвые. При этом преп. Сергий являл удивительную добродетель смирения и скрытия своих добрых дел и от людей, и от самого себя.

Смирение, подвиг и молитва преподобного Сергия становится той силой, которая дала русскому народу подняться и объединиться. Отметим, что отношение между великим князем Дмитрием и преп. Сергием были не самыми простыми. Св. князь Дмитрий убрал с митрополии святителя Киприана, которого поддерживал преп. Сергий Радонежский, и прочил на место митрополита Митяя, который грозился разрушить монастырь преп. Сергия. И, тем не менее, в решающий час перед Куликовской битвой, зная пророческий дар преподобного Сергия, великий князь смиряется и приходит к нему за благословением, чтобы спросить, «прикажет ли святой ему против безбожных выступить»². И св.Димитрий получает от преп. Сергия долгожданный ответ и благословение на победоносную битву: «Святой же, когда услышал об этом от великого князя, благословил его, молитвой вооружил и сказал: “Следует тебе, господин, заботиться о порученном тебе Богом славном христианском стаде. Иди против безбожных, и если Бог поможет тебе, ты победишь и невредимым в свое отечество с великой честью вернешься”» (Житие. С. 400).

Отметим, что преп. Сергий с любовью принимает князя Дмитрия, несмотря на все разногласия, в решающий час он отделил главное от второстепенного и силу своей молитвы направил на спасение Отечества.

Когда, увидев бесчисленное ордынское, объединенное с генуэзским и другими иностранными войсками войско, св. князь Дмитрий и его сподвижники начал было колебаться, то его укрепило послание преп. Сергия, в котором говорилось «”Без всякого сомнения, господин, смело выступай против свирепости их, нисколько не утрущаясь, — обязательно поможет тебе Бог”». Действие этого послания было необычайным: «Тогда князь великий Дмитрий и все войско его, от этого послания великой решимости исполнившись, пошли против поганых, и промолвил князь: “Боже великий, сотворивший небо и землю! Помощником мне будь на противников святого твоего имени”. Так началось сражение, и многие пали, но помог Бог великому победоносному Дмитрию, и побеждены были поганые татары, и полному разгрому подверглись».

Много позже, в 1387 году, преп. Сергий совершил, казалось, невозможное. Коварного и непримиримого князя Олега, ненавидевшего Москву, он преклонил на мир с великим князем Дмитрием.

Общественное служение преп. Сергия (см. *Случевский*) имело огромное значение именно с силу того, что главное в его образе – сосредоточенная на христианских ценностях его внутренняя духовная жизнь. Четырнадцатый век — время исихазма, как на Балканах, так и на Руси (см. Прохоров 2000; Амфилохий (Радович), 2000; Петр (Пиголь) 1999), связанного с именами преп. Феодосия Килифаревского, свят. Евфимия Тырновского, преп. Ромила Видинского. На Руси исихазм по справедливости связывают с именем преподобного Сергия. Свидетельства о неизреченном видении Божественного света, схождении Святого Духа в виде огня на Святые Дары во время его служения, донесенные до нас Пахомием Сербом (Яблонский 1908), свидетельствуют об исихастском опыте стяжании благодати. Преподобный Сергий — основатель целой монашеской школы, связанной с такими именами, как преп. Никон Радонежский, преп. Андроник, преп. Кирилл Белозерский. Благодаря его трудам процвело великорусское монашество — Северная Фиваида. Более того, становление приходской системы на Руси также связано с именем преп. Сергия Радонежского и его учеников: благодаря им Русь воцерковилась в полной мере.

Преподобный Сергий оставил нам завет: «Взирая на образ единения Святой Троицы побеждайте ненавистное разделение мира сего». Этот призыв актуален, как никогда, в наше время,

¹Достаточно упомянуть «нудизм» Франциска, чтобы понять разницу между ним и преп. Сергием, его духовное нездоровье и полноту духовного здоровья преп. Сергия. Параллель между ними проводил еще Борис Зайцев. (См. Зайцев 1992. С. 180–240).

² Некоторые исследователи сомневаются в факте посещения князем Дмитрием преп. Сергия, указывая на то, что путь на Юг, к Дону, пролегал в стороне от обители преп. Сергия, находившейся на северо-востоке от Москвы. Но этот довод можно опровергнуть тем, что решение о выступлении против Мамаю принималось заранее и князь Дмитрий имел время для того, чтобы съездить к преп. Сергию. Некоторые исследователи связывают благословение преп. Сергия с Вожской битвой 1378 года. (См. Кучкин, 2002. 2003. № 1 (11). С. 114—115).

когда силы, враждебные Православию и России, стремятся разъединить русских людей, не дать святой Церкви совершать свое служения, и когда дух розни и вражды проникает в сердца православных людей. Преподобный Сергей — наш учитель в деле спасения, собирания и соединения во Христе. Завершить эту статью хотелось бы словами В. О. Ключевского из его замечательной статьи о преп. Сергии Радонежском: «Творя память преп. Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой нравственный запас, завещанный нам великими строителями нашего нравственного порядка... Ворота лавры преп. Сергия затворятся и лампы над его гробницей погаснут лишь тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его» [Ключевский 1992. С. 273].

В 1920 году Лавра закрылась, и казалось, что действительно этот запас растрачен. Но это было не так. Когда потребовалось призвать сынов России под знамена св. Александра Невского и Дмитрия Донского, о преп. Сергии вспомнили, и ворота Лавры открылись вновь. Преподобный Сергей — один из духовных созидателей победы в Великой Отечественной Войне. Более того, в годы официального атеизма Лавра являлась одной из важнейших духовных крепостей в борьбе с безбожием. И сейчас она по молитвам преп. Сергия является благодатным светильником Православия и не только для России, но и для всего мира.

Д. В. Гордеев, Платон (Карпов), иеродьякон

Молитвенная традиция в подвиге преподобного Сергия Радонежского и его учеников

Преподобный Сергей Радонежский не оставил письменного наследия, а его сподвижники и ученики не записывали поучений и богословских мыслей своего учителя. Преподобный Епифаний Премудрый первый описал житие, некоторые наставления и духовные подвиги преподобного Сергия. В этом ценнейшем источнике описывается молитвенное делание великого подвижника, но не сообщается, была ли его молитва внутренней, сердечной и постоянной. Целью данной статьи является рассмотрение свидетельств, мнений и исторических фактов, чтобы ответить на вопрос: как выражено в литературных источниках, был ли преподобный Сергей знаком с практикой исихастского делания и был ли он причастен к ней?

Согласно исследователю русского монашества И. К. Смоличу, монашествующие в Киевской Руси появились вместе с принятием христианства [Смолич, 1999, с. 21]. Но это был в основном поиск, первые шаги первых русских искателей христианского подвига [Смирнов, 2004, с. 24]. Серьезное монашеское делание в нашем отечестве появляется только с принесением афонской традиции прп. Антонием Печерским, ее развитием учеником его прп. Феодосием. Причем о как таковой исихастской традиции ничего в этот период нам не известно, но, учитывая подвиги этих святых, резонно предположить, что в некоей форме она все же имела [см. Кологривов, 1991, с. 58]. До монгольского нашествия на Русь форпостом духовной жизни был Киево-Печерский монастырь. Остальные обители только начинали собирать духовную силу христианской молитвенной традиции [Смирнов, 2004, с. 7, 8].

Ордынское нашествие уничтожило эти начинания. После погрома 1237 года были разрушены все сферы жизни общества. Особенно сильно пострадала духовная сфера. Народ, пережив ужас слома прежней системы жизнедеятельности, буквально одичал духовно, причем до такой степени, что первые сто лет после Батыева нашествия неизвестно никаких проявлений монашеской святости, а только мученичество за веру [Кологривов, 1991, с. 92–95].

После ста лет духовного голода на Руси появляется подвижник, которому предстоит коренным образом изменить феномен монашеского подвига по сравнению с тем, как он проходил в домонгольский период, а вместе с этим и дать русскому народу духовный импульс, способствовавший его освобождению от ордынской зависимости, а затем и государственному развитию.

По мнению архимандрита Плакиды (Дезея), исихастская традиция начала проникать на Русь со времен преподобного Сергия Радонежского [Петрушко, 2010, с. 65, 67]. Он был знаком с Константинопольскими патриархами-исихастами Филофеем и Каллистом.

Житие прп. Сергия, написанное Епифанием Премудрым, широко известно, подробно исследовано Б. К. Зайцевым, Б. М. Клоссом и другими учеными. В нашу задачу не входит его

детальное рассмотрение. Остановимся лишь на некоторых основных его вехах. В 1330-е годы Сергей уходит в пустыню близ Москвы, где проводит отшельническую жизнь в духе древних отцов. Затем к нему собирается братия, и образуется монастырь отшельнического типа. В тот момент на Руси киновия была непопулярна. Сергей становится настоятелем в 30 лет. Его духовное окормление братии, согласно житию, восходит к принципам Феодосия Печерского, что показывает преемственность от духовной традиции домонгольского периода.

Прп. Сергей явился основателем новой, московской мистико-созерцательной традиции в русском монашестве, восходящей к монашеской практике киево-печерских старцев. Его жизнь связана с беспрецедентными чудесами, в том числе с тем, что он удостоился посещения Самой Богородицы с Апостолами Петром и Иоанном. Как отмечает прот. И. Мейендорф, «эти рассказы можно было бы счесть данью агиографическим канонам, если бы они не подкреплялись другими фактами, свидетельствующими о связи Сергея с общей атмосферой, созданной на Руси под влиянием исихастов» [Мейендорф, 2000, с. 427].

Вершиной духовной жизни прп. Сергея явилось созерцание Пресвятой Троицы. Преподобный глубоко прозревал сокровенные тайны богословия «умными очами» в молитвенном восхождении к Триипостасному Богу, в опытном Богообщении и Богоуподоблении. Святитель Григорий Богослов учил, что «сонаследниками совершенного света и созерцания Пресвятой и Владычной Троицы будут те, которые совершенно соединятся с совершенным Духом». Преподобный Сергей опытно познал тайну Живоначальной Троицы, потому что жизнью своей соединился с Богом, приобщился Божественной Троицы, т. е. достиг возможной на земле меры обожения, став «причастником Божеского естества» (2 Пет. 1, 4).

Помимо очевидных мистических параллелей между традицией прп. Сергея и современным ему византийским исихазмом, «имеются и конкретные свидетельства того, что преп. Сергей поддерживал самые обширные связи с греками-паламитами» [Кологривов, 1991, с. 192]. Здесь можно вспомнить и поддержку, оказанную Сергию патриархом Константинопольским Филофеем в деле утверждения общего жития в Троицком монастыре, и то, что прп. Сергей и его сподвижники способствовали утверждению на Русской митрополии видного византийского исихаста Киприана. Одним из учеников прп. Сергея Радонежского был прп. Сергей Нуромский, пришедший в Троицкий монастырь с Афона. Через другого ученика – преп. Афанасия – также устанавливались связи между кругом преп. Сергея и исихастами Константинополя и Афона, попадала на Русь святоотеческая литература.

Его ученики распространили традицию воззрения на Святую Троицу на сотни верст от Сергиевой обители, ускорив духовный подъем на Руси, давший миру Троицу Андрея Рублева. Однако доподлинно неизвестно, был ли преп. Сергей хранителем непосредственно византийской исихастской традиции или воссоздал ее на русской почве из некоей духовной идеи. Но все же по нескольким причинам можно предположить, что был.

В 1351 году только окончились паламитские споры победой исихастов [Никон (Рождественский), 1998, с. 171]. В Византии начинался духовный подъем, что повлекло за собой такой же подъем у окружающих ее народов, в том числе на всем славянском юге. С середины XIV века это влияние ощущается и на Руси. Усиливаются взаимоотношения с греками, процветает переводческая деятельность [Иларион (Алфеев), 2002, с. 202]. На Русь приходит много греческой духовной литературы (Лествица, Шестоднев и др.), в том числе и труды свт. Григория Синаита, который в середине XIV века переносит практику умного делания с Крита на Афон, откуда она широко распространяется, в том числе и на Русь. Влияние Афона сохраняется, с переменным успехом, вплоть до XVI века.

Известно, что при жизни прп. Сергея в одном из ростовских монастырей изучались греческие рукописи. Митрополит Алексей переводил и исправлял Евангелие с греческого оригинала [Никон (Рождественский), 1998, 108]. Сам преподобный принимал у себя греческого епископа и получил грамоту от Вселенского Патриарха.

Связь прп. Сергея с греческой традицией так же возможно установить и через его учеников. По преданию, Сергей Нуромский – выходец с Афона [Плакида (Дезей), 2006, с. 175]. Есть основания предполагать, что игумен Серпуховского монастыря Афанасий и есть тот самый Афанасий Русин, который списал на Афоне сборник житий святых для Троице-Сергиева монастыря в 1431 году «под крылием св. Григория Паламы» [Никон (Рождественский), 1998, с. 176]. Библиотека Сергиевой Лавры до сих пор хранит древнейшие славянские списки трудов прп. Григория Синаита XIV и XV веков. В XV веке там были списаны и сочинения прп. Симеона Нового Богослова.

Хотя внутренняя жизнь прп. Сергия остается скрытой от нас, на основе его жития можно прийти к выводу об исихастской природе его молитвенного делания: видение света (фаворского), во время знамения преподобному множества птиц; созерцание огненной благодати в алтаре и в потире, исход огненного пламени из руки преподобного во время преподания благословения ученику, созерцание служения Ангелов на Литургии [*Игнатий (Мальшиев)*, 2004. с. 490]. В «Житии прп. Сергия» Епифания Премудрого слово «исихия» не употребляется, само же понятие присутствует. Когда пустынники упрекнули Сергия за то, что он основал обитель так далеко от источника воды, он ответил, что рассчитывал только на свои привычки, «ибо хотел здесь безмолвствовать один». Уйдя в трудную минуту из обители, он обратился к другу своему Стефану с просьбой порекомендовать ему «такое уединенное место, где можно было бы безмолвствовать». За полгода до смерти, почувствовав ее приближение, он передал управление обителью ученику, а сам погрузился в безмолвие.

Аскезу прп. Сергия характеризует кротость, самоотречение и безвластие. Известны факты его смирения перед братией, отказ от митрополии. В житии преподобного мы нигде не увидим примера укоров ученикам, наказывания их, строгих выговоров. Прп. Сергий светится милосердием и кротостью ко всем его окружающим. Такое поведение свидетельствует о сердечной чистоте святого подвижника. Все эти факты лишь косвенно указывают на следование прп. Сергия исихастской традиции, и если здесь мы наблюдаем не классический византийский исихазм, то, во всяком случае, действительно, глубокую молитву.

Молитвенный подвиг, наблюдение и любовь к людям облегчали прп. Сергию задачу духовного водительства. Прп. Сергий всегда оставался простым и кротким наставником, но в редких случаях являлся и суровым судьей. Многократно отмечается жизнеописателем Епифанием, что слово Преподобного никогда никого не раздражало, он говорил и действовал смиренно и спокойно и более всего старался показать собеседнику истинные мотивы недоразумений, но иногда был тверд и налагал епитимии. Прп. Сергий мог быть снисходительным, но нигде не видно попустительства греху. Духовное прозрение руководило им и в определении меры послушания по силам и способностям каждого, ни в чем не пересиливая, но всячески охраняя личные свойства человека. Он строго наблюдал за исполнением правил общежития. От старших требовал быть милостивыми и негневливыми, младшей же братии заповедовал исполнять в точности предписанные правила и требования старших. Иерархическое начало в полной мере проводилось в его обители, но нигде не указано на давление на индивидуальность учеников. Так, когда он очень желал поставить игуменом в основанном им Киржачском монастыре ученика своего Исаакия, но тот предпочел подвиг молчания, он не настаивал/.

Огромную роль в учении прп. Сергия играл непрерывный труд, который ставился им как условие и средство духовного совершенствования. «И будучи игуменом, он продолжал трудиться собственными руками и носить ветхую одежду; идеалам монашеской бедности и отречения от мира он учил братию не властью, а личным примером».

Характерен случай из Жития, показывающий, что Сергий не гнушался орудиями физического труда, например, лопатой. И трудился как простой инок, видя в труде дарование Благодати.

Показателен фрагмент жития, где к Преподобному пришел человек, наслышанный о нем и желающий видеть и слышать наставления премудрого старца, но когда увидел его в залатанных одеждах, копающего землю, не поверил, что перед ним игумен монастыря. Сергий же посмотрел на ситуацию иными глазами – не о себе заговорил с тем человеком, а о причине, по которой тот захотел с ним встретиться: «ты Бога ищешь, и найдешь, чего желаешь...».

Троицкая община была ориентирована на собственные силы и плоды собственного труда, отрицала принципы стяжания. Будучи единой духовно, хозяйственно и структурно, эта община позволяла своему игумену выступать с достаточно независимых позиций в отношениях, как со светской властью, так и с высшей церковной иерархией прп. Сергий Радонежский всегда занимал самостоятельную позицию.

В игуменство самого Сергия нестяжание означало не только то, что монахи внутри монастырских стен не обладали никаким личным имуществом, но и то, что сам монастырь, по сути, не располагал земельными владениями. Несколько позже, в игуменство преемника Сергия Никона, Троицкая обитель обладала уже 10 селами и целым рядом других владений, причем не менее половины стяжаний монастыря были куплями.

Таким образом, начиная с прп. Сергия Радонежского, проявляются следующие особенности русского исихазма: он сочетается с физическим трудом; он практикуется в

общежитии; подвижник открыт миру и людям – братьям-монахам и прихожанам-мирянам, отдавая им свою любовь и милосердие через духовное окормление народа, а не только нескольких духовных детей.

Критики точки зрения, согласно которой прп. Сергей был классическим исихастом, утверждают, что это невозможно, так как для греческого исихазма характерна полная отрешенность от мира, а игумен Радонежский не только всегда старался накормить и вылечить убогих и нищих, но и заповедал это своим ученикам, что они всегда неуклонно соблюдали. Однако, подвиг прп. Сергия настолько беспрецедентен и ярок, что есть все основания усомниться в этой критике. Скорее здесь можно увидеть отличительную черту русского исихазма – сочетание созерцательной жизни с жертвенным служением ближнему. Эту линию открытости к братьям и мирянам в дальнейшем будет продолжать и последний представитель «золотого века» русской святости, исихаст, прп. Нил Сорский, хотя он видел монашескую милостыню не в материальной основе, а в духовной – совет, утешение. А через святого Нила эта традиция продолжится в служении прп. Паисия Величковского и оптинских старцев.

Сама история учеников прп. Сергия опровергает изложенную выше критику. Например, в монастыре прп. Павла Обнорского в руководстве для молодых монахов фигурируют характерные для исихазма понятия «духовная молитва»; «собранность духа»; «молчание» [Концевич, 2002, с. 138]. Кроме того, в заслугу игумену Радонежскому исследователи ставят то, что благодаря его деятельности на Руси, бедной богословием, Пресвятая Троица стала предметом умозрения.

Ученики и собеседники святого Сергия продолжили его молитвенную традицию. Ими основано до 40 монастырей, из которых вышли основатели еще до 50 монастырей [Мейендорф, 1974]. Монастырская колонизация шла двумя путями от Сергиевой обители – на юг в Москву и ее окрестности и на север, в лесные пустыни по Волге и Заволжье [Плакида (Дезей), 2006, с. 181]. На севере свои монастыри основали прпп. Мефодий Песношский (на Западе от Лавры); Авраамий Чухломской и Иаков Железоборовский в области Галича Костромского; Сильвестр и Павел Обнорские на речке Обноре – притоке Костромы, на границе Вологодского и Костромского краев; Кирилл и Ферапонт на Белом озере; Дмитрий Прилуцкий (близ Вологды); Стефан Махрицкий (в 30 верстах от Троицкого монастыря). Далее из этой северной группы монастырей вышли остальные известные монастыри (например, Соловецкий). На южном направлении были основаны Симонов и Спасо-Андронников монастыри; монастыри в Серпухове, Звенигороде, Голутвине, Боровске, а впоследствии знаменитый монастырь на Волоко-Ламе. Известно, что почти все они занимались миссионерской деятельностью [Мейендорф, 2000, с. 37-38].

Эти два потока монастырской колонизации со временем знаменовали собой два типа развития монашеского подвига. На севере сохранился созерцательный тип, а на юге, со временем, созерцательное направление сменяется административно-уставным подвигом. Это произошло по причине того, что в связи с духовной авторитетностью Сергиевых учеников в их монастыри стали стекаться богатые пожертвования, в том числе крестьянами и землей. И если основатели этих монастырей старались такие пожертвования отклонять, то их ученики стали их принимать (например, прп. Никон Радонежский – второй игумен обители после прп. Сергия). В результате этого постепенно многопечительность о монастырских имениях заглушила созерцательный подвиг, и все монашеское делание свелось к строгому соблюдению устава (порой крайне аскетического), а созерцательная молитва сменилась соблюдением правила и уставного богослужения. Этой участи не избежали и северные монастыри, но здесь все же еще долго сохранялось умное делание. Особенно в сохранении и соблюдении устава прп. Сергия преуспели в Кирилло-Белозерском монастыре. Северное скопление монастырей, благодаря их долго сохранявшейся созерцательной направленности, называли русской «Северной Феваидой». Однако же, в силу социально-политического развития на Руси, московский тип монашества в итоге стал преобладающим и постепенно вытеснил умное делание из русских монастырей более чем на двести лет.

Прот. Иоанн Мейендорф отмечал, что в русской среде исихазм приобрел некоторые новые черты. К их числу он относил то, что русские святые меньше углублялись в отвлеченное богословие, для них характерно проникновенное и поэтическое ощущение космоса; кроме того, они более, чем греки, подчеркивали социальное значение отшельнического монашества. Тем не менее, основное содержание духовной традиции оставалось неизменным. [Мейендорф, 2000, с. 323].

Итак, мы рассмотрели молитвенную традицию прп. Сергия и его ближайших учеников и собеседников и выяснили, что преподобный явился возродителем мистико-созерцательной

практики русского монашества, восходящей к прпп. Антонию и Феодосию Печерским, поставив ее на новую невиданную дотоле высоту. Основываясь на исторических источниках, нельзя однозначно сказать, был ли прп. Сергей последовательным исихастом византийского направления. Но основываясь на косвенных свидетельствах его жития и истории, можно сказать, что он действительно обрел «умное делание» и сподобился зрения фаворского света. Его исихазм отличает открытость миру, возможно даже в ущерб молитвенной практике. В его монастыре занимались социальным служением, и эта практика передалась его ученикам. Святой Сергей дал Руси множество святых учеников, которые проводили монастырскую колонизацию на север и на юг от Троицкого монастыря. Первоначально они держали молитвенную практику прп. Сергия (особенно на севере). Но со временем в созерцательной жизни этих монастырей начинается упадок из-за увеличения их имуществ, щедро даримых им князьями иеродьякон и боярами. См. также: Андрушко, 1988; Климаков, 2001; Прохоров, 1968; Прохоров, 1972; Экономцев Иоанн, 1992.

А. А. Бурькин

Сергий Радонежский в повестях о Куликовской битве: проблемы взаимосвязи текстов и редакций.

О том, что Сергей Радонежский сыграл выдающуюся роль в событиях, предшествующих походу войска Дмитрия Донского на Мамаю и в победе русского воинства на Куликовом поле, написано достаточно много. Тема нашей работы — место Сергия среди персонажей произведений, посвященных Куликовской битве, и некоторые проблемы авторских позиций и «точек зрения» авторов как композиционного приема построения этих произведений. Здесь, как нам представляется, могут быть обнаружены значимые для изучения текста памятников элементы стиля, приемы изложения или дифференцированные указания на одни и те же или на разные события.

Сразу же надо сказать, что Сергей Радонежский лишь однажды упомянут в «Задонщине», причем только в Кирилло-Белозерском списке, составляющем ее Краткую (вторичную) редакцию, и в самом конце текста: «*В лето 6900 сентября 25 преставися старец Сергий по Задонщине 13 лет прошло*» (Слово 1966, 549). Это явное позднейшее добавление, дающее некоторые основания для датировки этой редакции «Задонщины».

В «Сказании о Мамаевом побоище» имеются два эпизода, связанных с Сергием. Первый эпизод — это визит Дмитрия Донского к Сергию: «*Князь же великий Дмитрий Иванович поимъ с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и вся князи русские, и поеде к Жывоначалной Троици на поклонъ къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыа тоа обители. И моли его преподобный игумень Сергий, дабы слушалъ святую литургию, бе бо тогда день въскресный и память святых мученикъ Флора и Лавра. По отпусте же литургии, моли его святой Сергий съ всею братьею, великого князя, дабы вкусылъ хлеба в дому Жывоначалныа Троица, въ обители его. Великому же князю нужно есть, яко приидоша к нему вестницы, яко уже приближаются погании половци, моляше преподобнаго, дабы его отпустилъ. И рече ему преподобный старецъ: «Се ти замедление сугубо ти поспешение будетъ. Не уже бо ти, господине, еще венець сиа победы носити, нъ по минувших летех, а иным убо многым ныне венци плетутся». Князь же великий вкуси хлеба ихъ, игумень же Сергий в то время повеле воду освящати с мощей святых мученикъ Флора и Лавра. Князь же великий скоро от трапезы въстаетъ, преподобный же Сергий окропи его священною водою и все христолюбивое его въинство и дасть великому князю крестъ Христовъ — знамение на челе. И рече: «Пойди, господине, на поганыа половци, призывая Бога, и Господь Богъ будетъ ти помощникъ и заступникъ». И рече ему тайно: «Имаши, господине, победити супостаты своя, елико довлеетъ твоему государьству». Князь же великий рече: «Дай ми, отче, два въина от своего плъку — Пересвета Александра и брата его Андреа Ослябу, ть ты и самъ с нами пособьствуеши». Старецъ же преподобный повеле има скоро уготовитися с великим княземъ, бе бо ведоми суть ратници въ бранех, не единому сту наездници. Они же скоро послушание сътвориша преподобному старцу и не отвръгошася повеления его. И дасть имъ в тленных место оружие нетленное — крестъ Христовъ нашытъ на скымах, и повеле им вместо в шоломовъ золоченых възлагати на себя. И дасть их в руке великому князю и рече: «Се ти мои оружници, а твои*

изволници», и рече имъ: «Миръ вам, братие моя, крепко постражите, яко добрии въини по вере Христове и по всем православном христианстве с погаными половци!» И дастъ Христово знамение всему въинству великого князя, миръ и благословение».(Повести 1959, 51–52).

Второй эпизод весьма интересен – это рассказ бояр Олега Рязанского о том, что Сергей напутствовал и благословлял Дмитрия перед походом: «Слышав же то князь Олег резанский, яко князь великий съвкупися с многыми силами и грядетъ в стретение безбожному царю Мамаю и наипаче же въоружен тврдо своею верою, еже к богу вседръжителю, вышнему творцу всю надежу възлагаа. <...> Глаголаша ему бояре его: «Намъ, княже, поведали от Москвы за 15 дний, мы же устыдохомся тебе сказати: како же в вотчине его есть, близ Москвы, живетъ калугерь, Сергиемъ зовуть, велми прозорливъ. Тъй паче въоружи его и от своих калугерь даль ему пособники» (Повести 1959, 57). Оба эти эпизода присутствуют во всех редакциях «Сказания»: Основной (см. выше), летописной (Повести 1959, 86–87 и 91), Распространенной (Повести 125–126 и 136) и в Забелинском списке (Повести 1959, 175–176 и 181). Включение в единый текст «Сказания...» обоих эпизодов, представляющих одно и то же событие с разных точек зрения, – уникальное явление в композиционном построении древнерусской повести.

Интересно сравнить оформление дат тех или иных событий в «Сказании о Мамаевом побоище» и «Задонщине». Этот вопрос ныне основательно запутан ввиду того, что указанные в источниках даты со ссылками на числа месяца или церковные праздники не соответствуют расчетам на 1380 год (Журавель 2002: Егоров 2011). Пока мы не в состоянии ответить на все вопросы относительно несоответствий числа и дней недели, поэтому остановимся на наиболее существенных датах.

Дата битвы на Куликовом поле приходится на 8 (16) сентября 1380 года, то есть на субботу, как и указано в «Задонщине» «В субботу на рождество святой богородицы» (Список У: Слово 1966 538), «в субботу на Рождество Богородицы», «в день святой богородицы» (список И-1, Слово 1966: 543, 544), 8 сентября в среду на Рождество пресвятой богородицы (Список КБ, Слово 1966: 549), «в субботу на рождество святой богородицы месяца сентября в 8 день» (Список С, Слово 1966: 553). Странная ошибка в дне недели присутствует только в Кирилло-Белозерском списке, где календарная дата – точно указанное число и ошибочный день недели – предшествует указанию на праздник Рождества Богородицы. Наиболее часто встречающийся порядок указаний даты – день недели + название праздника: число месяца добавляется в начале или в конце. Ошибка списка КБ «Задонщины» (среда вместо субботы) представляет собой типичную для списков «Задонщины» ошибку зрительного восприятия и лишний раз указывает на вторичность Краткой редакции «Задонщины» по сравнению с Пространной.

В ряде списков «Задонщины» указывается, что следующее за днем битвы воскресенье, день получения известий о гибели множества русских воинов, приходилось «на Якимов и Аннин день» (Список И-2, Слово 1966: 546), «на Акима и Аннин день» (Список И-2, Слово 1966: 544). Иоаким и Анна – родители Марии, Матери Иисуса. Эта дата согласуется с датировкой дня битвы – суббота, 8 (16) сентября 1380 года.

Указания на дату Куликовской битвы в «Сказании о Мамаевом побоище» выглядят так: «месяца сентября в 8 день, великому празднику рождества святых богородица, свитающу пятку» (Основная редакция, Повести 1959: 66), «праздник сентября 8, начало спасения нашего, рождеству святей богородицы, свитающу пятку» (Летописная редакция, Повести 1959: 99), «месяца сентября в 8 день великого праздника спасения христианского рождества святых богородицы. Свитающу же пятку...» (Распространенная редакция, Повести 1959: 145), «сентября в 8 день великому празднику рождества святей богородицы. Святящу пятку...» (Забелинский список, Повести 1959: 191). Показательно, что в «Сказании» числовое обозначение даты Куликовской битвы всюду предшествует указанию на праздник Рождества Богородицы. Вместе с тем все редакции «Сказания» днем недели битвы называют «пятку», т.е. пятницу, а не субботу. Предположение о том, что на текст «Сказания» в архетипе повлияло «Слово о полку Игореве» («Съ зарания въ пятькъ...»), хотя и красиво, но слишком рискованно.

Разница в оформлении дат в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище» указывает на то, что эти даты появились в текстах названных произведений из не зависящих друг от друга источников, каждый из которых имел собственную традицию оформления дней тех или иных событий. Дата Куликовской битвы по этим источникам в целом соответствует 1380 году, хотя сдвиг дня недели с субботы на пятницу в «Сказании...» не вполне понятен: вряд ли смена дня недели могла в каких-то расчетах приходиться на светлое утреннее время. День 8 (16) сентября

приходится на пятницу в 1377 году или в 1385 году. (Все расчеты по календарям на соответствующие годы: <http://calendar.yuretz.ru/>).

Что касается дат событий, связанных с визитом Дмитрия к преподобному Сергию, эти даты – День Флора и Лавра и День Пимена Отходника – не соответствуют 1380 году (18 (26) августа 1380 года приходилось на субботу – разница в 1 день, 27 августа (5 сентября) 1380 года приходилось на вторник (разница в 2 дня). 18 (26) августа выпадало на понедельник в 1381 году, 25 августа (5 сентября) приходилось на вторник – в 1375 и в 1386 годах. Вероятнее всего, в «Сказании о Мамаевом побоище» представлены фрагменты каких-то более ранних или более поздних текстов, погодная хронология которых не совпадает с указанием на дату битвы на Куликовом Поле 8(16) сентября 1380 года, в субботу.

А. Ф. Некрылова

Народное почитание преподобного Сергия Радонежского

Невозможно представить русскую жизнь без звона колоколов, без икон и зажженных свечей, без молитв и церковных книг, без праздников, посвященных важнейшим событиям церковной истории и памяти святых, без обыденных и торжественных служб в храмах.

Не было русских городов и сел без храмов, даже в самой маленькой, глухой деревеньке обязательно была часовня. В любом доме передний угол занимали иконы, перед которыми молились, благословляли на брак, при уходе на войну и пр. Трудно переоценить тот вклад в историю, судьбу и культуру России, который внесли монастыри, бесчисленные скиты, пустыни. Из русского православного люда вышли великие подвижники — святители, иноки, мученики, страстотерпцы. Служители Церкви — это просветители, летописцы и историки, богословы, творцы бесценных произведений словесности, иконописи и поистине божественной музыки, особого русского певческого искусства, стратеги и политики, и главное — предстатели пред Богом за Русь, за всех соотечественников.

В 2014 году Православная Церковь отмечает 700-летие со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. Игуменом, истинным подвижником, мудрецом, учителем и наставником Земли Русской называют Преподобного за вклад, который внес он в духовную жизнь Руси.

Варфоломей – так назвали родители (ростовские бояре) младшего сына, имя Сергий он получит позднее, при пострижении в монахи. Мальчик с детства отличался набожностью, кротостью и смирением, хотя учение давалось ему с трудом. В житии, написанном спустя четверть века после кончины святого, рассказывается о том, как однажды Варфоломей встретил у дуба старца-черноризца и получил от него кусочек просфоры, после чего сразу же обрел знание, стал читать книги и петь псалмы. Этот эпизод запечатлен на известной картине М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею».

Юноше довелось жить в тяжелое для отечества время, когда татаро-монгольские орды продвигались на север и вглубь страны, многие города и села были разрушены, когда в самой Руси шел мучительный и трудный процесс «собирания земли» — объединение отдельных княжеств в единое государство с центром в Москве. Сергий уходит в глухие Радонежские леса (недалеко от Москвы) и становится пустынножителем. Так назывались монахи, предпочитавшие жить в полном уединении и тишине, в отречении от мира. Обстановка молчания, холода, тяжелого физического труда, отсутствие всего нужного для нормального существования давали возможность наиболее полного углубления в себя, созерцания Бога, искреннего и сосредоточенного вознесения молитв. Деревянная келья, маленькая часовня во имя Святой Троицы, выстроенные собственными руками, и небольшой огородик постепенно превратились в «духовное сердце» Руси – Троицкую обитель, названную впоследствии Троице-Сергиевой лаврой в честь своего основателя.

Молва о преподобном Сергии быстро распространилась далеко за пределами его пустыни, люди приходили получить благословение, выслушать советы, кто-то селился рядом, обустроивая и возводя новые монастырские строения. Именно Сергий поддерживал московского князя Дмитрия Ивановича Донского в его стремлении укрепить Москву, сделать ее новым стольным градом Руси и выступить единым русским войском против золотоордынских завоевателей. Незадолго до Куликовской битвы именно к преподобному Сергию обратился князь за благословением «на смертный бой» с Мамаем. 18 августа 1380 года в Радонежскую обитель прибыли князь и

воеводы, возглавлявшие русскую рать. Сергей отслужил молебен, благословил Дмитрия и всю его свиту, произнеся пророческие слова о том, что русское войско ждет «помощь, милость, слава Господа», но «многим плетутся венки мученические». Затем добавил, осенив крестом Дмитрия: «Иди, не бойся. Бог тебе поможет», и, наклонившись, на ухо ему шепнул: «Ты победишь». Он же отправил с князем двух иноков-богатырей – Пересвета и Ослябя. По преданию, перед решающим боем Пересвет отозвался на зов татарского богатыря Челибея, схватился с ним и, поразив его, сам пал.

Во время страшной битвы (8 сентября) Преподобный молился с монастырской братией у себя в церкви. Рассказывали, что провидческий дар его позволял едва ли не следить за ходом сражения, он называл имена павших и читал заупокойные молитвы, а в конце сказал «Мы победили». Предсказание Сергия исполнилось. Победителем князь Дмитрий, названный в честь этой битвы Донским, вновь посетил преподобного Сергия. Благодарственные молебны чередовались с панихидами – слишком огромными были потери. С тех пор по всей России в «дмитровскую субботу» (около 8 ноября, дня св. Димитрия Солунского — небесного покровителя московского князя) служат заупокойные панихиды по всем убиенным на поле брани.

Молясь и подымая свой крест за праведное дело, радонежский святой прежде всего был миротворцем, призывал не проливать напрасно кровь, сохранять «вечный мир и любовь из рода в род». Непререкаемым авторитетом был Сергей в спорах враждующих удельных князей. Один из самых ярких примеров: осенью 1385 года семидесятилетний старец отправился пешком верст за двести к Олегу Рязанскому, чтобы «тихими и кроткими словесы» убедить строптивного князя, давнего врага Москвы, союзника Твери и Мамаю, прекратить вражду и установить мирный союз с великим князем Дмитрием Ивановичем (Донским). И ему удалось добиться этого! Миротворцем и независимым правдолюбом предстал он и в разрешении конфликтов между претендентами на место и сан митрополита. Смиренная кротость Сергия обернулась несгибаемой твердостью, когда он наотрез отказался от предложения митрополита Алексия стать его преемником. Для преподобного Сергия главную ценность имела не борьба за власть, не внешняя, парадная сторона церковных обрядов, а напряженная работа ума и сердца, нравственная чистота, кротость, «любовь равно ко всем» и физический труд – в этом он видел истинное предназначение монашеской жизни и этим правилам следовал всю свою жизнь, до самой кончины в 1392 году.

Символом идеи нравственного и духовного единения всего мира, всеобщего согласия и гармонии была для Сергия Радонежского Святая Троица. Во многом благодаря ему Троица стала на Руси одним из самых значимых и почитаемых праздников. Высокое почитание Животворящей Троицы особым образом объединяет Сергия Радонежского с Андреем Рублевым.

Икон с изображением Сергия Радонежского немного. Среди наиболее известных — икона «Сергий Радонежский с житием», созданная в начале XVI века кем-то из круга Дионисия (или самим знаменитым иконописцем). Основные вехи жизни и деятельности Сергия Радонежского известны нам по некоторым летописным рассказам и – главным образом – по подробному житию святого, написанному спустя примерно четверть века после смерти Сергия, его учеником, талантливым писателем, монахом Троице-Сергиева монастыря Епифанием Премудрым.

Пожалуй, самая великая заслуга преподобного Сергия – неоценимый вклад в распространение православия на Русский Север. Основанная им еще в 1337 году обитель Животворящей Троицы на протяжении семи веков остается одной из самых почитаемых русских святынь, крупнейшим центром духовного просвещения и культуры. В 1744 году монастырь получил статус Лавры. В древнейшей постройке на территории монастыря – Троицком соборе (1422 – 1425) покоятся святые мощи игумена земли Русской Преподобного Сергия Радонежского, и не иссякает поток паломников к ним. В конце XVII века возведена церковь преподобного Сергия в стиле московского барокко. Есть и церковь в честь явления Сергию Божией Матери.

Отсюда, из Троице-Сергиева монастыря, начинается приобщение Русского Севера к православной культуре. Сергей основал не только Троицкую обитель, но и Благовещенский монастырь на Киржаче – левом берегу Клязьмы. Трудями учеников, последователей Сергия Радонежского и с благословения его возводилась целая сеть Подмосковных монастырей: Авраамий Галицкий учреждает Галичский Успения Богородицы, Собора Богоматери и Покрова Богородицы на реке Воче; «пустыннолюбивый» Мефодий строит монастырь за рекой Яхромой, Савва Сторожевский создал монастырь Рождества Богородицы (теперь он на территории Звенигорода), Афанасий – в Серпухове, преподобный Григорий – в Коломне. «Тихий и кроткий» Андроник заложил монастырь на Яузе (Москва разрасталась, и Андрониковский монастырь ныне оказался в одном из центральных районов столицы). Симонов монастырь за Москвой-рекой – дело

рук преподобного Феодора, племянника и любимого ученика Сергия. По завету радонежского Старца возводились монастыри Боровенский в Калужской губернии, на север от Москвы – Ферапонтов и Кирилло-Белозерский.

В Троице-Сергиевой лавре подвизались многие подвижники Русской Православной Церкви, в их числе Максим Грек. Здесь была собрана уникальная, богатая библиотека старопечатных и рукописных книг.

На долю Троице-Сергиевой лавры за прошедшие столетия выпало немало испытаний. Так, в 1608 – 1610 годы монастырь выдержал осаду 30-тысячного польско-литовского войска, осажденным помогло чудесное явление Сергия Радонежского, укрепившее дух защитников обители.

В 1920 году монастырь был закрыт. Возрождение обители началось в 1946 году.

Сергиевские храмы возводились в Москве и Петербурге. Так, на территории Москвы (в Бусинове) имеется храм преподобного Сергия Радонежского с иконой святого и частицей его мощей. Когда на берегу Финского залива близ Стрельны в 1732 году была основана Троице-Сергиева пустынь – мужской монастырь, во главе его оказался настоятель Московской Троице-Сергиевой лавры.

Трагическая и одновременно типичная для 1930-х годов судьба выпала на долю петербургского Собора во имя преподобного Сергия Радонежского (Сергиевский Всея артиллерии собор). Построенный в самом начале XIX века на Литейном пр. (д. 6), на месте существовавших со времен Петра I казарм «для пушкарей» и рабочих Литейного двора, 31 мая 1931 года он был закрыт, затем разобран, и на его месте построен комплекс зданий, принадлежавших ОГПУ–НКВД.

В начале XX века в Петербурге на участке, примыкающем к Балтийскому вокзалу, для рабочих герцога Лейхтенбергского была возведена сначала деревянная, а затем пятиглавая каменная церковь, с главным алтарем во имя Сергия Радонежского. В марте 1931 года церковь была закрыта и в том же году снесена. Близкую часть разделили и домовые сергиевские храмы Петербурга. Церковь во имя святого Сергия Радонежского, находившаяся внутри (на хорах) Духовской церкви Александро-Невской Лавры, в январе 1936 закрыта, интерьер полностью уничтожен. В Ковенском переулке (дом 12) при сиротском приюте также существовала церковь во имя Сергия (освящена в 1872 году), закрыта в 1918, здание перестроено. Церковь при Мариинском приюте для детей офицеров Военного ведомства (ныне – ул. Льва Толстого, д. 13), в 1918 – 1919 годах закрыты и церковь, и приют. При 2-м реальном училище, выстроенном на рубеже веков (современный адрес – 8-я Красноармейская, 3) в 1902 году в актовом зале была освящена церковь во имя Сергия, славившаяся своим замечательным синим с золотом иконостасом. После революции училище было закрыто, актовый зал перестроен, церковь ликвидирована.

В Северной столице, помимо храмов, посвященных преподобному чудотворцу, существовали «сергиевские» приделы в церквях, расположенных в разных районах города.

В храмах службы Сергию Радонежскому совершались 5/18 июля (обретение честных мощей святого) и 25 сент. / 8 окт. (преставление прп. Сергия, игумена Радонежского, всея Руси чудотворца), вспоминали святого и в Дмитриевские дни: 19 мая / 1 июня, во время полиелейной службы блгв. вел. кн. Дмитрию Донскому и в особенности 26 окт./ 8 ноября – в день вмч. Димитрия Солунского, небесного покровителя Дмитрия Донского, и, конечно, в Дмитриевскую субботу – один из самых важных родительских дней на Руси.

В народном календаре дни церковного поминовения Сергия Радонежского занимали скромное место и не выделялись в особо чтимые, наполненные разнообразным содержанием, при том, что Радонежский чудотворец пользовался большим почитанием в народной Руси: молитва, обращенная к нему, исцеляет «от сорока недугов».

18 июля, по народным представлениям, вечером месяц «играет», меняя свой цвет. В Замосковье, по словам А.С.Ермолова, население выходит смотреть, как месяц играет на востоке. Он «кажется как будто перебегающим с места на место или изменяющим свой цвет, или то прячется за облака, то из них выходит. Все это происходит оттого, что месяц справляет с этот день свой праздник. Игране месяца – примета счастливая» [Ермолов, 371].

8 октября народные приметы не связываются со святым: по погоде этого дня судят о сроках становления зимы: если выпадет первый снег на Сергиев день, установится зима на Михайлов» (8/21 ноября). Сергия Радонежского считают покровителем кур. Еще И. П. Калинин удивлялся: «На каком именно основании святому Сергию усвоено покровительство над этими домашними птицами – решить трудно» [Калинский 2013.]

В прикамских селах в дни Сергия принято было подавать милостыню. В одной из деревень уже в наше время про 8 октября записан такой текст: «Монах или как был, Серьга Посадский, он ведь благословлял для подвигов. Он всесоюзный, этот Серьгов день. Напекут, бражку сделают, пиво наварят... Капусту убирают, хрен сушат, толкут, с пельменями едят» [Черных, 3, с. 210 – 211].

Т. К. Никольская.

Сергий Радонежский и князь Олег Рязанский в романе Д. М. Балашова «Святая Русь»

Образы христианских святых считаются наименее доступными для творческого осмысления. В советское время подобная задача вообще, мягко говоря, не приветствовалась. Изредка исторические личности, канонизированные Православной Церковью, появлялись в произведениях литературы и кино как «прогрессивные» деятели (например, князь Александр Невский), в других случаях — как «реакционные» (например, митрополит Филипп (Колычев)). В наши дни издается много литературных переложений житий христианских святых для детского и семейного чтения, но их нельзя в полной мере отнести к художественной литературе.

Действительно, при осмыслении образов христианских святых писателям крайне нелегко взять нужный тон, показать сложность и глубину личности, мотивировать поступки. Им грозит опасность впасть в умильную легковесность или вовсе проигнорировать духовную тему, ограничившись изображением исторической личности. По этой причине более реалистичной задачей считается описание начала жизненного пути святого, пока духовные вершины им еще не достигнуты. Образы святых гораздо лучше удавались художникам: достаточно вспомнить «Видение отроку Варфоломею» или другие картины М. В. Нестерова, посвященные Сергию Радонежскому.

Между тем, в советское время к личности Сергия Радонежского обратился российский писатель Дмитрий Михайлович Балашов (1927 — 2000). В 1970-е годы он приступил к серии романов о средневековой Руси «Государи Московские», где в число персонажей включены русские князья, канонизированные Православной Церковью (например, Михаил Тверской), а также церковные иерархи, священники, монашествующие. Но с особым вниманием и любовью описан в романах преподобный Сергий Радонежский. Балашов рассматривает всю его земную жизнь – от рождения младенца Варфоломея до кончины «игумена земли Русской», наставника князей, основоположника монашеского общежития, истинного праведника во плоти. Сергий и его ученики, согласно Балашову, послужили возрождению страны: «Незримые ручейки духовной работы пропитывают почву русского народа, дают ей творческое начало жизни» [Балашов Д. М. Отречение. Петрозаводск, 1990. С. 515]. И все же писатель посчитал недостаточными эпизодические обращения к этому образу и посвятил Сергию Радонежскому отдельное произведение «Похвала Сергию», причем, сначала была издана часть о его детстве и юности (до ухода в монастырь) [Балашов Д. М. Похвала Сергию. М.-СПб., 1992], а семь лет спустя вышел роман в двух книгах [Балашов Д. М. Похвала Сергию. Книга первая, вторая. М.: АРМАДА ЦЕНТР+. 1999]. В это произведение вошли как новые главы о Сергии, так и ранее написанные части, включенные в другие романы серии. Один из них — «Святая Русь» — посвящен событиям 70-х — 80-х годов XIV века. Произведение состоит из трех книг [Балашов Д. М. Святая Русь. Книга первая, вторая, третья. М.: «Астрель», «АСТ», 2001], причем вторая так и называется — «Сергий Радонежский».

Среди литературоведов особое внимание Балашова к личности Сергия было воспринято неоднозначно и даже вызвало критику. Так, по мнению д.ф.н. А. М. Любомудрова, «...само понятие святости Балашов рассматривал вне православных традиций. Единственным “подлинно святым” выступает прп. Сергий Радонежский, который противопоставлен всей “земле” как некий исключительный “спаситель”» [Любомудров 2004. С.254; Любомудров 1990]. Правда, беседа с Балашовым, дающая основания для таких выводов и записанная Любомудровым в его воспоминаниях, состоялась примерно за десять лет до гибели писателя [Любомудров 2008. С.331–341], то есть не отражала его окончательной позиции.

Действительно, насколько удался Балашову образ Сергия Радонежского? Этот вопрос связан и с другим: был ли сам писатель православным верующим? С одной стороны, детское крещение, произошедшее в конце 1920-х годов (время усиления антирелигиозной пропаганды и тотального наступления на религию), позже — сознательный выбор имени, данного при крещении (родители назвали его Эдвардом), горячий интерес и глубокое знание православных традиций, ярко выраженная церковная тема в художественных произведениях, активная деятельность по защите православных храмов от уничтожения и, наконец, постепенное воцерковление в зрелые годы. Незадолго до гибели он исповедался и причастился в храме с. Козынево Новгородской области, причем близкие люди отмечают его особенный светлый настрой после причастия³. С другой стороны, типичное воспитание и карьера советского интеллигента⁴, беспорядочная семейная жизнь (он имел несколько браков), сложный, неуживчивый характер, отразившийся и на его отношении к РПЦ [Подробнее см.: Катченкова, Никольская 2011].

Путь Балашова к православной вере действительно был непрост и неоднозначен, что не вызывает удивления, если учесть эпоху, в которую он жил, обстоятельства судьбы и особенности его характера. Вместе с тем, его убеждения не были застывшей данностью, а развивались на протяжении всей жизни [см.: Никольская 2012. С. 139–144]. Поэтому Балашов и не претендовал на богословское осмысление образа Сергия, а объяснял свой интерес следующим образом: «Духовную суть жизни и подвигов Сергия я, разумеется, передать не способен, но деятельность Сергия могущественно повлияла на события политической истории конца XIV столетия, и вот этого, политического аспекта жизни нашего величайшего святого в писанных житиях, естественно, недостает, [...] что для собственно житийной литературы, разумеется, отнюдь не недостаток. Но современному читателю, мыслю, земная стезя Сергия на фоне событий своего времени далеко не безразлична...» [Похвала Сергию. Кн. 1-я. С.6].

На наш взгляд, Балашов не противопоставлял Сергия Радонежского другим русским святым, как единственный образец святости. Скорее уместно говорить об особой излюбленности этого образа, о внимании, которое со временем становилось все более зрелым и вдумчивым. Думается, Балашова особенно привлекали в Сергии такие качества, как цельность характера, последовательность поступков, верность рано осознанному призванию — то, чего подчас не хватало самому писателю да и многим интеллигентам его поколения, кто пришел к богоискательству через отвержение или разочарование в советской идеологии. Подобное предпочтение, доверительное чувство к определенному святому свойственно не одному Балашову, а многим верующим.

Одной из центральных тем романа «Святая Русь» является история отношений князя московского Дмитрия и князя рязанского Олега. Именно Сергей Радонежский помог им свершить, казалось бы, невозможное: примириться друг с другом, положить конец междоусобице, приносившей русской земле едва ли не больше страданий, чем иго Золотой Орды.

Олег Иванович (1330-е — 1402), великий князь рязанский с 1350 года, в официальной истории был ославлен как двуличный политик, служивший «и нашим, и вашим», и даже прямой изменник общерусскому делу, «второй Святополк», выступивший на стороне врагов Руси.

Согласно летописям, рязанский князь Олег открыто поддержал Мамаю в канун Куликовской битвы, так что коломенский епископ Герасим благословил князя московского Дмитрия идти против «окаянного сыроядца Мамаю, нечестивого Ягелла и отступника Олега». Кроме того, Олег послал от себя боярина к литовскому князю Ягелло, чтобы тот «прибыл в срок на Дон для соединения с Мамаем» (правда, одновременно он известил Дмитрия о замыслах Мамаю и Ягелло). В 1382 году Олег встретил Тохтамыша на границах Рязанской земли, «бил ему челом и изъявлял готовность вести татарское войско, указывать ему пути и переправы. [...] Ставши проводником у татар, Олег намеренно повел их так, чтобы миновать Рязанскую землю; он навел их на Серпухов, который был истреблен» [Костомаров 2005. С.126, 128, 130]. Последующий погром Рязани московскими ратями трактовался как законное действие главы государства против национального изменника.

³ Так, по мнению сына писателя Василия Дмитриевича Балашова, высказанному 7 декабря 2011 года на презентации книги «Дмитрий Балашов: Россия, до востребования...», именно это причастие стало для Дмитрия Михайловича настоящим духовным обновлением.

⁴ По крайней мере, на первом этапе карьера Балашова протекала согласно советским «канонам»: школа — институт — отработка в провинции — аспирантура — защита диссертации — направление в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР.

Однако, в XVIII — XIX веках историки стали подвергать сомнению «предательство» Олега, а еще раньше началось почитание его вместе с супругой княгиней Евфросинией как местных святых на родине, в Рязани. В 2007 году князю Олегу Ивановичу поставлен памятник в Рязани. Но несмотря на уважение рязанцев, возражения авторитетных историков и найденные ими новые материалы, во многих учебниках, да и в сознании многих людей князь Олег Рязанский по-прежнему считается предателем родной земли, этаким вождем средневековой «пятой колонны» (ситуация начала меняться лишь в последние годы). Вслед за своим учителем Л. Н. Гумилевым Балашов решительно отвергал эти обвинения.

Обращаясь в своих произведениях к образу Олега Рязанского, писатель затрагивал тему не столько предательства, сколько незаслуженной клеветы: «Но несправедливее всего оказались и судьба и молва к Олегу Рязанскому, на шесть столетий ославленному пособником и союзником Мамаю. Клеймо, не снятое и дондесь» [Святая Русь. Кн. 1-я. С.424]. Балашов проводит параллель между средневековьем и ситуацией в XX веке, когда обвинение в государственной измене стало самой распространенной формой клеветы, подкрепляемой ссылками на «волю народа». По мнению Балашова, «красивое понятие “народ” — глас народа, глас Божий, воля масс или еще того превосходнее — “воля миллионов”, от имени которой выступают разнообразные кланы и партии, — не более чем миф, и, возможно, один из самых вредных мифов двадцатого века» [Святая Русь. Кн. 2-я. С.115]. Как актуальны эти слова и в наши дни!

В действительности (так считал и Балашов) Олег в Куликовской битве был союзником Москвы, сдержав литовские рати, а слух о его предательстве «был пущен уже в 1380-х годах, в пору очередного резкого розмирья с Рязанью, виновником коего был опять же великий князь Димитрий» [Святая Русь. Кн. 1-я. С.424]. Балашов с восхищением описывает красоту и многообразие Рязанской земли, расположенной, к своему несчастью, между тремя сильными и воинственными соседями: Золотой Ордой на юге, Великим княжеством Литовским на западе и на северо-востоке Московским княжеством, которое все более расширяло свою территорию. Как отмечал В. О. Ключевский, с конца XIV века «Рязанское княжество очутилось с трех сторон среди волостей московских и владимирских, которые с Калиты были в московских же руках» [Ключевский 1988. С.17].

Дальнейший ход истории надолго определил посмертную судьбу Олега Рязанского. Поскольку в противостоянии русских земель победила Москва, официальные исторические концепции дореволюционного и особенно советского времени создавались с позиций «москвоцентричности», согласно которой возвышение Москвы — явление неизбежное и однозначно прогрессивное, а значит, любые действия, вольно или невольно противоречащие ее интересам, являются государственной изменой. Подобным образом получилось сто лет спустя, в 1470-е годы, когда московский великий князь Иван III обвинил новгородцев, призвавших князя из Литвы, в предательстве, хотя законы того времени позволяли им свободу выбора. Эта концепция, оправдывающая расправу московского князя над Новгородской республикой, благополучно дожила до наших дней [см.: Алексеев 1991].

Примерно по тем же мотивам оказался оклеветан и Олег Рязанский. По мнению Балашова, «в спорах с Рязанью виноват был всегда московский князь, то оставляющий Рязань на грабление татарам, то и сам пытающийся отщипнуть кусок от рязанского пирога. Правду не худо восстанавливать и через шесть веков, ибо правда надобна всегда, и любое извращение ее сказывается разрушительно на самом солгавшем даже и спустя столетья» [Святая Русь. Кн. 1-я. С.222]. Но интересно, что Балашов, при всех симпатиях к Олегу Рязанскому или таким личностям, как князь Михаил Тверской, Марфа Борецкая (героиня романа «Марфа-посадница»), не отвергает идею «москвоцентричности» русской истории. В своих произведениях он воздаст должное Олегу — защитнику южных рубежей Руси и объясняет, что часто разоряемое татарскими набегами Рязанское княжество все силы положило на оборону и не смогло стать одним из потенциальных центров объединения русских земель: «Степные рубежи Русской земли защищает именно Рязань, давая возможность тем же москвитам и тверичам богатеть, строиться, умножаться силою и спорить о вышней власти» [Святая Русь. Кн. 3-я. С.110].

В походе Тохтамыша татарам действительно помогли русские изменники, но не Олег, а князя Василий Кирдяпа и его брат Семен — претенденты на Нижегородское княжество. По их наущению был обманом выманен из Москвы и убит воевода князь Остей. Они же после его гибели уговорили москвичей сдаться, вероломно обещая милость татар. «Для этих двоих людей, которым еще предстояла долгая и безнадежная борьба за свои потерянные уделы, так и не просветило главное: Святая Русь, единая Русская земля, требовавшая от них ежели не жертвы, не отречения,

то хотя бы совести...» [Святая Русь. Кн. 2-я. С.128]. С горечью описывал Балашов и поведение московской черни, что спьяну ругала татар и хвалилась «уделать всех косоглазых» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 124], а всего через два дня настояла на сдаче города.

Вопреки обещаниям, Москва была разорена дотла, тысячи людей убиты, «дымом обращались богатство, слава и узорочие еще вчера гордого города» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 131]. Но гнев потрясенного Димитрия обратился не столько на татар, сколько на «предателя» Олега: «Что Олег? Торжествует теперь? Отомщен? Не он ли указывал татарам броды на Оке? Не он ли обвел хана вокруг своих владений?» И хотя все это не соответствовало действительности, в отместку «Рязанщина была разорена и испустошена москотянами “пуше татарской рати”» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 142]. По мнению Балашова, «ежели бы не усилия игумена Сергия», погром Рязани мог «самым роковым образом отразиться на судьбе юного Московского государства» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 142].

Князь Олег, умелый, мужественный воин и умный, терпеливый политик, не сразу дает волю своему гневу. Он собирает силы, втайне от Москвы готовит новые дружины и в феврале 1385 года нападает на Коломну. «Московская подмога подоспела, что называется, к шапочному разбору, когда дочиста ограбленный город весело полыхал, а последние ополонившиеся рязане уже покидали московский берег» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 241]. Против Рязани готовится новый поход, но когда серпуховский князь Владимир Андреевич, поставленный во главе войска, просит благословения у Сергия, то получает ответ: «Не потеряй воинов, князь!», при этом словно услышав не сказанное вслух: «Не по истине эта война!» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 243].

Дальнейшие события, сокрушительное поражение московских ратей, подтверждают пророческие слова Сергия. И когда тот прибывает в Москву для крещения новорожденного княжича Петра, князь Димитрий первым задает «прямой и настойчивый вопрос» о ссоре с Олегом и получает такой же прямой, мужественный ответ: «Перед лицом хищного врага, в днешнем состоянии, не должно вам с Олегом затевать новой свары. Уймись! Охолонь! Пойми свою вину и искупи ее любовью к ближнему своему, ибо нынче ближние для тебя — вся земля русичей!» [Святая Русь. Кн. 2-я. С.262–263]. Однако оскорбленный Олег требует себе новых уступок, и тогда Димитрий вновь призывает Сергия и, упав на колени, умоляет о помощи.

При разговорах с великими князьями Сергей каждому из них оказывает должное уважение, каждого внимательно выслушивает, в чем-то сочувствует, но не занимает сторону ни одного из них. Каждому из князей он помогает разобраться в себе, в каждом находит лучшие качества — великодушие, способность перебороть личные обиды и амбиции ради блага отечества.

История не сохранила описания беседы Сергия с князем Олегом. Пытаясь восстановить картину, Балашов вкладывает в уста рязанского князя собственные мысли о будущем Руси, собственные претензии к Москве. Олег был не просто обижен и разгневан на московского князя. Ситуация складывалась в его пользу: именно теперь, когда его противник был «угнетен и почти раздавлен», он мог отомстить и даже, как ему казалось, сделать Рязань центром собрания русских земель [Святая Русь. Кн. 2-я. С.276]. Сергей дает Олегу полностью выговорить свои многочисленные обиды. Но в ответ на вопросы, зрел ли он жестокости москвитов, принимал ли оскорбления от близких, Сергей, быть может, впервые в жизни, открыто признается: зрел, принимал. И этим не только укрепляет доверие Олега к себе, но и дает понять: помимо обиды и мести есть другой путь, другой выбор.

Впрочем, само по себе признание авторитета и духовной силы игумена Сергия могло и не принести результатов: Олег мог почтительно выслушать, даже что-то пообещать — и поступить по-своему. Но рязанский князь предельно искренен со своим собеседником. Он резко спорит с Сергием, возражает, грубит ему. Согласно Балашову, рязанский князь даже предвидит посмертную утрату своего доброго имени. В ответ Сергей немногословен, в основном ограничивается краткими репликами, но настолько емкими и точными, что в результате Олег сам проговаривает суровую правду: именно Москве суждено объединить Русь, и ради этого великого дела надо уступить Димитрию, примириться с ним, признать его первенство. Его спор с игуменом земли русской остается как бы неоконченным, не все аргументы убеждают рязанского князя, но «сверхчувствием» он уже признал правоту Сергия, «и правота эта была против него, Олега, и против его княжества» [Святая Русь. Кн. 2-я. С. 275].

В итоге Олег раз и навсегда оставляет междоусобную борьбу. Два года спустя московский и рязанский князья закрепили «вечный мир» браком между Федором, сыном Олега, и дочерью Димитрия Софьей.

В дальнейшем повествовании Балашов практически не касается духовной эволюции князя Олега, что отмечена в его житийных описаниях [Иоаким (Заякин). 3.09.2014]. Автор лишь эпизодически возвращается к истории примирения московского и рязанского великих князей, которое бы никогда не состоялось без мудрого участия Сергия Радонежского. И по прешествии времени Олег Рязанский, которому было труднее согласиться на примирение, сердцем признает, что именно Москве суждено возглавить русские земли: «Он мог выиграть и выигрывал сражения, [...] но войну с Москвою зажатая меж молотом и наковальней Рязань все равно проигрывала, и проигрывала, по-видимому, задолго до его появления на свет!» [Святая Русь. Кн. 3-я. С.104]. В свою очередь и князь Димитрий вспоминает «о рязанском великом князе Олеге, с которым игумен Сергий заставил его помириться и, видно, оказался прав!» [Святая Русь. Кн. 3-я. С. 122].

Почему же свершилось это чудо примирения двух противников? Оба князя сумели услышать Сергия, отринуть самолюбие, сиюминутные политические интересы ради чистой совести перед Богом и ради будущего Руси. Когда-то в юности Варфоломей попытался призвать к покаянию злого колдуна-убийцу Ляпуна Ерша, но не достиг успеха, хотя и спасся чудом от его нападения [Похвала Сергию. Кн. 1-я. С.157-164]. Дело было не только в духовной малоопытности юноши, а в окаменелости колдуна, его нежелании смириться перед Богом. Уже будучи троицким игуменом, Сергий не сразу сумел устыдить богатого селянина Шибайлу, укравшего у мальчика-сироты выращенного им борова [Похвала Сергию. Кн. 1-я. С.452-453.]. Но на этот раз призыв к покаянию нашел искренний отклик. Не случайно, возвращаясь из Рязани, Сергий вспоминает давний случай с боровом и признает, что «князя Олега уговорить было ему все-таки легче, чем селянина Шибайлу»: «Ибо духовная сила успешливее всего там, где встречает ответную, подобную себе духовность...» [Святая Русь. Кн. 2-я. С.277].

В наши дни тема примирения братских стран и народов сделалась, как никогда, актуальной, и в этом смысле произведения Балашова, его размышления о духовных истоках как войны, так и мира вновь обрели современное звучание. И по-новому воспринимаются слова автора из предисловия к роману «Похвала Сергию» о том, что «современному читателю, мыслью, земная стезя Сергия на фоне событий своего времени далеко не безразлична, и потребность в таком вот романе [...] настоятельная» [Похвала Сергию. Кн. 1-я. С. 6].

И. С. Катченкова

Средневековая школа в романе Д. М. Балашова «Похвала Сергию»

Дмитрий Михайлович Балашов – наш старший современник, уроженец Петербурга, много лет живший в русской провинции – в Кириллове (прямо в келье монастыря), на просторах древней Новгородчины – как говорится, на земле, с полным годовым циклом сельскохозяйственных работ и забот, в окружении крестьянствующих соотечественников. Он много поработал и на ниве русской культуры как фольклорист, исторический писатель и публицист, мыслящий не поверхностно, журналистски, а исторически, а потому часто – пророчески; общественный деятель, мученически погибший летом, 17 июля 2000 года.

Он был человеком многогранных дарований. Его историческими романами серии «Государи московские» зачитывались, лишь только они выходили, они читаются и переиздаются и в наши дни. Его рисунки, резьба по дереву еще ждут своих публикаторов и исследователей, а стихи и публицистика, не потерявшая актуальности, становящаяся все более и более пророчеством, которое, увы, сбывается, – еще и издателей. Ждет собрания и осмысления его научное наследие – работы о народной балладе, статьи об эпосе, о народном театре, до сих пор поражающие точностью мысли и широтой охвата материала. Растет число и его исследователей [См.: Бычков 2010; Бычков 2011; Даниил, игумен 2010].

В произведениях, посвященных Сергию Радонежскому, писателем создан величественный и одновременно словно бы реальный образ «игумена Земли Русской», осознаваемый Балашовым как стержневой для всего русского народа, русской истории. Именно преподобного Сергия Дмитрий Михайлович выделял из всего сонма русских святых и относился к его памяти с трепетным почитанием. И была здесь, думается, и еще одна причина – лично-биографическая. Как пишет Григорий Михайлович Балашов, брат писателя, в 20-30-е годы прошлого века их семья жила в доме №20 на ул. Чайковского, которая до революции называлась Сергиевской, по собору св.

Сергия, разрушенному в 1933 году [Балашов Гр. 2005. С. 3]. Собор св. Сергия имел номер 17 на Сергиевской улице – рядом! Предполагаю, что воспоминания раннего детства и разговоры окружающих о соборе могли стать основой предощущения романа-исследования о Сергии Радонежском.

Балашов – исследователь («Перед написанием романа непременно провожу научные исследования») и певец русской истории. В своих романах он раскрывает характеры, судьбы, события, реконструируемые им как историком и как художником. Как художник он любит русичами XIV века. По его мнению, этот век – век подъема московского государства, время пассионариев, людей действия, самоотверженно и соборно решающих судьбы страны на десятилетия вперед. И одним из главных делателей будущего был наставник и воспитатель народа, собеседник и учитель князей и бояр, внешне незаметный лесной старец и исихаст, аскет и помощник всех страждущих, уже при жизни слышавший провидцем и чудотворцем – Сергий.

Как и в житии Сергия Радонежского, составленного его учеником и собеседником Епифанием, в романе Балашова жизнь святого предстает перед нами с рождения. Варфоломей – второй сын благоверных родителей – ростовского боярина Кирилла и жены его Марии (родители преп. Сергия были канонизированы). В своем историческом повествовании Балашов много внимания уделяет воспитанию и образованию будущего святого и его братьев, пополняя сведения, сообщаемые агиографом, из народных обычаев воспитания детей, хорошо известных ему, как опытному фольклористу: «Маленький русич воспитывался на сказках. После уж – на преданиях старины, былинах и житиях. ...Уважительное отношение к старшим было законом тогдашнего общинного бытия... В боярской семье воспитание было тем же самым, что и в крестьянской, только прибавлялась Священная история да Евангелия... Сказки бояричам Кирилловичам, наверное, рассказывала няня, а сама боярыня-мать читала сыновьям Евангелие и жития святых» [Балашов Д. М. Похвала Сергию. 2005. С. 48–49].

В современных школьных программах, составляемых чиновниками от образования, существует формула «предполагаемые результаты обучения». Учитель должен запланировать, что должны усвоить учащиеся в результате урока или системы уроков и внеклассных мероприятий. А вот Балашов, сам многодетный отец, на материале проблем воспитания в Древней Руси ставит вопросы о сложности детского мышления, о возможной непредсказуемости процессов обучения: он понимал и видел, что уроки взрослых могут по-разному восприниматься детьми: «Знают ли взрослые, как преломляются в детском сознании их рассказы? Кому сочувствует маленький слушатель? Не пожалеет ли Кошечка Бессмертного? Не осудит ли гордого героя сказки? Не захочет ли сам стать разбойником?... Или пылко и прямо примет строгие поучения древних книг? И не надорвется ли он, пытаясь исполнить неисполнимое?» [Похвала Сергию. 2005. С. 51]. Очень правильные слова, заставляющие искать ту меру предвидения результатов в работе с детьми, которая гарантировала бы такие достижения в педагогическом процессе, которые обеспечивали бы развитие самой культуры, а не ее разрушение.

Варфоломей с детских лет полюбил Евангелие, и слова Христа о необходимости помогать ближним воспринял буквально. Свою одежду он часто раздаривал крестьянским мальчишкам, так что перед выходом с боярского двора его одевали попроще. Он любил и жалел не только людей, но и животных, всегда заступался за обижаемых зверей. И звери, даже дикие, всегда чувствовали его любовь (вспомним эпизод с медведем из жития). Великие святые всегда относились к зверям как к «меньшим братьям». Вспомним хотя бы св. Герасима, св. Серафима Саровского, а у католиков – св. Франциска Ассизского.

Балашов не пишет, были ли у Кирилловичей наставники отроков – «кормильцы» из доверенных слуг отца. Они должны были отвечать за мужское воспитание юных бояричей: учить верховой езде, владению оружием, правилам поведения в воинской дружинной среде. Вероятно, в семье боярина Кирилла, медленно, но неуклонно разорявшейся из-за частых поездок хозяина с ростовскими князьями в Орду, а особенно – после «нахождения» московских войск, по приказу хана Узбека громивших непокорную Тверь, а заодно уж и «тянувший» к Твери Ростов, происходило некое «опрошение» родовых обычаев. Впрочем, родители придавали большое значение образованию всех троих сыновей. По мере «возрастия» все они начинали обучение в Григорьевском затворе. [Антология педагогической мысли 1985; Мельник 1990; sergiy.rostmuseum.ru/zatvor.html]

Это знаменитое учебное заведение Древней Руси было основано князем Константином Всеволодовичем первоначально в Ярославле, в стенах Спасского монастыря. В Ростов училище было переведено в 1214 году. Предположительно, Григорьевский затвор (это был монастырь во

имя св. Григория Богослова) располагался в Ростовском кремле. При нем существовала библиотека, работал скрипторий, изучались греческий и иные языки, велось летописание. Самыми известными выпускниками Григорьевского затвора являются Епифаний Премудрый и Стефан Пермский. [Антология педагогической мысли 1986].

В Епифаниевском и других житиях Сергия нет упоминаний о том, что он учился именно в Григорьевском затворе, были в Ростове и другие училища, но Балашов резонно полагает, что сыновья боярина Кирилла, ближнего княжого мужа, должны были учиться там.

Что же нам известно про древнерусскую школу?

«Современный читатель, обращаясь к философской, исторической, культурологической, педагогической литературе, обнаруживает утвердившееся мнение об изначальном, а потом нарастающем отставании средневековой Руси от достижений европейской науки, о плохой осведомленности россиян в вопросах естественнонаучного знания... Однако здесь важно увидеть главное: речь идет об особом типе образованности, сложившемся на Руси в её средневековой истории» [Валицкая 2005. С. 41–42].

Древнерусская школа, в отличие от современной, была пропитана христианским духом и давала ученику гуманитарное знание. Первое упоминание об организации обучения детей мы находим в «Повести временных лет». Князь Владимир вскоре после принятия христианства «посылал... собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное... Владимир же был просвещен сам, и сыновья его, и земля его» [Повесть Временных Лет. 1997. С. 87–89]. Следующий великий князь – Ярослав Мудрый, как известно, любил книги, создавал церкви, школы при них и библиотеки. Учились в школах не только будущие священнослужители, но и дети бояр, дружинников, купцов, зажиточных горожан и крестьян. В школьную программу того времени входили чтение, письмо, арифметика и основы христианского вероучения. Знать владела также иностранными языками. Одной из лучших школ того времени была школа при Софийском соборе в Киеве, с которой были связаны митрополит Илларион и летописец Нестор. Существовала также школа для девочек, которую открыла сестра Владимира Мономаха княжна Янка. [Пархоменко 2010. С. 117–118].

Но вернемся к роману «Похвала Сергию». Несмотря на бедствия, «татарские нашествия», трудности повседневной жизни, образование ценилось. Простолудин через успехи в «научении книжном» мог повысить свой социальный статус, определиться в княжеские писцы или тиуны. Грамотного односельчанина крестьяне могли избрать в попы (что, конечно, требовало затем епископского утверждения, но кандидатом мог быть грамотный и знающий порядок церковной службы мужик). Поэтому вместе с боярскими детьми в Григорьевском затворе учились и «иные дети, в посконине, в бурых сапогах из некрашеной кожи, а то и в поршнях, дети дьяконов и бедных попов» [Похвала Сергию... С. 63].

Школы существовали во многих древнерусских городах. «...До сих пор не многие знают, что в Древней Руси уже в XIII – XIV вв. была принята классно-урочная система преподавания, сходная с нашей, а города-республики...содержали на общинный... счет городские бесплатные школы, называемые... училищами, в коих могли учиться и дети бедных граждан. Усложнялась и программа, напоминая западноевропейские “тривиум” и “квадривиум”» [Похвала Сергию. С.78-79].

Учили в XIV веке чтению и письму, церковному пению, счету, а в старших классах – и риторике, истории, богословию. «Сверх того изучали греческий язык, а некоторые к тому же и древнееврейский, как язык Библии. Словом, кончившие полный курс наук получали неплохое политико-гуманитарное образование...Особенностью тогдашних школ было то, что школы не делились на церковные и гражданские. (В отличие от средневекового Запада, вослед византийской традиции. – *И. К.*). Иерархи церкви и светские деятели получали одинаковое образование, благодаря чему, в частности, правящее сословие великолепно разбиралось во всех церковных вопросах... Изучивши, вдобавок к вышесказанному, своды законов (“Мерило праведное”, “Номоканон” и “Правду Русскую”), боярский или княжеский сын был готов к сложному делу управления страной и руководства людьми» [Похвала Сергию. С. 79].

Первенец боярина Кирилла, Стефан, учится в Григорьевском затворе легко и с удовольствием: «Уже позади Псалтирь, Златоуст, труды Василия Великого и Григория Богослова. Между делом прочитаны Амартол, Малала и Флавий. Проглочены “Александрия”, “Девгениевы деяния” и пересказы Омировых поэм о войне Троянской. Стефан почти одолел Библию в греческом переводе, читает Пселла, изучая по его трудам риторiku и красноречие, а вдобавок к греческому начал постигать древнееврейский язык. Уже наставники не вдруг дерзают осадить

этого юношу, когда он начинает спорить о тонкостях богословия, опираясь на труды Фомы Аквината, Синесия или Дионисия Ареопагита. А инок Никодим, побывавший на Афоне и в Константинополе, подолгу беседует с ним как с равным себе» [Похвала Сергию. С. 62]. Таков круг чтения одаренного ученика XIV века.

По Псалтири учились чтению. Амартол, Малала, Иосиф Флавий – историки. Интересно, что наряду с православными богословами упомянут и Фома Аквинский. Таким образом, мы можем предполагать, что, несмотря на противостояние с католиками, их труды в училищах изучались, хотя, скорее всего – не всеми. Да и до класса богословия могли доучиться не все. Большинство учащихся по разным причинам «отсеивались» на ранних ступенях обучения.

В школу мальчиков по традиции отдавали с семи лет. И это не случайно. До семи лет ребенок – младенец, с семи – отрок. Начинается подготовка к взрослой жизни. Учителя назывались «мастера грамоты». Каждый учитель занимался с 8–10 учениками. Азбуку заучивали на слух, затем складывали буквы в слоги, затем слоги в слова. Писали сначала на вощаницах, затем на обрывках бересты⁵. В начальных классах отрабатывались и навыки счета. Археологи находят стеклянные и глиняные игрально-счетные жетоны. Для наглядности могли пересчитывать палочки. В Древней Руси знали и действия с дробями⁶.

Варфоломей был отдан в школу семи лет. Вместе со старшим братом Стефаном и сопровождающим слугой-стремянным (у братьев была одна лошадь на двоих) они отправились в Григорьевский затвор. Занятия проходили в келейном покое, уставленном низкими дощатыми скамьями.

В первый же день занятий Варфоломею очень не понравилось в училище: «Вечером он долго и непривычно взволнованно рассказывал матери, что в училище ругают, и бьют, и насмешничают, и поют не так, как дома, и, словом, все там не так, и что он больше не хочет в училище, но, конечно, все равно поедет туда, ежели так нужно матери и Господу, и будет терпеть эту муку так, как терпел поношения от иудеев Иисус Христос» [Похвала Сергию, С. 85].

Собственно, чаще всего первый школьный день приносит не радость, а озабоченность. И это понятно, большинство из нас переживали нечто сходное в новой школе, в новом классе. Но вот решение Варфоломея крепиться, «терпеть эту муку» вряд ли близко нашим современникам. Если и терпят, то со слезами, с истериками, вынуждая родителей вмешаться в ситуацию. Доходит уж и до того, что учителей заставляют ставить лучшие оценки, не делать замечаний... Девиз современной школы «Ребенок всегда прав!» И вот перед нами урок от преподобного Сергия: не всегда ситуацию в жизни можно развернуть так, как хочется, есть вещи, которые надо перетерпеть. И это касается не только школы...

Дальше – всем известная хрестоматийная история, как у Варфоломея не получалось складывать из букв слова. Его наказывали родители, над ним издевались одноклассники, ничего не могли поделать учителя. «На уроках Варфоломей теперь сидел угрюмо и отрешенно, глядя перед собой и пропуская мимо ушей то, что старался объяснить ему учитель. В голове Варфоломея под воздействием обиды, ярости, согласного глумления сверстников и все растущего внутреннего упорства что-то сдвинулось...и весь строй соображения начал идти по замкнутому кругу» [Похвала Сергию. С. 87].

Варфоломей молился об одолении грамоты, прилагая все усилия к тому, чтобы постичь неведомый мир азбуки. После «видения отроку Варфоломею», встречи, совместной молитвы и беседы с таинственным старцем, он вдруг, чудесным образом постиг единство и смысл азбучного устройства, усвоил грамоту и стал одним из лучших учеников.

Второй урок преподобного Сергия – что и в безнадежных, казалось бы, ситуациях следует, уповая на Бога, не опускать руки.

Школьные невзгоды закалили характер будущего подвижника, научили его твердости, самостоятельности суждений и мыслей. Вот как рассуждает об этом Балашов: «Может быть,

⁵ О том, как отец выбирает сыну «учебное пособие» см.: *Балашов Д. М.* Господин Великий Новгород. «Можжевельная дощечка, сверху обрезанная домиком, с тремя отверстиями для ремешка по краям и с крышкой была как-то особенно старательно и любовно сделана. Поверху шли рядами красиво вырезанные буквы — с оборота...уже наплавлен воск». Такие вощаницы находили на раскопках Великого Новгорода. Научившись выводить буквами на воске, переходили на более твердый материал – бересту. Сергей до конца жизни пользовался берестяными книжками-самоделками [см. Ю. Лошиц. 1991. С. 462].

⁶ Подробнее о содержании образования см.: История образования на Руси. Девятые Юношеские Балашовские Чтения. Сборник материалов. Сост. М. В. Беляя, С. А. Воробьева, О. Н. Балашова, Великий Новгород, 2011.

Варфоломея как раз и спасла от подавления средою его неуспешливость в занятиях. Его... отпихнули от себя насмешками и презрением сотоварищи, тем самым дали Варфоломею уцелеть, укрепиться в себе. Искус стать, как все, его миновал. И даже небрежение брата... и гнев родителей в чем-то помогли Варфоломею, помогли затвердеть и закалиться характеру его» [Похвала Сергию. С. 89].

Третий урок преподобного Сергия – зная свою внутреннюю правоту, не угождать большинству, не стремиться любой ценой к наградам, похвалам, поощрениям.

Из-за разорения семьи и отъезда из Ростова в Радонеж Варфоломею не удалось окончить полный курс в Григорьевском затворе. Казалось бы, стало не до учебы: семья в московском княжестве утратила боярский статус, родители старели, хозяйство, почти крестьянское, легло на плечи молодых Кирилловичей. Но Варфоломей каждую свободную минуту учится у Стефана, выпрашивая его о богословских и философских тонкостях.

Вот урок от преп. Сергия и для учителей: никогда не надо ставить «крест» на учениках. Возможно, тяга к знаниям проявится позднее, но и станет тогда осознанней и глубже. Вспомним сцену искушения братьев в лесу. Не обученный философским и богословским премудростям Стефан, у которого и слов не нашлось для быстрого опровержения врага рода человеческого, а именно Варфоломей, сердцем почуявший истину, спрашивает Стефана, почему он сразу не сказал лесной нежити: отойди от меня, сатана! То есть, пока старший брат судорожно подыскивал нужные богословские аргументы, младший осознал главное.

Таким образом, Д. М. Балашов показывает, что школьное обучение в средневековой Руси не отставало от западноевропейского, но, в преобразованном изначально целостностью восприятия мира, обостряло критериальное представление о зле и добре в выборе между ними.

Образование, по крайней мере, первой ступени, могли получить мальчики всех сословий. Высокий уровень грамотности в средние века подтверждается и данными археологических раскопок. Престиж школы, книги, образования сохранялся на Руси еще долгие столетия. Недаром в народе сложилась поговорка «корень учения горек, а плоды его сладки». Мы видим это и на примере Варфоломея, который не сразу смог овладеть грамотой, но, усвоив начальный курс знаний, полюбил учиться и всю жизнь учился – сначала в школе, затем у брата, потом и у тех людей, с которыми ему выпадало встретиться.

Преподобный Сергий Радонежский, дивный старец, равно близкий всем сословиям тогдашней Руси, строитель не только Троицкой обители – строитель нашей страны и наших душ, наш наставник и предстатель перед Господом за Русь, моли Бога о нас!

В приложении к докладу мы помещаем стихотворение Д.М.Балашова «Встреча», а также свое стихотворение «Балашов пишет “Похвалу Сергию”». Ж. Север, №№11-12, 2012. С.78–79.

Д. БАЛАШОВ «ВСТРЕЧА»

Возле елок и осинок
Оседает грязный снег.
Исполать тебе, Россия,
Исполать тебе вовек!
Серый цвет твоих развалин,
Косогоры да вода,
Да над сказочною далью
Зависают провода...
Словно тем вот косогором
Шли в лаптях, за ратью рать
Не рифмованным укором
За Россию умирать.
А под речкою-калекой,
Где осока да пустырь
В незапамятные лета
Сергий ставил монастырь.
А за синими холмами
Ото всех лихих времен
Бородатыми волхвами

Город Китеж потаён.
Вот теперь уже взаправду
Увлажнились глаза,
Вот теперь уже в нагладу

Даже эти небеса!
Даже серость, даже сырость,
Даже облачная хмарь,
Исполать тебе, Россия,
Принимай меня как встарь!
Никуда-то мне не скрыться,
Сколь ни стану колесить,
Надо Сергию молиться,
Надо Богу послужить!
Надо тем же косогором
Что на подвиг, что на рать
Отправляться безо спору
За Россию умирать.
Чтобы сказка не сносила,
Чтоб не высохла вода,
Чтоб не кончилась Россия,
Не исчезла никуда!

ИРИНА КАТЧЕНКОВА
БАЛАШОВ ПИШЕТ «ПОХВАЛУ СЕРГИЮ»

*Преподобный отче наш Сергие,
Моли Бога о нас!*

*Надо Сергию молиться,
Надо Богу послужить!*
(Д. БАЛАШОВ)

Как сказало – так и стало
В череде ненастных дней,
Ведь у Митрия Михальча
Жизнь – не мёд и не елей.
За столом согнувшись письменным,
Словно пахарь за сохой,
Бедам счет ведет он мысленно,
Что терзают край родной.
Ох, неужто вновь не справимся?
Ох, неужто неподым?
Ты пошто, Господь, оставил нас
Попечением своим?

По грехам да по неверию
Наша жизнь – сплошная грусть.
Помолись же, отче Сергие,
Перед Господом за Русь!
Укрепи в нас ревность Божию,
Отогреться дай душой,
И тогда, тогда возможем мы
Жить светло и хорошо.
...Древни годы не воротятся.
Где герои? Прах и пыль.
Но пахать ещё торопится
Древнерусский богатырь.
...Волхов ночью укрывается,
Дремлет Новгород во мгле,
А у Митрия Михальча
Буквы пляшут на столе.
Трудно «Похвала» слагается,
Не на небе – на земле...

Февраль 2004

Л. Г. Орлова.

В. Г. Распутин: «Собиратель русских душ»

Наш современник Валентин Распутин еще в конце 80-х — начале 90-х. годов написал очерк о Сергии Радонежском, который впоследствии был опубликован в ряде изданий. [Ближний свет издаека: Распутин 1992, 1998] Этот очерк возник в самый критический момент нашей истории – крушение и распад СССР, лавина инфляции, пустые полки магазинов, чеченский кризис (Вахитова 2005. С. 164–169). В такой исторический момент, после десятилетий материалистического атеизма, сама весть о Сергии Радонежском была дерзкой и спасительной. Образ Сергия, сплотившего Русь в не менее тяжкие времена, собирал силы нашего народа и выражал целую программу духовного возрождения в конце XX века. «То был страшный для России и ее братьев век, — писал Распутин, — каких не водилось и при татарщине. Едва не вытравили огнем, разбоем и ругательствами веру, заменяя ее не на басурманскую, чего в старину боялись, не на униатскую, посягавшую позднее на православие, а на каинову, при которой брат подбивался на убийство брата и открыто творилось торжище зла. Миллионы были уведены в полон в свое же отечественное рабство, миллионы замучены, огромные хлебные губернии уморены голодом. Сергиев Посад вскоре после революции переименовали, Лавру закрыли, мощи Преподобного выставили в музее на посмешище...».

Чтобы понять значение этого небольшого очерка о Сергии, необходимо вспомнить многие другие произведения Распутина: «Прощание с Матёрой» (1976), «Пожар» (1985), вошедшие в основной фонд русской литературы XX века. Писатель уже тогда предвидел катастрофические последствия в жизни России и предупреждал, что наступление мирового «прогресса», как нашествие, направлено против первооснов нашей культуры, заглушает собственный голос России, превращает человека в винтик потребительского мира, уничтожает основы православного мировоззрения. Перечитывая Распутина, видишь, как он был чуток к сейсмическим гулам современности, как он был прав. Его романы были пророческими, и только спустя годы его предостережения стали внятны.

Этапной стала речь Валентина Григорьевича на съезде народных депутатов, раскрывшего значение введенного тогда понятия «плюрализм». «...плюрализм нравственности. Вот это поопаснее всяких бомб». В ней он не побоялся вспомнить слова П. А. Столыпина: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия», которые прогремели тогда с трибуны съезда по всем каналам ТВ. [Распутин, 1 июня 1989]

Столь же программной была речь на X съезде Союза писателей в 1999 году, где Распутин рассматривает свою литературную деятельность как «общее наше строительно-укрепительное дело вспоможения родному Отечеству» в период, когда действуют культурно-исторические реалии «как закономерно наступившие после катастрофы, так и искусственно поддерживаемые, взращиваемые, чтобы продолжать посрамление жизни». [Распутин (нояб. 1999, 2000)] Он подводит итоги: «Россия выстояла, в этом больше нет сомнения. Она выстояла, если говорить, смещая времена, и о будущих, не менее тяжких и коварных испытаниях. Как вдохновение, поднимается в людях воля снять с себя проклятие, наложенное нечистыми умами. Среди тьмы прислужничества появляются прокуроры, ищущие справедливого закона для преступников, губернаторы, радеющие за свои земли, а в правительстве объявляются лица, глядящие на Россию ответственно. Это что-то да значит!» (*Валентин Распутин Возвращение к России // Sibirica : сайт*).

В очерке о Сергии писатель словно бы продолжает сказанное на съезде: «И какое бы ни раздавалось вокруг улюлюканье своих и чужих бесноватых, сознательных и несознательных, вышедших из чрева ее, поносителей России – пробил час подыматься. Будут еще, безсомненно, подсечки, будут от ослабости неверные движения, не сразу Москва строилась, не сразу и Русь соединилась в Дмитриеве в войско, вставшее стеной на Куликовом Поле. ... Прямые пути в истории редки, ими лишь итожится долгая возделывательная работа, подобно тому, как неделя венчается воскресением. Исторические воскресения не непременно случаются с обязательностью седьмого дня, за них приходится много претерпеть».

Образ Сергия Радонежского, не отделимый в русской истории от памяти о Куликовской битве (и в очерке Распутина «Поле Куликово»), так же связан с ней в публицистических высказываниях писателя о подмене культурных кодов России. Так, Распутин раскрывает глаза на то, как вполне невинная и благодушная, на первый взгляд, на фоне других, телепередача «Поле чудес», с калейдоскопом из букв, добрых людей и рулетки, направлена прочь от заветов Сергия, работает на подмену ментальной исторической идентичности россиян [У нас — Поле Куликово, у них — «поле чудес» // Валентин Распутин, 2000].

Всем своим творчеством, возникшем из глубин народного сознания, одаренный тем чувством слова, которое сразу находит отклик в сердце читателя, В. Г. Распутин выступает как неутомимый борец и работник, проповедник и охранитель самой народной жизни. интересов и целей народа. Жизнь, как показывает писатель в своих произведениях, должна быть наполнена объединяющим всех людей смыслом, стремлением к гармонии с природой, историей и духовной традицией.

Говоря о подрастающем поколении, Распутин видит, что оно оставлено попечением государства, когда был взят неверный курс соблазна ложными приоритетами, а на десятом плане оставлено человеческое совершенствование.

С глубоким трепетом и волнением я читаю вновь и вновь размышления Распутина о значении памяти о Сергии Радонежском в наши дни. Но если среднее и старшее поколения сегодня могут назвать исторические факты, связанные с именем Сергия Радонежского, то далеко не всякий современный школьник скажет, кто такой Сергей Радонежский вообще. Действительно, мы — «неразумные дети неразумного века» и еще более «неразумных» выращиваем, так слабовольно и беззащитно предаваясь инновациям, которые растлевают личность и препятствуют формированию человека, входящего в мир как личность ответственная.

В очерке о Сергии Распутин упоминает Бориса Зайцева, русского писателя, который в 1924 году написал свое житие Преподобного Сергия Радонежского. Тянулась русская эмиграция к тому, чтобы и на чужой земле устроить родной уголок. Она острее, с болью размышляла о судьбе России и испытывала необходимость питаться светом Преподобного. «Вспомним дивный, от начала и до конца теплом и надеждой согретый, небесным словом сотканный рассказ Ивана Шмелева “Куликово Поле”. Вспомним страстное, составленное из народного мнения заклинание Н. К. Рериха на освящении часовни Преподобного (поставленной, кстати, сибиряками в американском Радонеже, штат Коннектикут): “Преподобный знает, когда спасти”, “Преподобный знает, когда явиться”, “Преподобный знает, когда помочь”, “Преподобный знает, где нет неверия и предательства”». [см.: Рерих 1931].

Вчитываясь в текст Жития преподобного Сергия, Распутин, как далекий собрат древнерусского мастера «плетения словес», видит, как «Епифаний, говоря об исходящей от трудов Сергия Радонежского благодати, находит для нее точное пространственное сравнение: “Рука Сергия была простерта, яко река многоводная, тихая струями”. Так и представляешь эти “тихие струи”, переливающиеся от сердца к сердцу, чтобы оплодотворить и соединить их в общее

национальное биение. По водоразделам всех просторов текли они, растопляя хладнорусскость, оставшуюся от времен вражды и раздоров, отогревая ее в живое проточное чувство. И вот один из примеров: когда вольница Дикого Поля, управлявшаяся собственными законами, отслоилась от российской государственности, при угрозе врага, забыв обиды, она считала своим долгом выступить на помощь России: братство по крови и по духу уже побеждало выгоду и разногласия».

Особенно волнующими строчками в очерке «Ближний свет издалека» являются строки откровения автора, как к нему пришел Сергей Радонежский. Это было во время посещения Куликова Поля. От сохранившейся деревеньки Монастырщины, ночью, Распутин отправился к Полно. Именно здесь и ощутил он присутствие Сергия, хотя не раз бывал в Сергиевой Лавре: «В ту ночь я впервые близко ощутил присутствие Сергия. До того близко, будто, отыскав меня, чужака, он и ко мне прикоснулся умиротворяющей дланью. Только, бывая не раз в Сергиевой Лавре, я и возле мощей Преподобного не мог протиснуться ближе. Что-то мешало. Или многолюдье, густота и сбивчивость чувств от преклоненных, или то как раз, что мне уже была явлена милость в разверстости той полекуликовой ночи. "Чего же смущаешься, чадо?" – я и голос потом отыскал под эти слова, сказанные под вопрошающе-твердый взгляд поднятых глаз».

Пока живы в нашей памяти святые и святыни, Россия имеет силы выстоять. Распутин находит простые и проникающие в душу слова: «Человеческая душа не может быть необитаемой, ей необходимо подпитываться энергией, а взять ее можно только из самого лучшего и святого, что составляет наш мир». «При всем множестве любимых и почитаемых в нашем народе святых Сергиева святость несколько особого сложения – сложенная из русского представления о своем идеале». Писатель свидетельствует, что «без Сергия Радонежского русская душа не полна, не окормлена до полной меры сытости, когда она может окормливать других».

Сергий имел много последователей, и число их множилось из века в век. «Ученики Сергия, считается, поставили в глухотных местах около 40 монастырей, ученики учеников – еще более 60. "Собор Радонежских святых", как называется в истории нашей духовности все великолепие имен из последователей Сергия, канонизированных впоследствии Церковью, объял своим трудничеством многие окраины Московской Руси». В наши дни храмы в честь Преподобного стоят по всей русской земле от Москвы до самых до окраин, во Владивостоке, Новосибирске и многих городах и селениях.

Память о Сергии теплится, как лампада, и не только как о святом чудотворце, но и какими-то живыми чертами, в простой залатанной одежде, с неброским лицом простого русского плотника, с открытым светлым взором мыслителя. «Интуиция подсказывает, – пишет Распутин, — что ничего великого он и не говорил при беседах, самое простое, но величие было в том, как говорил, каким голосом, как смотрел, что видел в собеседнике, что читал в одном ему ведомых письменах. Созданный им в себе огромный святой мир, высказываемый незамысловатым истечением мысли, должен был производить немалое впечатление. Какое-то окрыление, вероятно, появлялось у человека. Не сразу благословил Сергей и князя Дмитрия на кровавую встречу с Мамаем, выпрашивая, все ли испробованы мирные пути, и видя, как много плетется по Руси мученических венков, а благословив и отпуская от себя князя, шепнул – вся правда тут в том, что шепнул, только что провидя: "Ты победишь". И такая сила была в этих словах, так они вошли в князя, что он "прослезился" и больше уже не позволял себе сомневаться в успехе. Иногда выбор судьбоносных решений зависит, казалось бы, от самого малого: неизвестно, осмелился ли бы Дмитрий Иванович перейти Дон и закрыть себе дорогу к отступлению, если бы не звучал в нем шепот Сергия».

Память о преподобном Сергии дошла из рода в род, до наших дней, дней нашей жизни, как общая мысль о России, нас объединяющая. По словам Епифания Премудрого, «не хотел святой, как и при жизни, после смерти славы, но крепкая сила Божья его прославила». Распутин словно продолжает мысль Сергия, не желающего славы: «Из всех слав, возданных Сергию Радонежскому при жизни и по смерти, первая – собиратель русских душ», — так характеризует деятельность великого русского подвижника Распутин. Слава святого Сергия соединяет нас с прошлым России и в наши дни, и объединяет нас между собой, пролагая путь в будущее.

Слова В. Г. Распутина, как стрелы, пущенные из 90-х годов, попали точно в цель в наше время, в наши сердца. И понимаю я их гораздо полнее, чем раньше. В дни душевных смятений мы обращаемся к Сергию Радонежскому. В дни несправедливости и безумия мы вспоминаем наших святых и просим их о помощи, о том, чтобы жизнь вновь обрела нормальное русло и люди могли спокойно трудиться и воспитывать детей с памятью о Сергии из рода в род, из поколения в поколение. «Игумен Троицкой обители <...> собой наставлял, своим примером». Толпы людей,

которые шли к Сергию за утешением и поддержкой, видели в нем целителя, прикосновение к которому отводило все беды. Епифаний описал несколько случаев сверхъестественного исцеления, дающегося по вере. Преподобный не поучал, а благодарил всех, кто к нему обращался. Внимательно выслушивал собеседника, а сам после этого спокойно разрешал сомнения людей, что к нему приходили, и человек окрылялся. В людей вселялась надежда и уверенность в своих силах.

Сергия слушались князья, как своего старшего наставника. К Сергию тянулись все сословия. В монастыре многие искали спасения от несправедливости и тягот мира сего. Как актуальны строки Распутина: «...окаянство продолжало бурлить рядом с течением святости, но Россия подтвердила свой путь».

О нашем народе писатель говорит: «Много тяжкого ждет его впереди, особенно в ближайшие годы, но не оставят его Великие Путеводители, когда обратится он к ним за просвещением. <...> Такие светоносные явления, как Сергей Радонежский, вызываются не итогом чего-то, а предвестием, в том числе необходимостью спасительных переходов через духовное бездорожье всех времен».

Когда нужно совершить переход через духовное бездорожье, встать на твердую почву и обрести себя в трудах праведных и борениях, обратимся к Сергию Радонежскому!

В. А. Свободов

Богопознание как опыт русской истории XX века (богословские труды Н. Е. Пестова)

У меня в руках двухтомник моего родственника Николая Евграфовича Пестова (1892 – 1982) «Современная практика православного благочестия» (М, 2012), опубликованный издательством «Братство святого апостола Иоанна Богослова», по рекомендации Издательского Совета Русской Православной Церкви. После гибели сына в 1943 году у автора книги «открылся литературный талант и дар проповедника и богослова», как пишет его зять, протоиерей Николай Соколов, настоятель церкви свт. Николая Чудотворца в Толмачах (при Третьяковской галерее). При жизни автора работа, естественно, не могла быть издана. Она читалась в рукописных списках и хорошо была известна прихожанам.

О Николае Евграфовиче я слышал с детства. В начале Первой Мировой войны юный Николай Пестов добровольцем ушел на фронт. После революции поручик царской армии возвратился в родной Нижний, где был арестован и приговорен к расстрелу, которого удалось избежать в силу обстоятельств, полностью изменивших его судьбу. В городе свирепствовала эпидемия, а арестант, увлекавшийся с юности химией (впоследствии он – доктор химических наук, ученый с мировым именем), придумал способ, как обезопасить горожан. Власти Нижнего не только не расстреляли осужденного, но выпустили из тюрьмы, а в благодарность за оказанную городу помощь приняли в партию большевиков, после чего он был назначен военным комиссаром Приуральянского военного округа. Знакомство с такими военными и политическими деятелями, как Троцкий, Фрунзе, Каменев, обеспечивало, казалось, блестящую карьеру при новых властях. Однако он не смог идти по этому пути. Дочь Пестова вспоминает, что в дневнике Николая Евграфовича есть запись: «Вспоминать то зло, которое я совершил в те годы, мне всего тяжелее. Все это было при отсутствии у меня православной веры» («Современная практика православного благочестия», с. 3). О душевных переживаниях Пестова, связанных с должностными функциями военного комиссара, можно прочесть в его книге «Исповедь».

Помню с детства рассказ о том, что есть у нас близкий родственник, который поменял партийный билет на рясу и при каких обстоятельствах. А случилось то, что должность Пестова обязывала его подписать смертный приговор императору и его семье. На следующий день после казни он приехал на место расстрела и, по его словам, «чуть не сошел с ума». Он вышел из партии, отказался от карьеры военного и государственного деятеля. Можно представить, что испытал Пестов, рискуя своим жизненным благополучием и самой жизнью, но в руках у него, как видно, была «нить Ариадны», которая вывела на уровень ученого с мировым именем, работавшего в Университете, институтах и Военной академии Москвы.

После гибели сына Николай Евграфович собрал его письма и составил книгу «Жизнь для вечности». Она печаталась и перепечатывалась «самиздатом» много раз, расходилась по всей России и

многих привела к вере. «В 50-х годах Пестов начал писать труды по богословию, которые переписывались от руки и распространялись среди прихожан четырнадцатью старушками машинистками», – пишет протоиерей Николай Соколов в предисловии к книге Н. Е. Пестова «Свет откровения. Размышления над Апокалипсисом» (М., 2010. С. 4). Тайно, вспоминает Н. Соколов, под предлогом работы над диссертацией по химии, Николай Евграфович начал работать над первым своим богословским трудом, посвященным особенностям православного благочестия и опубликованным спустя много лет после смерти автора в 2010 году. Среди читателей рукописи были Святейший Патриарх Алексий I, Святейший Патриарх Пимен, митрополиты Питирим Волоколамский, Антоний Сурожский, Епископ Анатолий Керченский. Внук Пестова архиепископ Сергей Соколов незадолго до своей кончины дал благословение на публикацию книги. Вся пенсия Пестова уходила на оплату машинописи, на бумагу и распространение книги, которую автор называл «диссертацией». Таким названием автор «пытался придать своему богословию вид научной работы: семья боялась обыска» (Н. Соколов).

У Николая Евграфовича и его жены Зои Вениаминовны были дочь Наталия и сын Николай и два внука: Сергей (Владыка Сергей архиепископ Новосибирский и Бердский) и Федор, протоиерей, погибший в 1980 году в автокатастрофе, которого Патриарх Пимен прочил на смену себе. Наталия Николаевна (в замужестве Соколова) оставила воспоминания в автобиографической повести «Под кровом Всевышнего» (М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2007). Воспоминания дочери продолжила книга воспоминаний Пестовых и Соколовых «Серафимово благословение».

В год 700-летия памяти Сергия Радонежского важно хранить память о тех, кто, пройдя сквозь горнило испытаний Историей, вынес из них новое удостоверение веры.

О. А. Светлова

К открытию Часовни святого Сергия Радонежского в Новосибирске

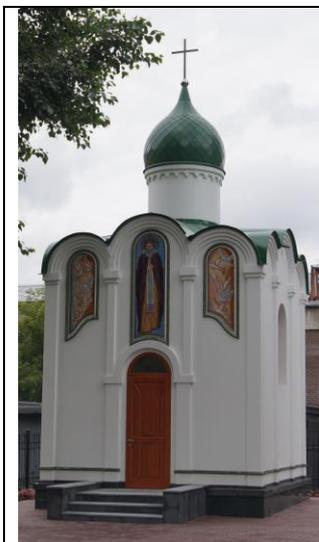
*Возсия днесь пресветлая и всепразднственная память твоя преславне Сергие
(из стихир на хвалитех службы в Память преподобнаго отца нашего
Сергия игумена, Радонежскаго чудотворца)*

В октябре 2014 года в Новосибирске состоится торжественное открытие Часовни преподобного Сергия Радонежского, приуроченное к 700-летию со дня рождения великого Заступника и Покровителя Земли Русской, в рамках IX Рериховских чтений. Инициатива и реализация этого уникального проекта принадлежит Сибирскому Рериховскому Обществу (СибРО). Еще в период строительства Музея Н. К. Рериха (1997–2007) у основателя и руководителя общества Н. Д. Спириной (1911–2004) возникла идея воздвигнуть на территории Музея часовню, посвященную великому русскому святому, но осуществить этот замысел удалось только с 2012 года, когда началось народное строительство. Идея эта отнюдь не случайна. Образ святого русского подвижника занимает особое место в творчестве Н. К. Рериха. Художником созданы картины из жизни преподобного Сергия, проекты скитов и часовен имени святого⁷, написан ряд книг и статей. Как отмечает сотрудник СибРО Т. Деменко, «вся деятельность Рерихов была пронизана почитанием Сергия, любовью и преданностью этому Великому Святому, оказывавшему в самые тяжкие моменты нашей истории незримое Заступничество, вызывая нарастание народного единения, прилив веры и мощный духовный подъем Руси. Однако Н. К. Рерих утверждает, что деятельность Преподобного выходит за рамки только русского национального служения и имеет общечеловеческое знамение» [Деменко, 2013, с. 8].

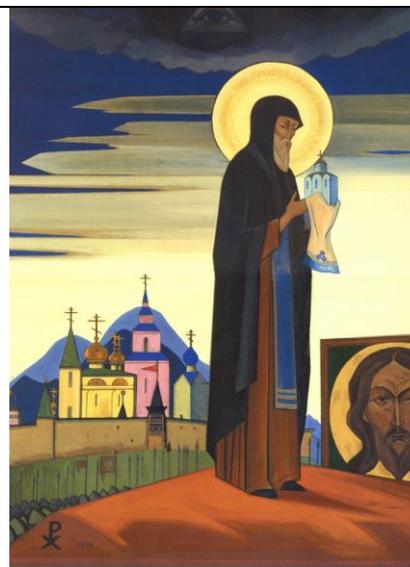
Несмотря на то, что часовня задумывалась, прежде всего, как мемориал, а не культовое сооружение, одной из важных задач при ее проектировании стало сохранение традиций древнерусского храмового зодчества, с учетом того, что «это строение надо было не только вписать в небольшое пространство музейной территории – оно должно завершить создание

⁷ Как известно, некоторые проекты часовен Н. К. Рериха были воплощены. В частности, в 1930 г. в русской деревне Чураевка около Нью-Йорка, основанной сибирским писателем Г. Д. Гребенщиковым, была открыта и освящена часовня Святого Сергия. По информации Т. Деменко, в 2000 г. часовня реставрирована, в настоящее время в ней проводятся службы [с. 11].

культурного комплекса, объединяющего Музей Н. К. Рериха, Колокол Мира и часовню Преподобного Сергия» [Ольховая, 2013, с. 7], образующего единый архитектурный ансамбль. Работая над проектом, молодой новосибирский архитектор Анастасия Коровина анализировала известные церковные памятники Древней Руси, а также привлекала изображения храмов на полотнах и эскизах Н. К. Рериха. В результате было найдено оригинальное решение: «Образ древнерусского белокаменного храма с фасадом, разделенным на три части пилястрами, переходящими в закомары, шлемовидная форма купола» [Ольховая, 2013, с. 7] (илл. 1).

Илл. 1. Часовня святого Сергия Радонежского в Новосибирске. Июль 2014 (фото автора статьи)

Илл. 2. Н. К. Рерих. «Святой Сергий Радонежский»

Внимательный наблюдатель, впервые увидевший часовню и знающий картины художника, сразу сопоставит архитектуру строения с миниатюрным храмом, что держит в своих руках преподобный Сергий на известном полотне Н. К. Рериха «Святой Сергий Радонежский» (1932) (илл. 2). Четырехконечный крест на куполе часовни подобен тому, что венчает храм в руках святого Сергия. По словам директора Музея О. А. Ольховой, картина Н. К. Рериха, содержащая пророческие слова «Тебе, трижды суждено спасти Россию. Первый раз при Дмитрии Донском; второй раз в Смутное время; третий раз ...», безусловно, будет размещена внутри часовни. В целом архитектурный облик одноглавой четырехстолпной трехапсидной часовни вызывает аналогии с такими выдающимися древнерусскими памятниками, как Спасо-Преображенский собор в Переславль-Залесском (1152–1157), белокаменная церковь Покрова на Нерли близ Боголюбова (1165), церковь святого Георгия в Старой Ладогe (60-е годы XII века), Дмитриевский собор во Владимире (1191), церковь Спаса на Нередице в Новгороде (1198–1199), собор Успения Пресвятой Богородицы в Звенигороде (XIV–XV века).

Знаковым моментом начала постройки часовни стала заложенная в основание земля, привезенная из Варниц – родины святого Сергия, подобно тому, как в 2002 году при строительстве новосибирского Музея им. Н. К. Рериха в основание центральной колонны была заложена капсула с землей из Троице-Сергиевой Лавры. Стены часовни возводили новосибирские строители, купол изготавливался на специализированном предприятии в г. Трехгорном Челябинской области. В настоящее время завершена большая часть отделочных работ. Для главного фасада изготовлено мозаичное панно из трех фрагментов: в центре – изображение святого Сергия с известного шитого покрыва (1424), который полагался на гробницу с мощами Сергия Радонежского в Троицком соборе, – самое раннее иконописное изображение преподобного с сохранившимися его портретными чертами (илл. 3), по краям – мотивы сюжета с фрески Свято-Троицкой Сергиевой Лавры «Пророческое видение птиц преподобному Сергию» (илл. 4). Все три мозаичные панно над входом имеют керамическое обрамление, украшенное рисунком.

Илл. 3. Мозаичное панно «Святой Сергий Радонежский» на фасаде Часовни (фото автора статьи)

Илл. 4. Мозаичное панно на фасаде Часовни (фото автора статьи)

В день памяти преподобного Сергия Радонежского 18 июля в Музее Н. К. Рериха открылась выставка, посвященная Преподобному Сергию. Одна часть выставки «Имя святое – Сергий» представляет экспозицию иконописных изображений и объединяет известные иконы святого Сергия XV–XVII веков, клейма житийных икон из собраний российских музеев Москвы, Ярославля, Вологды, Сергиева-Посада, Троице-Сергиевой Лавры, а также редкие образцы, в частности фотографии икон из собрания Музея Н. К. Рерих в Нью-Йорке и из личного архива Е. И. Рерих (илл. 5).

В другой части выставки, названной «Земной Ангел и Небесный Человек», собраны репродукции картин трех мастеров – известные полотна живописцев М. В. Нестерова (илл. 6), Н. К. Рериха (илл. 7) и работы современного московского художника С. Н. Ефошкина (илл. 8). Цикл этого автора «Преподобный Сергий» включает десять картин, сюжеты и образы которых навеяны фрагментами жития святого: о деяниях и духовных подвигах – «Труды в пекарне», «Молитва», «В семье. Чтение», «Весна», о чудесах – «Благословение отрока Варфоломея», «Явление Пресвятой Богородицы», «Чудо о птицах», «Чудо об огне и Ангеле Господнем», о самых поворотных для истории Отечества моментах – «Благословение преподобным Сергием князя Дмитрия Донского на битву», «Беседа преподобного Сергия и митрополита Алексея». В октябре в Музее должны предстать подлинники картин художника С. Н. Ефошкина.

Илл. 5. Выставка икон «Имя Святое – Сергий» (фото с сайта [См.: Открытие выставок... 2014])

На выставке демонстрировалось новое, только что оконченное, оригинальное произведение, посвященное святому Сергию, автором которого является заслуженный художник России Л. Р. Цесюлевич, приехавший когда-то

из родной Риги на Алтай по совету Ю. Н. Рериха. В течение 18 лет барнаульский художник создавал «Зов Преподобного» – необычайно глубокую, проникновенную картину, от которой исходит мощнейший энергетический импульс (илл. 9).

По замыслу автора, она входит в триптих, в котором уже написана первая картина «Встреча в пути» с изображением Иисуса Христа.

Илл. 6. Репродукции картин М. В. Нестерова (фото с сайта [См.: Открытие выставок... 2014])

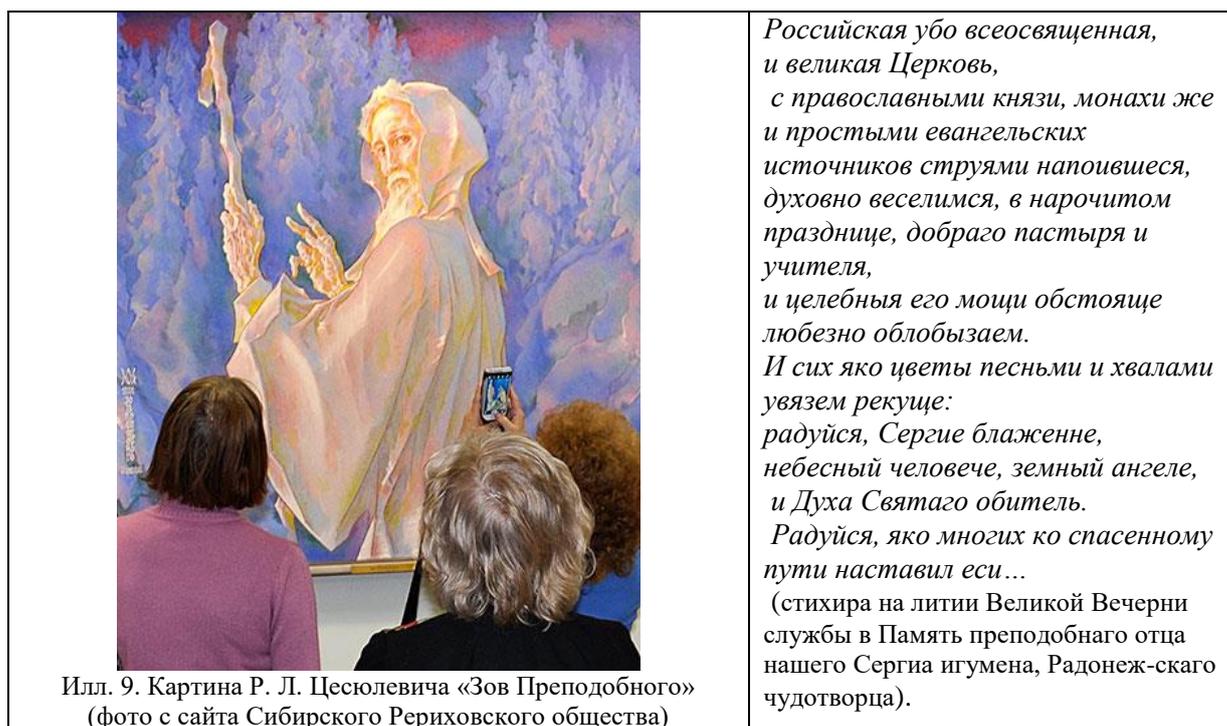
Итак, основные торжества памяти великого святого впереди. Материал для настоящей статьи был собран благодаря содействию директора Музея Н. К. Рериха в Новосибирске Ольги Андреевны Ольховой, которой мы выражаем глубокую признательность за предоставление автору ряда публикаций о строительстве часовни святого Сергия Радонежского.

Илл. 7. Репродукции картин Н. К. Рериха (фото с сайта [См.: Открытие выставок... 2014])

Илл. 8. Репродукции картин С. Н. Ефошкина (фото с сайта [См.: Открытие выставок... 2014])

Илл. 9. Картина Р. Л. Цесюлевича «Зов Преподобного»
(фото с сайта Сибирского Рериховского общества)

Н. Е. Денисова

Духовное наследие преподобного Сергия Радонежского в гуманитарных курсах для студентов технических вузов

Памятная дата 700-летия преподобного Сергия Радонежского вызывает стремление переосмыслить и более глубоко осознать роль, которую играет образ святого в культуре современной России. Мы провели блиц-опрос среди вновь поступивших в 2014 году студентов первого курса Новоуральского технологического института НИЯУ МИФИ с целью выявить, какие

ассоциации вызывает у них имя преподобного Сергия Радонежского. Результаты опроса показали, что большинство ассоциаций направлено в сторону исторических реалий, связанных с деятельностью преподобного Сергия, идей гражданственности, патриотизма, собирания русских земель. Вероятно, здесь уже сыграла свою роль просветительская работа, проведенная в школах и СМИ в связи с памятной датой. Образ преподобного Сергия как выдающегося деятеля русской истории постепенно внедряется в массовое сознание, что, безусловно, демонстрирует мощный положительный рывок в формировании национального образа мира.

Изучение традиции памяти русских святых «...имеет два основных истока: интерес к русской истории и постижение глубин духовного опыта России» (Серегина 1994. С. 209). Если с первым истоком ситуация представляется относительно благополучной, то в отношении постижения наследия преподобного Сергия со стороны духовного опыта студенты проявили очевидную некомпетентность. Параллельно можно отметить характерный факт из богослужебной практики храма во имя преподобного Серафима Саровского (г. Новоуральск). Молебны преподобному Сергию заказывают наиболее часто в периоды экзаменационной сессии и к началу учебного года. Студенты понимают широко известный эпизод жития преподобного Сергия о даровании ему чудесным образом успехов в учении как приобретение практического навыка, освоение одной из технологий. Обретение преподобным Сергием дара грамотности воспринимается исключительно в прикладном аспекте. Образы молитвы о просветлении, даровании разума как способности постичь образ мира в его целостности, идеи духовного делания, умозрения, восхождения к благодати, обретения даров Святого Духа оказались бесконечно далеки от сознания большинства вчерашних выпускников российских школ, в другой информационной Вселенной. Восполнению этого пробела может послужить курс культурологии, который читается во 2 семестре (первый год обучения). Речь идет в первую очередь о такой форме работы, как подготовка реферата из раздела самостоятельной работы студента, поскольку именно здесь возможно тематическое расширение и углубление краткого общеобразовательного курса.

Интересным решением представляется подготовка несколькими студентами рефератов, представляющих разные аспекты образа преподобного Сергия Радонежского, и краткие презентации результатов проделанной работы на семинаре по теме «Основные периоды истории культуры России». Получится своего рода мини-конференция, посвященная преподобному Сергию, его духовному наследию и образу. Формулировка тем рефератов и сообщений, конечно, может вызывать ряд затруднений. Одна из проблем связана с применением культурологической терминологии. Например, тема «Образ преподобного Сергия Радонежского как культурного героя эпохи русского Предвозрождения» может вызывать протест со стороны сложившейся традиции православного богословия. С другой стороны, для контингента не православных студентов необходимо соблюдать баланс между духовным и светским научным подходом. В качестве своеобразного компромисса, обеспечивающего необходимое в данном образовательном курсе жанровое направление, мы предлагаем (как один из возможных вариантов) следующий комплекс тем, посвященных образу преподобного Сергия Радонежского в искусстве:

1. Образ преподобного Сергия Радонежского в православной гимнографии.
2. Образ преподобного Сергия Радонежского в произведениях древнерусской живописи.
3. Образ преподобного Сергия Радонежского в творчестве М. В. Нестерова.

Важным представляется подбор литературы, видео- и аудиоматериалов для подготовки сообщений. Следует учитывать большую занятость студентов, из-за чего освоение большого количества источников в реальности окажется невозможным. В качестве базового источника для работы над темой мы рекомендуем работы Н. С. Серегиной (1994, с. 209–223, 283–286, 402–421), Г. А. Пожидаевой (1992), музыкальные тексты стихир «Преподобне отче Сергие» и «Придите иночествующих множество», поэтические тексты славников и стихир. По приведенным ссылкам студенты могут, при желании, составить список литературы и получить направление для более широкого знакомства с темой, вопросами русской духовности в жизни преподобного Сергия и его учеников, о связи Сергия Радонежского с течением исихазма, образе преподобного Сергия в иконописи и миниатюрах лицевых рукописей. Для изучения памятников древнерусского золотного шитья (покров преподобного Сергия, см. работы Маясовой) можно привлечь материалы журнала Убрус (см. Дроздова, 2003). В презентации третьей темы можно использовать фрагменты из очерка И. Долгополова о творчестве М. В. Нестерова. Художественный текст очерка замечательно передает поэтику древнего предания и окружавшего преподобного Сергия среднерусского пейзажа. Сам факт работы не только с компьютерным текстом (см. [Гусакова](#)), но с высокохудожественным изданием трехтомника «Мастера и шедевры» представляется нам ценным

опытом погружения студентов в книжную культуру⁴. Конечно, поиск материалов для мини-конференции может быть более свободным, поскольку не всегда есть возможность найти рекомендованную книгу. Но в любом случае необходимо подготовить иллюстрации для презентаций (примеры прилагаются). Важнейшей задачей преподавателей гуманитарных дисциплин в вузах, где эти дисциплины не являются основными, следует считать формирование богатого культурного контекста, соответствующего лучшим традициям российского образования, и сохранения в живой традиции русского культурного наследия. Имя Преподобного является для нас, по нашим молитвам, духовно наставническим и путеводительным.

Н. С. Серегина

Сюжет и композиция картины М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» в свете иконописной традиции

Картина Михаила Нестерова «Явление отроку Варфоломею» (1890) входит в цикл работ о Сергии Радонежском выдающегося художника и в круг живописных полотен художников, в том числе Рериха и многих других, посвященных Великому подвижнику Русской земли.

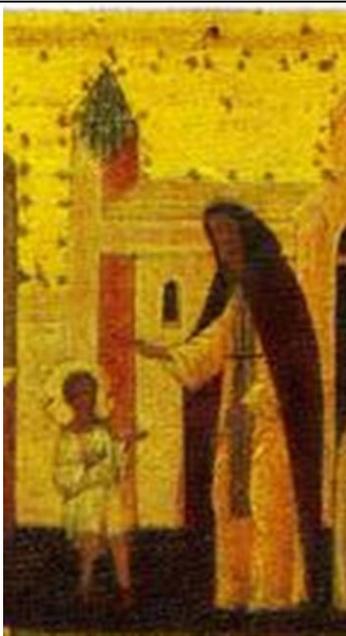
Сюжет картины Нестерова основывается на Житии Сергия Радонежского, а композиция, как можно видеть при сравнении, опирается на иконописную традицию Древней Руси. В житийных иконах, посвященных преп. Сергию Радонежскому, сложился особый тип композиции с клеймами, среди которых можно видеть сюжет о видении отроку Варфоломею святого старца, осенившего его познанием грамоты. Этот сюжет является типологически устойчивым и исполненным глубокого философского смысла. В целом ряде житийных икон Сергия сюжет о чудесном познании отроком Варфоломеем азбучной премудрости, которая ему до сих пор не давалась, входит в каноническую композицию. Обычно это вторая клейма слева, в верхнем ряду, сразу после клеймы о рождении Сергия. Нестеров практически повторяет сюжет и композицию клейма иконы, создав в реалистической манере прямой пространственной перспективы и жизнеподобного изображения отрока, старца, дерева на первом плане и тонко-воздушного ранне-осеннего среднерусского пейзажа — одно из выразительнейших произведений живописи, широко известного и входящего в число едва ли не самых значительных его творений при наличии масштабных полотен историко-символического содержания.

Перед художником стояла задача, несомненно всеохватно им постигаемая, выразить не только психологическую, но и мистико-философскую глубину сюжета. Нельзя не видеть, что при работе над картиной он вчитывался в строки Жития Сергия и всматривался в клейма житийных икон.

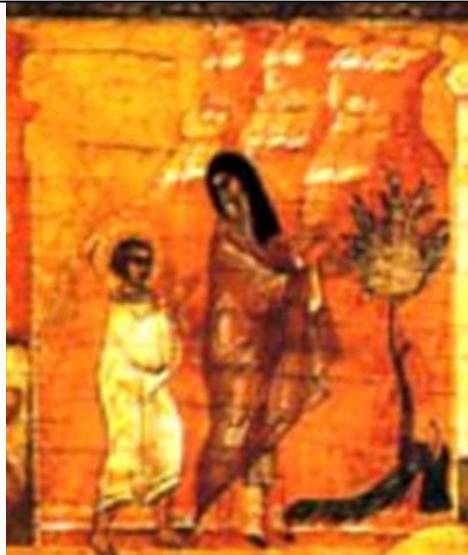
Композиция картины следует канонической, сложившейся в произведениях иконописцев композиции клейм с этим сюжетом — старец справа, отрок слева. В одной иконе старец протягивает ребенку руку и влечет, видимо, к вершинам Духа. В другой — иконописец изображает пейзаж: множество цветущих деревьев, весенний лес. В одном случае одинокое дерево в глубине, в центре кадра, в другом — как и в картине Нестерова — справа. В иконах мы видим выразительный облик отрока, ребенка, то ведомого таинственным иноком, то благословляемого им, то преклоненного перед ним. Величественный облик старца на иконах либо имеет конкретные признаки священнослужителя, либо высветленными очертаниями одежды напоминает фигуру ангела.

Клейма иконы обычно не рассматриваются пристально зрителем — он созерцает в молитве икону в целом. При рассмотрении этого сюжета в клеймах совершенно очевидно, что иконописцы с большим мастерством владели методом мистического реализма, отражая действие, сюжет, движение святых, выразительный пейзаж. Нестеровское настроение картины, пожалуй, содержит даже больше статики — остановленное мгновение, нежели динамическая пластика событий в пространстве иконы.

Вербальное описание композиции этого сюжета на иконе и в картине Нестерова, думается, можно ограничить сказанным, читателю же предлагаем насладиться изображением его во всех стилях и проникнуться духовными энергиями, пронизывающими все представленные живописные произведения.

Дионисий. Фрагмент иконы «Сергий Радонежский в житии», нач. XVI в. Музей древнерусского искусства им. Андрея Рублева

Фрагмент иконы «Преподобный Сергий Радонежский», с житием в 12 клеймах. XVI в. Государственный Русский музей

Фрагмент иконы «Сергий Радонежский в житии». XVII век, 5-я клейма.

Сюжет явления старца отроку Варфоломею восходит к эпизоду Жития Сергия о научении грамоте. Отроку Варфоломею не дается грамота из разрозненных букв – и не по причине лени или небрежения, но от данного ему от рождения изначального ощущения целостности божественного замысла, которого он не видит в разрозненных буквах. Другие дети, с обыденным сознанием, спокойно усваивают все, что бы им ни говорил учитель, а Варфоломей – не может, не поняв целого и не воссоединившись с Целостным и Изначально Цельным. Явление Старца соединяет его с Божественным смыслом Всего, и он вдруг и чудесно, познав Целое, видит и провидит в буквах и знаках явление Высшего в обыденном: «*Стефану же и Петру спѣшно изучившу грамоту, сему же отроку не скоро выкнущу писанию, но медленно нѣкакo и не прилѣжно. Учитель же его съ*

многым прилежаниемъ учяше его, но отрокъ не внимаше и не умѣяше, не точенъ бысть дружинѣ своей, учящимся с ним. О сем убо много браним бываше от родителю своею, болѣ же от учителя томим, а от дружины укаряем. Отрокъ же вътайнѣ часто съ слъзами моляшеся Богу, глаголя: «Господи! Ты дай же ми грамоту сию, Ты научи мя и вразуми мя!».

В Житии просматривается еще и особое отношение к изучению славянской азбуки. Познание грамоты через славянскую азбуку, которая сама есть образ целостности познания, – это, по житию Сергия, познание божественной целостности мира, который в разрозненных сведениях, преподносимых ученикам в школе и школярски ими запоминаемых, для Сергия – без познания единства мира – бессмысленны и бессвязны. Молясь Богу об учении грамоте, он молился об Откровении и о Благодати Божией. И Епифаний подчеркивает результат видения Варфоломея особым заголовком: «Яко от Бога дастся ему книжный разум, а не от человекъ».

То, что Сергий приобрелся Благодати от появившегося перед ним старца, утверждается вкушением им кусочка просфиры, хлеба, который был сладкий как мед. Старец *«трех пръсты подаетъ ему ничто образом акы анафору, видѣнемъ акы малъ кусъ бѣла хлѣба пшенична, еже от святых просфиры, рекъ ему: «Зини усты своими, чадо, и развръзи я. Приими сие и снѣжь, се тебѣ дается знамение благодати Божия и разума Святого Писания. Аще бо и мало видеться даемое, но велика сладость вкушения его». Отрокъ же овръзь уста своа и снѣсть сие; и бысть сладость въ устѣх его, акы мед сладяй. И рече: «Не се ли есть реченное: «Коль сладка гортани моему словеса твоя! Паче меда устом моим»; и душа моя възлюби а згъло».*

Просфора, или мал кус хлеба пшеничного, которую вкусил Варфоломей, – сладка, яко мед, а мед – это вкус Премудрости Божией.

Так, Сергием, дается Премудрость его ученикам и духовным потомкам. Возможно, через него и Епифаний, его ученик и собеседник, приял Ее и был прозван Премудрым своими современниками. Особый строй картины Нестерова, живописующего отрока Варфоломея, созвучен похвальному слову Епифания Премудрого, отмечающего, что он пишет не для мудрых старцев, кои знали преподобного Сергия и сами могут поправить агиографа, но пишет он именно для детей, для будущих поколений, чтобы память о святом передавалась из рода в род. Епифаний пишет похвалу Сергию стихами, в риторической манере своего времени, опирающейся не на рифму, а на структурную ритмическую вязь, на риторическую повторность [см.: Надъ 2003, с. 6-14], на лексику высокого стиля, на дух поэзии, отражающий возвышенный образ Преподобного:

*Сиа же подробну писах не к тѣмъ, иже извѣсто свѣдующим и добрѣ знающимъ
благочестное житие его: ти бо не требуютъ сего възвѣщение.
Нъ понудихся възвѣстити сиа и възпоманути новорожденнымъ младенцемъ и
младоумнымъ отрочатом, и дѣтскыи смыслъ еще имущимъ,
да и ти нѣкогда възрастуть, и възмужають, и преуспѣють, и достигнутъ в мѣру
врѣсты исполненія мужества, и достигнуть в разумъ сверъшенъ, и другъ друга
въспросятъ о семь,
и почетше разумѣють и инѣмъ възвѣстятъ, яко же въ Святомъ писании речеся:
«Въпроси, — рече, — отца твоего, и възвѣститъ тебѣ, старца твоя, и рекутъ тебѣ.
Елико видѣша, и слышаша, и разумѣша отци наши, повѣдаша намъ,
да не утаится от чад ихъ в род инъ сказати я сыновомъ своимъ,
да познаетъ родъ инъ, сынове родящеися,
да възстануть и повѣдятъ я сыномъ своимъ и не забудутъ дѣлъ Божиихъ».*

(Клосс 1998. С. 275)

Образ отрока Варфоломея в картине Нестерова являет мысль Епифания о новых и новых поколениях, входящих от младенчества в зрелость и мужество с именем преподобного Сергия, с теми заветами, которые он являл своими речами и делами.

Так, через образ ребенка, отрока на картине Михаила Нестерова, образ Сергия Радонежского входит в круг живописных произведений, доступных и открывающихся детскому сознанию, через него входит в круг основных народобразующих символов русской культуры, раскрывающийся в сознании новых поколений из рода в род не только через православное богослужение, через древние тексты, песнопения и иконы, храмовую архитектуру, но через новые и новые произведения литературы, живописи, через личный опыт новых поколений.

ЧАСТЬ II. ПАМЯТЬ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ: ПЕНИЕ, МУЗЫКА, ИСКУССТВО.

*Положено же бысть тѣло преподобнаго въ церкви, ю же самъ създа,
и въздвиже, и устрои, и сътвори, и украси ю всякою подобною красотою...,
иде же непрестанныя молитвы сътвори;
иде же повседневныя и нощныя пѣнія и благодарения славословяше
и Бога възспѣваше;*

Н. С. Серегина.

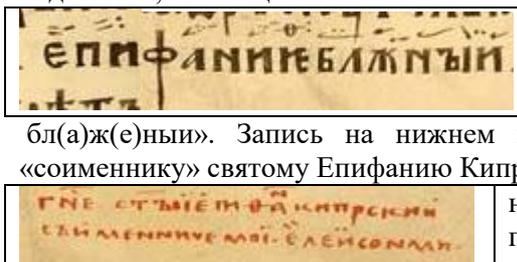
Нотированная фита в стихире Епифанию Кипрскому из рукописи троицкого писца Епифания

Стихирарь месячный из собрания Троице-Сергиевой лавры (РГБ, ф. 304, № 22) написан неким Епифанием, оставившим свое имя на полях нескольких листов этой замечательной книги. Ряд ученых полагают, что это сам Епифаний Премудрый, ученик и собеседник Сергия Радонежского, автор Жития и Похвального слова. Другие более осторожны. Рукопись неоднократно рассматривалась в научной литературе и продолжает привлекать внимание исследователей⁸.

Эта фундаментальная богослужебная книга – один из трех полных стихирарей XIV века, сохранившихся в российских архивных фондах. Однако ее певческое содержание не читается, поскольку рукопись не нотирована. Точнее, нотированы только два ее фрагмента. Часть л. 136, содержащая стихиреу Евангельскую, подробно рассмотрена С. В. Фроловым с точки зрения музыкального ее содержания [Фролов 1997].

	<p>Небольшой нотированный фрагмент (на л. 98) до сих пор специально не рассматривается, видимо, по причине своей краткости – всего несколько невменных знаков. При всей, казалось бы, незначительности объема материала – несколько знаков нотации в полном ненотированном кодексе</p>
--	--

песнопений – следует рассмотреть этот фрагмент, который для музыковеда интересен тем, что невменные музыкальные знаки включают начертание знака фиты, значит, музыкальное содержание фрагмента составляет мелизматический распев, выделяющий два слова, по всей видимости, являющиеся значительными в смысловом контексте песнопения.

	<p>Нотированный фрагмент в стихире, озаглавленной «М(еся)ца мая 12 с(вя)та(го) Епифанья Кипрьскаго. Ст(ихи)ра. Глас б» выделяет распевом имя «Епифание бл(а)ж(е)нныи». Запись на нижнем поле составляет обращение писца рукописи к своему «соименнику» святому Епифанию Кипрскому с просьбой о молитвенной помощи. Эта запись, на листе со стихирой этому святому является аргументом в пользу того, что писец этой прекрасной рукописи носил имя</p>
---	---

⁸ См.: Иларий и Арсений, 1878, с. 36; Лихачев 1962. С. 57; Андрей Рублев и его эпоха / Под ред. М. В. Алпатова. М., 1971; Грихин 1974; Вздорное 1980. [70]; Прохоров 1987. С. 16; Прохоров 1988. С. 211– 220; Дидковская 2014; Кириллин 1994; Лифшиц 2003.

Епифаний. Он оставил несколько записей на полях рукописи, указав свое имя и причастность к ее написанию. Эти записи пытались прочесть многие исследователи, но наиболее полно они представлены в работе Б. М. Клосса. Ряд специалистов выступили с полемикой по поводу некоторых положений работы, в том числе им показалась недостаточно обоснованной атрибуция этих записей столь значительной фигуре, как Епифаний Премудрый: «Б. М. Клосс далее “превращает” “догадку Е. Е. Голубинского” “о тождестве писателя Епифания Премудрого и писца Епифания Стихиаря 1380 г.” (ГИМ⁹, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 22) “в непреложный факт” (с. 92)». ... кажется, что принадлежность почерков этих рукописей одному человеку надо аргументированно доказывать, а в данном случае, заметим, это очень непросто» [Бобров, Прохоров, Семячко 2003, с. 425].

Рассматриваемый сюжет, на наш взгляд, укрепляет аргументацию Клосса в соединении имени писца Епифания и фигуры известного писателя. Начнем с начала рукописи.

Как пишет Б. М. Клосс, «в сентябре 1380 г. некий монах Епифаний в Троице–Сергиевом монастыре был занят перепиской книги Стихиарь (РГБ, Троиц. № 22). Свое имя писец назвал сразу же на первом листе рукописи: “Многогрешный раб Божий Епифанъ въ недостоянни своемъ написа си”. Еще Е. Е. Голубинский выдвинул предположение о тождестве писателя Епифания Премудрого и писца Епифана Стихиаря 1380 г. В настоящее время имеется возможность расширить поле наблюдений, привлечь новые материалы и превратить, таким образом, догадку Е. Е. Голубинского в непреложный факт».

«Непреложный факт», оспариваемый рецензентами, можно, однако, усилить несколькими дополнительными аргументами, раскрывающимися при сопоставлении текстов с именем Епифания в начале книги и на л. 98 с распевом фиты в стихире Епифанию Кипрскому.

На л. 1 об., при начале Стихиаря, имеется пространный, информационно избыточный заголовок, записанный своего рода тайнописью – трудно читаемым сплетением буквенного орнамента, *связнописанием*: «Начаток книгам, глаголемым Стихерареви, счиненному от года до года, еже есть от сентября месяца до августа, с Богом починаем, Кирие евлогисон патерь; творение Феодора Студийскаго».

Этот человек загадывает некоторую загадку — он сообщает (и увековечивает) свое имя, но делает это не простым почерком, как в записи на поле листа 98, а в стиле некой интеллектуальной «игры» вязью букв, скрывающих в орнаментальной головоломке то, что ему очень хочется донести до читателей рукописи.

На листе же 98 загадка усиливается еще более тонким, премудрым способом – автор приписки не только называет Епифания Кипрского своим соименником, но и в стихире святому выписывает знаки певческой нотации, сложный фитный мелизматический распев над именем блаженного Епифания:

Правовѣрноу вѣроу д(у)ховною м(у)др(о)сти
 учитель явися *Епифание блаженны...*

Распев епифаниевой фиты интонационно и жанрово осмыслен: каждый слог в словах «Епифание бл(а)ж(ен)ныи» распет одной невмой. Слоги «Е-пи-» распеты протяжно, восходящей поступенной интонацией, ударный слог «фа» нотирован столицей с тремя точками (проходящими звуками), начертанием фиты, включающем такую же столицу с распевом, стремящемся вверх к крюку светлому на слогах «ни-е», а распев слова «блаженный», начинающийся с этого светлого тона, спускается поступенно, не имея формулы каданса. По всему видно, что распев, опирающийся на формульное строение фитного мелодического оборота, представляет собой

⁹ В статье губокоуважаемых авторов указан в качестве хранилища рукописи указан ГИМ, тогда как на самом деле рукопись хранится в РГБ.

некий фантазийный интонационный «набросок», музыкальную пробу пера. Можно углядеть сходство его с фитой из каталога М. В. Бражникова, приведенной под № 513. Она тоже 6-го гласа. (Бражников М. В. Лица и фиты знаменного распева. С. 242).

Начертание фиты в стихире Епифанию Кипрскому несет следы не общепринятого типового распева, а записи сиюминутного внутреннего слышания человека, владеющего навыком переводить слуховые ощущения на бумагу — и, вместе с тем, интонационно и по очертаниям не в этот распев выдержан в системе знаменного мелизматического стиля времени типологически внятно.

Что же побудило писца Епифания распеть фитой имя соименного святого? Разумеется, это желание (что и выражено в записи на поле) попросить святого о заступничестве и помощи в молитве. При этом можно видеть внутреннее развитие мысли о соименности как о сопричастности имени и деяниям святого у автора этого нотационного фрагмента, о некоей состязательности писца Епифания со святым Епифанием. Вряд ли он старательно переписывал его из какой-то рукописи. Фрагментарность нотационного текста говорит о приложении творческой фантазии писца или записи по памяти, что проявляет в нем певца-профессионала. К тому же христианский святой Епифаний Кипрский (4 в. н.э) известен как христианский философ, богослов, проповедник, аналитик и обличитель ересей, — фигура большого масштаба [Фокин, Дунаев. С. 557–581]

Соименность троицкого Епифания этому святому весьма многосмысленна и для него многое значит. По-видимому, наш Епифаний находился под большим влиянием древнего мыслителя, о чем весьма убедительно говорится в работах современного исследователя [Верещагин, 1993]. Ряд исследователей [Конявская, 2000] говорит о высоком авторском самосознании Епифания Премудрого, выраженного в многочисленных отсылках в его произведениях к фактам его творчества и биографии.

Б. М. Клосс выявил несколько рукописных книг Троицкого собрания, имеющих пометы Епифания, среди которых есть рукопись с житием Епифания Кипрского: «наиболее интересным оказался пергаменный сборник РГБ, Троиц. № 34 в 4°, на 183 листах, переписанный Епифанием (л. 1—2, 5—7 об., 69 об. — 157, 183) с двумя учениками. Центральную часть сборника составляет житие Епифания Кипрского (л. 69 об. — 144 об.) .

После этого жития, на л. 145, стоит маргинальная запись о святом патроне Епифания: «Кирие евлогисонъ патерь».

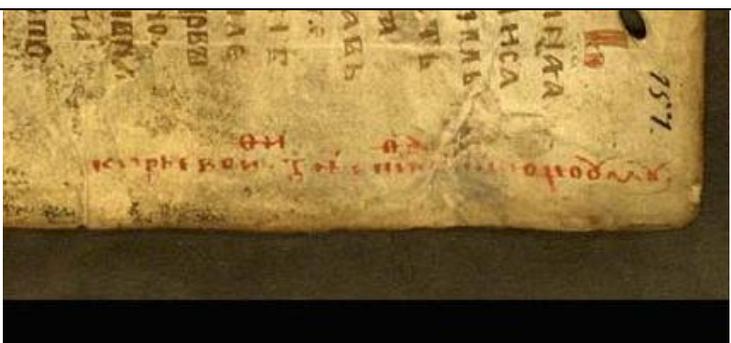
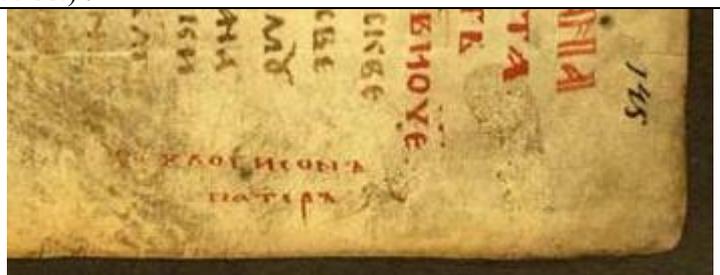
Клосс находит, что «самая замечательная приписка читается на л. 157: «Кирие воифи тонъ (Господи, помоги) Епифан... ющюуму»; возможны варианты: «Епифаниющю уму» или «Епифану списающюуму»».

Из помет на рукописи Стихиаря и других рукописей Троицкого собрания Клосс делает вывод, что в 1380 году Епифаний был уже монахом Троице-Сергиева монастыря и появился там около 1374 года, и, поскольку святым патроном Епифания являлся Епифаний Кипрский, память которого празднуется 12 мая, то наш Епифаний

постригся именно в этот день 1375 года (возможно, после одного года послушничества).

Таким образом, что касается Троицкого Стихиаря, построение писцом Епифанием такой многозначной загадки свидетельствует о высоком уровне интеллектуальной изощренности мышления ее автора, о высоком, элитарном профессионализме в литературном и в музыкальном творчестве. И даже почерк, легкий почерк нотационной строки, говорит о том, что автор рукописи далеко не новичок в певческом деле.

Последование песнопений Епифанию Кипрскому содержится в Путятиной минее XI века (л. 51-56 об. — Канон и стихиры Епифанию еп. Кипрскому), но троицкой стихиры в ней нет. В Стихиаре XIV века писца Нифонта (РГБ. Иосифо-Волоколамского собрания № 3. Л.159 об.) на 12

мая отмечена память *Ста² w(t)ца Епифаниа*. Стихира Епифанию Кипрскому из Троицкого стихираря не зафиксирована ни в более ранних рукописях, ни в литературе, обобщенной в Православной энциклопедии [Фокин А. Р. Дунаев]. В указателе М. А. Малыгиной [2011] стихиры с таким инципитом не числятся.

Таким образом, весь строй этой тончайшей одухотворенной загадки-молитвы вводит нас в недостижимую для нашего времени область высокого *остроумия, остроты ума*, далеко превосходящей наши представления об этом понятии, ограниченном областью юмористических коммуникаций. В литературе имеется ряд работ, посвященных анализу терминов, связанных с мышлением в высоком духовном пространстве [см.: Rothe 2005, Прохоров 2010]. «Остр ум имея к Богу внимати» — так говорится о Сергии в каноне, посвященном его прославлению [РГБ ф. 304 № 116, л. 405].

Все перечисленные обстоятельства позволяют думать, что человек этот был все-таки сам Епифаний, прозванный современниками Премудрым. Загадочность и важность этой певческой рукописи многократно усиливается, если представить, что она написана при жизни преподобного Сергия, в обители Сергия, он мог видеть ее и быть свидетелем работы Епифанья. Ведь известно, что они были собеседниками, они названы так их современниками.

Причастность Сергия к певческому искусству символически и реалистически прослеживается в текстах Епифанья. В житии прп. Сергия Епифаний рассказывает, что Сергей еще в утробе матери, стоящей в храме на Литургии, весьма слышимо для всех присутствующих «трикраты» «прогласил» в момент возглашения и пения Херувимской песни. *«И бысть же и чудо нѣкое прежде рожения его: прилучися нѣчто сицево, его же не достоитъ мълчанию предати. Еще бо ему въ утробѣ матернѣ носиму, въ единѣ от дний, дневи суцу недели, мати его въниде въ церковь по обычаю, въ время, егда святую поют литургию. И стоаще с прочими женами въ притворѣ, и внегда хотяху начяти чести святое Еуагелие, людем мълчащим, тогда абие вънезаану младенецъ начят вопити въ утробѣ матернѣ, яко же и многым от такового проглашения ужаснутися о прѣславнѣм чудеси, бывающем о младенци сем. Паки же, егда прежде начинания еже нѣти Херувимскую нѣснь, рекше «Иже херувим», тогда внезаану младенецъ гласомъ начя велми верещати въ утробѣ вторицею паче прѣваго, яко и въ всю церковь изыде глас его, яко и самой матери его ужасишия стоати, и суцим женам стоащим ту».*

В похвальном слове Сергию Епифаний Премудрый называет его основателем пения в Троицком монастыре, как и всего монастыря, и всех украшения его:

*Положено же бысть тѣло преподобнаго въ церкви, ю же самъ създа,
и въздвиже, и устрои, и съврѣши, и украси ю всякою подобною красотою,
и нарече сиа быти въ имя Святыя, и Живоначялныя, и Нераздѣлимыя,
и Единосуцныя Троица; въ честнѣмъ его монастыри, и пресловущей лаврѣ,
и величѣннѣ оградѣ, и в славнѣннѣ обители, ю же самъ съгради, и совокупи, и устрои;
иде же братию собра, словесное стадо Христово,
и спасеную паству упасе ю въ незлобии сердца своего,
и в разумѣ настави; иде же и самъ одѣнъ бысть въ иночьскый образъ,
паче же аггелскый; и многы тмами темъ труды положи,
и неизчетныя подвигы показа; иде же **непрестанныя молитвы сътвори;**
иде же повседневныя и ноцныя пѣния и благодарения славословяше
и Бога възспѣваше; (Клосс 1998. 279)*

Весь строй загадок Епифанья в его рукописи возник из этого возвышенного и изощренно-углубленного восприятия тайн внутреннего мировидения, из высокой островидческой Премудости, из которой вскоре, «в память и в похвалу Сергию» восстанет Троица Андрея Рублева.

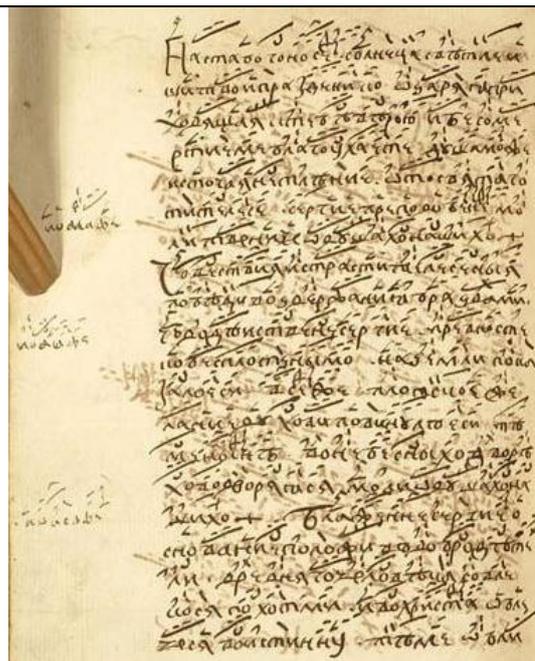
Двойная функция стихир преподобному Сергию Радонежскому

Списки службы преп. Сергию Радонежскому на 25 сентября представлены в подавляющем большинстве древнерусских нотированных Стихирарей, раскрывая богатство музыкальных интерпретаций ее текстов [См.: Сергина Н. С. 1994. С. 209–223; Сергина 1985]. Стихиры службы существуют и в знаменном, и в путном распеве, они свидетельствуют даже об участии в этой работе выдающего распевщика Федора Крестьянина. Практически в каждом случае изложение службы отмечено особенностями, отражающими характерные черты рукописи в целом и работы ее автора. В этом отношении стоит выделить рукопись Троице-Сергиевой лавры (РГБ, фонд 304) № 427, датируемой периодом правления царя Федора Иоанновича (1584–1598. В рукописи есть Многолетия государю, в частности, на лл. 741, 790. см.: Гусейнова, 2012. С. 4–14). Сложнейшая по составу, по многообразию представленных служб, по введению вариантов распевов, данная рукопись отражает поразительное творческое начало в деятельности ее автора, стремящегося не просто создать список традиционных служб в традиционной же их последовательности, но раскрыть богатство сложившихся распевов, подчас выйти за рамки обычного изложения материала. Достаточно сказать, например, что служба преп. Сергию Радонежскому на 25 сентября не представлена каким-то одним списком; она рассредоточена по рукописи в нескольких ее частях (лл. 301, 375, 414, 749, 778 об.), демонстрируя образцы разных распевов.

Особенной же чертой стихир преп. Сергию Радонежскому является, на наш взгляд, выполнение ими параллельно функции песнопений в честь другого выдающегося деятеля Троице-Сергиевой обители — Иоасафа митрополита Московского (ум. в 1555 году). В стихирах на стиховне первого гласа «Наста богоносе солнца» (л. 305 об.), «Чювствия и страсти телесеня» (л. 305 об.), «Блаженне Сергие основание» (л. 305 об.) на полях против имени Сергия добавлено «Иоасафе» уже со своим распевом, не совпадающим со словом «Сергие» в основном тексте. В стихире же на хвалитех второго гласа «Преподобене отече измлада» (л. 306 об.) последнее в стихире слово «Сергие» отделено чертой, а на поле вставлено словосочетание, завершающееся словами: «...преподобене Иоасафе». (См. пример: РГБ. ф. 304, № 427, л. 305 об.)

Архимандрит Макарий отмечает: «Древняя Русь знает трех Предстоятелей Русской Церкви с именем Иоасаф: два возглавляли ее в XVII веке в Патриаршем сане и еще один был Митрополитом в XVI веке. Митрополит Иоасаф относится к числу тех Первоиерархов, кто был недолго на Московском престоле, и в трудах по истории Русской Церкви ему уделено мало внимания» [Макарий (Веретенников), 2006. С. 4].

В «Словаре книжников и книжности Древней Руси» отмечается: «Иоасаф (Скрипицын) (ум. в 1555 или 1556 году) — митрополит Московский, писатель и книжник. Судьба и политическая карьера его тесно связана с Троице-Сергиевым монастырем. Первым достоверным фактом его биографии является сообщение о том, что в 1529 году он был поставлен из старцев в игумены Троицкого монастыря» [Дмитриева // Словарь книжников 1988. С. 409]. Память митрополита Иоасафа отмечается 6 июля — в Соборе Радонежских святых, в воскресенье перед 26 августа — в Соборе Московских святых. Канонизацией свят. Иоасафа следует считать включение его имени в Собор Радонежских святых, празднование которому было установлено в 1981 году по благословию Патриарха Московского и всея Руси Пимена (Извекова). Имя Иоасафа также входит в Собор

Московских святых, учрежденный в 2001 году по благословию Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Самостоятельной службы в честь выдающегося деятеля, тесно связанного с Троице-Сергиевой Лаврой, никогда не было. Автор же рукописи ТС 427 попытался создать стихиры митрополиту Иоасафу простым способом, заменив в стихирах Сергию Радонежскому имя преподобного на имя митрополита.

Л. В. Кондрашкова

Служба преподобному Сергию Радонежскому строчного многоголосия (по московским архивам)

Троестрочная служба преп. Сергию на 25 сентября сохранилась в московских архивах по меньшей мере в 4-х списках, из которых нам доступны 3: ГИМ Син. Певч. 1252, кодекс 2-й половины XVII века «Марка Семенова сына Шыжгутова», л.449–456; РГБ ф.228 №38, стихирарь третьей четверти 17 века, л.42–54об.; РГБ ф.178 №9440, сборник 1680-90-х годов, «Писаль суждальскаго митрополита певчей Матфей Федоровъ сынъ Рохлинь» (подпись на л.59), л.29-33об. Вне досягаемости остался находящийся на выставке полный двухголосный список службы ГИМ, Щук.59, л.98–119 об. [см: Обитель преподобного ... 2014, с.194]. Все эти списки беспометные.

Сравним состав троестрочной службы: в первой рукописи 11 стихир, полностью выписан цикл на Господи воззвах великой вечерни (далее – ГВ ВВ), включая «ины стихиры» 2 гласа, славник на литии «Руская убо всеосвященная и великая церкви» 6 гласа (в современной минее указана как 3-я стихира на литии), славник на стиховне, по 50-м псалме; в ф.228 №38 – 15 стихир, полностью выписан циклы на ГВ и на стиховне, а также стихира по 50-м псалме, славники на малой вечерне на ГВ «Придете иночествующих» 6 гласа (в современной Минее указана также как Слава на литии) и на ВВ на хвалитех; в №9440 представлена краткая редакция службы из 4 стихир: славники ВВ на ГВ, на стиховне, по 50-м псалме и на хвалитех.

По совокупности трех источников служба включает 16 стихир, из них одна найдена только в одноголосном изложении (на литии), а остальные – многоголосные, преобладает двухголосное изложение, один раз встречается трехголосие (Слава на стиховне в 1252). В Син. Певч. 1252 в «иных стихирах» на ГВ голоса Путь и Низ переставлены местами, что, по видимости, объясняется порядком фиксации голосов в рукописи: сначала прямо над текстом песнопения был записан киноварный Путь, а чернильный Низ был приписан позже, на свободном месте сверху. Костяк службы составляют 3 стихиры, присутствующие во всех трех списках: «Иже по образу» 6 гласа, «Инок множество» 8 гласа, «Иже на земли ангела» 6 гласа. В большинстве стихир встречается знак Э, в 5 стихирах выписаны сокращенные фиты, от 1 до 7 (в «Придете иночествующих»).

Расшифровка беспометной строчной стихиры-славника на стиховне 8 гласа «Инок множество» (в рукописях приводится именно такой инципит этой стихиры, хотя правильным является вариант «инок множества наставника тя чтем») возможна по аналогии со стихирами 8 гласа нотолинейных и пометных троестрочных Праздников (РГБ ф.210 №24, СПДА №239/р). Эта стихира выбрана потому, что она единственная изложена трехголосно, в рукописи 1252 на л.454 об., перед ней стоит указание «опщей» (из общей минейной службы преподобному). В ней не встречаются фиты, дважды стоит знак Э, из попевок чаще всего используется кулизма двоечельная (5 раз), поворотка (2 раза), такша, мережа с каденционной формулой «5/4 + 7/4». Наибольшее затруднение вызвала расшифровка начального оборота стихиры на слова «инок множество», который похож на неточный вариант попевки перехват. В знаменном распеве на его месте стоит другая попевка – кулизма. Попевка перехват известна по троестрочным Праздникам, в частности, она начинается стихире 8 гласа на Воздвижение «Егоже древле Моисей». Путь в попевке волнообразно поднимается до верхнего «ля», а затем опускается к устою «ре». (См. пример 8.29: Кондрашкова, 2013, т.1, с. 391). В стихире «Инок множество» в Пути меньше крюковых знаков, по-видимости, он поднимается только до ноты «соль».

В стихире 5 раз проводится строчная попевка, которую я называю храбрицей. В знаменном распеве ей соответствуют разные обороты, объединенные стремлением к ноте «соль», с последующим спуском к конечному устою «ре», будь это восходящее движение на кварту знака «труба» («наставника тя»), синкопированный ритм полукулизмы («ангелом», «святым»), разные

стрелы с пометой «п» («сущи правыи», «со ними же»). А. Лукашевич называет сходную попевку «посовет» (Лукашевич, 2013, т.2, с. 186–188). В троестрочном варианте попевки обращает на себя внимание знак стрела мрачная в Пути, разводящаяся характерным ритмом (выделено в примере в конце статьи), с последующим спуском на знаке подчасии с крыжом, оканчивающем целый ряд попевок 8 гласа. В стихире храбрица 8 гласа пропеваётся на словах «наставника тя», «сущи правыи», «с ними же молися», а на словах «ангелом собеседниче» и «и святым сопричастниче» ей предшествует одинаковый подход.

Центон-композиции беспометного строчного многоголосия могут быть расшифрованы по аналогии с нотолинейными и пометными источниками, с сохранением важных стилистических признаков – унисонного начала, диссонантной вертикали.

Нотный пример. Начало троестрочной стихиры преп.Сергию «Инок множество» (ГИМ Син.Певч. 1252 л.454 об.), расшифровка наша.

И - нок мно - же - ство на - ста - вни
И - нок мно - же - ство на - ста - вни
И - нок мно - же - ство на - ста - вни
ка тя чтем, о тче Се -
вни - ка тя чтем, о - тче
вни - ка тя чтем, о - тче Се -
ргии - е:
Се - ргии - е:
ргии - е:

Сводная таблица стихир преподобному Сергию Радонежскому, рассмотренных в статье:

№	Инципит стихир	ГИМ С.П.1252, л.449-456	РГБ ф.178 №9440, л.29-33об.	РГБ ф.228 №38, Л.42-54об.	Колич. голосов	Особенности
На Великой вечерне на Господи возвах стихир, глас б						
1	Мирски мятеж	Л.449 Несколько раз в Пути встречается помета «в».	-	Л.42	2	
2	Преподобне отче кто исповесть	Л.449об. Один раз в Пути есть помета «в»	-	Л.42об. Элементы раздельно- речия	2	
3	Преподобне отче Сергие	Л.449об.	-	Л.43об.	2	
4	Богомудре Сергие	Л.450	-	Л.44	2	

Ины стихиры, глас 2						
5	Терпяще нынешняя и мужественно веселуясь	Л.450об. Голоса переставлены местами	-	Л.45	2	Есть знаки Э
6	Терпяще яко наслаждение скорби	Л.451 Голоса переставлены местами, в конце остается один Путь.	-	Л.46	2, в конце 1.	Есть знаки Э
7	Отвергох тленныя ризы	451об. Голоса переставлены местами, в середине и конце выписан один Путь.	-	Л.47, элементы раздельно-речия	2, фрагментарно 1.	Есть знаки Э, 1 сокращ. фита на словах «ризы мяхъкия» (1252 л.452)
Слава на Господи възвах, глас 6						
8	Иже по образу	Л.452, Оставлено место для 3-го голоса Верх. 1 сокращ. Фита	Л.29 2 сокращ. фиты	Л.48 Нет сокращ. Фит	2	Есть знак Э, сокращ. фиты на словах «теме иноком» (9440 л.30), «и ныне на небесех» (1252 л.453об., 9440 л.30об., №38 л.39)
На литии Слава, глас 6 (в печатной минее указана как 3-я стихира на литии).						
9	Руская убо всеосвященная и великая церкви	Л.454, Только Путь, сверху оставлено место для еще одного голоса	-	-	1	Есть 4 сокращ. фиты. 3 фиты подряд на словах: «в нарочитом празднице», «добраго пастыря», «и учителя», 4-я фита на слове «радуйся» (все на л.454).
На стиховне стихиры, глас 1						
10	Наста богоносе солнца светлейший твой праздник	-	-	Л.49	2	Есть знаки Э
11	Чувствия и страсти телесныя	-	-	Л.50	2	Есть знаки Э
12	Блаженне Сергие основание	-	-	Л.50об.	2	Есть знак Э
На стиховне Слава глас 8						
13	Инок множество	Л.454об. ремарка «опщей», 3 голоса	Л.30об., 2 голоса	Л.51, 2 голоса	3 или 2	Есть знаки Э
По 50-м псалме стихира, глас 6						
14	Иже на земли ангела	л.455об. Только Путь, сверху оставлено место для еще одного голоса	Л.32, 2 голоса	Л.52, 2 голоса	1 или 2	Фита сокращ. на слове «насажден бо» (1252 л.456, 9440 л.32об., №38 л.52об.).
Слава глас 6, на Малой Вечерни на Господи възвах, также на ВВ на литии (в рук. указание стерто).						
15	Придете иночествующих многочисленное	-	-	Л.52об.	2	Есть знаки Э, 7 сокращ. фит на словах «придете» на л.52об., «восхвалим» и «радуйся» на л.53, еще одно «радуйся», «чистейшему», третье «радуйся», «со ангелы» на л.53об.
Слава на хвалитех, глас 6 (в ф.228 №38) или глас 2 (в 9440)						

Значение обители преподобного Сергия Радонежского в истории древнерусского певческого искусства

Троицкая обитель, находившаяся близ новой столицы набирающей силу Московской Руси, как никакая другая была связана с жизнью русского государства и русского общества. Все новые тенденции, которые появлялись в культуре и государственной жизни, находили свое отображение в монастырской жизни и культуре.

Показательна в этом плане история путевого распева. Наряду с демественным и большим распевом он стал одним из новых пространных распевов Московской Руси и обрел исключительную значимость именно для монастырской культуры. Создание новых распевов было связано во многом с идеологическими причинами — формированием концепции «Москва – новый град Константина». В новых распевах сознательно стремились подчеркнуть древность истоков и связь с Византией и Киевской Русью.

Путевой распев был создан как распев, близкий знаменному, но не новой, а старой, старшей редакции. В путевом распеве была увеличена ее напевность, мелодичность, идущие уже от младшей редакции знаменного пения. Идея создать распев на стыке редакций показывала стремление сохранить и подчеркнуть его традиционность. Это объясняет название распева, связанное с одним из значений слова «путь» — правило, обычай.

Путь получил распространение в монастырской среде, более склонной к охранительным тенденциям, аскетичности и более продолжительным службам. Малый круг путевого пения в рукописных источниках вплоть до середины XVI века характеризует этот период как начальный период формирования традиции.

Путевой распев получил распространение в различных монастырях, на его основе были созданы монастырские напевы. Прежде всего, это троицкий путь, получивший самое широкое распространение, а, кроме того, известен чудовской путь и путевой распев северных монастырей – кирилловский, соловецкий, тихвинский.

Близость к Москве Троицкого монастыря, несомненно, способствовала тому, что новые распевы, творимые в столице, быстро становились известными в обители. Неслучайно наиболее ранние списки путевых песнопений вошли в списки служебных певческих книг собрания Троице-Сергиевой лавры. Можно предположить, что распевщики монастыря могли участвовать в их создании.

Ранние редакции путевого одноголосия, выполненные в последней четверти XV века, просуществовали лишь до середины XVI века. Вторая же половина XVI века и первая половина XVII века стали важнейшим периодом в развитии путевого распева в Троицком монастыре.

Окончательное формирование идеологической концепции «Москва – III Рим» в эпоху Ивана Грозного, канонизация множества новых русских святых на соборах 1547 и 1549 годов привели к заметным изменениям в русском искусстве, важнейшим качеством которого становится монументальность. Это коснулось и певческого искусства.

Рост московской певческой школы благодаря «вливанию» новых сил северной Новгородской не мог не повлиять на певческую культуру Троицкой обители. Во второй половине XVI века возникает троицкая редакция путевого распева, известная как путь троицкий. В период 2-й пол. XVI – начале XVII века в монастыре служили такие распевщики, как Иона Зуй и знаменитый Лонгин Шишелев (Корова), головщик и уставщик Троицкого монастыря. Этими распевщиками, особенно Лонгином, было создано множество авторских напевов на канонические богослужебные тексты.

Иона Зуй был диаконом монастыря и служил в 40-е – 50-е гг. XVI в. Известен его «перевод» херувимской Великой субботы «Да молчит всякая плоть», звучащей единственный раз в году (Парфентьев 1991, с. 107 – 109). «Троицкое, суще Зуевское» - по этой ремарке можно судить о том, что троицкая редакция песнопения возникла на основе зуевских напевов. Это подтверждает сравнение списков Троицкого и зуевского, они очень близки, хотя в монастыре их различали как разные варианты напевов. Зуевское «Да молчит» по времени создания относится к середине XVI в. (верхняя граница – не позднее 1559 г., года вероятной кончины диакона), ранний список – к. XVI – н. XVII в. - Син. Певч. 1357.

К важнейшим и распространенным песнопениям Троицкого пути относятся также величания на полиелейных службах: 15 из них были посвящены русским святым. Это количество соответствует второй редакции Стихираря, временные границы которого относятся ко 2-й пол. XV до сер. XVI в. (Серегина 1994, с. 14). По всей видимости, можно предположить авторство Зуя или его ведущую роль в создании этих величаний.

В троицкой редакции путевого распева были изложены важнейшие песнопения годового круга. К ним относятся важнейшие путевые песнопения 1 пол. XVI в.: «Приидите, ублажим Иосифа» (РГБ. Тр. 427, л. 895), «Святой боже» надгробное (в великий пяток и великую субботу), а также задостойник «О тебе радуется», исполняемый на литургии Василия Великого. Весьма часто встречается задостойник «Владычице, прими» (Богомолова 2005, с. 118). Из вседневных песнопений в этом стиле звучал вечерний гимн «Свете тихий» и херувимская на напев «Да молчит всякая плоть» (РГБ. Тр. 442 л. 504 об.-505).

Троицким путем были изложены также тропари и стихира на великое водосвятие в праздник Богоявления, задостойники избранных двенадцатых праздников – Рождества Богородицы, Воздвижения и Вознесения, стихиры преп. Сергию Радонежскому.

Важнейшее значение для русской музыкальной культуры второй половины XVI – XVII веков имело развитие раннего русского многоголосия – строчного пения. В этом процессе ведущая роль принадлежала одноголосному путевому распеву, в репертуаре которого явно преобладала троицкая редакция.

Музыкальная письменность многоголосия, созданная государевыми певчими дьяками Ивана Грозного, скоро распространилась и в крупнейших монастырях – Троицком и Кирилловском. Это свидетельствует о высоком уровне музыкальной культуры певчих, готовых и способных освоить новую нотацию. Кроме того, это показывает, что в устной практике путевое пение уже было хорошо известно в обителях. В рукописном собрании Троицкого монастыря есть певческие книги, включающие изложение песнопений путевой нотацией в однострочной записи, и одна книга Праздников в двустрочной партитурной форме изложения. Следовательно, в монастырской практике путевой распев реально бытовал не только в монодии, но и в ранних формах многоголосия. Вместе с тем, в Троицком собрании нет рукописей троестрочия. Это один из показателей того, что развитые формы троестрочия, очевидно, не культивировались в монастырской среде, в которой преобладало традиционное одноголосное пение.

Троицкая обитель, основанная преп. Сергием Радонежским, сыграла важную роль в истории русской профессиональной музыки, прежде всего как хранительница традиционных форм русской певческой монодии, интонационного фонда богослужебного пения и литургического чтения. Своеобразная троицкая редакция путевого распева стала основой для развития ранних форм русского многоголосия.

Велика была и роль обители как центра книжной культуры. Монастырский скрипторий воспроизвел множество рукописных певческих книг, способствуя не только просвещению в целом, но и распространению музыкальной письменности, повышению музыкальной грамотности певчих, росту монастырской хоровой культуры.

В наши дни очевидно, как те семена, которые были посеяны преп. Сергием, позволили в дальнейшем взрастить те традиции монастырского пения, ту высочайшую хоровую культуру, которой по сей день славится Троице-Сергиева лавра.

Н. П. Парфентьев

**Церковно-певческое искусство
в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского.
Диакон Иона Зуй (XVI век)**

Авторское музыкальное творчество, проявлявшееся в древнерусском церковно-певческом искусстве, в монастырях было связано с деятельностью их хоров. Монастырский хор формировался из братии обители и делился на два клироса, возглавлявшихся головщиками. В составе монастырского хора могли оказаться люди из самых разных слоев общества. Царь Иван Грозный в 1573 году вспоминал, что в Троице-Сергиевском монастыре был «при отце нашем на правом крылосе Лопотуха Варлам невесть кто, а княж Александров сын Васильевича Оболенского

Варлам – на левом». Таким образом, в монастырском хоре оказался «князя доброго сын со страдники сверстан». «А и перед нашими очима, – продолжал царь, – Игнатей Курачев, белозерец, на правом крылосе, а Федорит Ступишин – на левом». Ступишин происходил из знатного рода, поэтому Грозный отметил, что он, занимая место на менее почетном левом клиросе, «ничем был от крылошан не отлучен» [Акты исторические, 1841. Т.1. С.385].

В монастырях певцы, как и вся братия, наряду с постоянным денежным жалованьем и различными денежными пожалованиями получали «монастырский корм». В Троице-Сергиевском монастыре «Указом о трапезе» 1590 года был закреплен порядок выдачи певчим дополнительных «кормов»: «Через весь год потешенье крылошеном в понедельник, в среду, в пяток в трапезе за обедом по звену рыбы или пирогу, а у погреба – по три меры пива сыченаго, а <...> Страсти которые поют, тем – опричень три»; «на братию по две меры пива сыченаго, а крылошенам, кои Страсти поют, – по три меры меду» [Дополнения к Актам историческим, 1846. Т.1, с. 218–219].

Будучи людьми грамотными, певцы-клирошане принимали участие в ведении монастырского хозяйства или руководили его отдельными отраслями, получая иногда за это дополнительное жалованье. Некоторые клирошане были искусными ремесленниками. Пожалуй, наиболее распространенной обязанностью монастырских певцов было «книжное дело». Клирошанам приходилось писать прежде всего необходимые для их профессиональной деятельности певческие сборники. Эти книги хранились в кельях, лучшие передавались на клирос или в библиотеку. В монастырской библиотеке со временем сосредоточивались все рукописи наряду с приобретенными и пожалованными в качестве вкладов. Так, в библиотеке Троице-Сергиева монастыря находим певческие сборники, принадлежавшие клирошанам: Иову Лупанде, Дионисию Божедомскому, Варлааму Оболенскому, Варлааму Лопотухину, Феодориту Ступишину, Лонгину Шишелову и др. [РГБ. Ф.304. №414, 416, 421, 422, 423, 428]

На поддержание высочайшего уровня певческого искусства в обители оказывали влияние мастера Московской школы. Государев и патриарший хоры, сопровождавшие глав государства и церкви во время их частых посещений монастыря, участвовали в службах наравне с монастырскими певчими. Нередким было и появление в монастыре мастеров, ранее прошедших службу при московских, в том числе придворных храмах. Ярким примером этого является деятельность придворного дьякона Фомы, который служил «у царя Ивана Васильевича в слободе в Александрове» [Клосс 1980, с. 252], временно ставшей фактически столицей государства. Данный период в жизни Фомы приходится на вторую половину 1560-х годов. Тогда же в сане придворного священника в Слободе служил и знаменитый распевщик Федор Крестьянин [Parfentjev 2009. – V.2 (3). – P.402–413; 6.Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. 2012, с. 83–90; Parfentjev 2013. – V.10. – P.1423–1432]. Фома мог не только слышать пение выдающегося дидакала и его учеников – певчих дьяков, но и мог многому у них научиться.

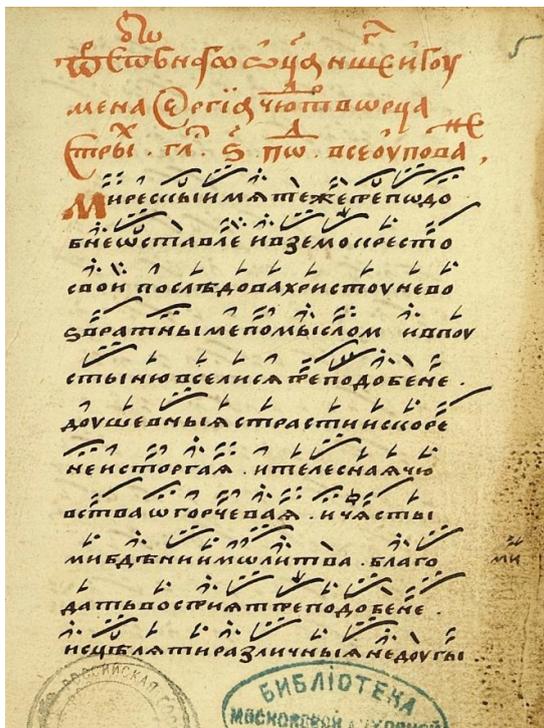
С конца 60-х годов дьякон Фома, приняв постриг и получив иноческое имя Филарет, проживал в Троице-Сергиевском монастыре. Благодаря хорошему знанию певческого дела он выдвинулся в руководители монастырского хора: со второй половины 70-х годов Филарет «уставщиком бысть больше четьредесяти лет» [Канон преп. отцу нашему Дионисию, 1855, с.63]. За сорок лет мастер, несомненно, очень многое передал хору из своего опыта, приобретенного за время пения при царском дворе, обогатив тем самым существовавшие в монастыре традиции.

С троицким монастырским хором, руководимым Фомой-Филаретом, тесно связано и имя другого выдающегося мастера – Логина Шишелова. Он вошел в историю древнерусского церковно-певческого искусства как выдающийся певец и распевщик, головщик и уставщик хора Троице-Сергиевского монастыря, хотя значительный период его жизни был связан также с Москвой, с Чудовым монастырем.

По прибытии в Троице-Сергиевский монастырь Логин занял место головщика. Здесь он подружился с уставщиком Филаретом, к тому времени исполнявшим свои обязанности уже более тридцати лет. В 1619 году в преклонном возрасте («стар сый») умер уставщик Филарет. По смерти друга Логин Шишелов возглавил весь монастырский хор, став его уставщиком. Сам мастер скончался в 1624 году. Его имя было записано в синодики обители [РГБ. Ф.304. № 42. Л.36].

Лонгин не только хорошо знал творчество других мастеров и при случае мог исполнить то или иное песнопение на самые разные распевы. Подобно выдающимся мастерам, являвшимся одновременно доместиками (руководителями хоров) и дидакалами (учителями, теоретиками певческого искусства), он создавал разводы к отдельным сложным формулам нотации – фитам, а также собственные варианты распевов к песнопениям [подробнее, напр., см: Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. О деятельности мастеров, 2013. Т.1. №1. С.92–103].

Однако большинство произведений, созданных в Троицкой обители, не сохранило имен конкретных авторов. В памятниках письменности они, как правило, сопровождаются ремарками «Троецкое», «Троецкой перевод» и т.п. [напр.: РНБ. К.Б. №622/879. Л.153–154 об. ; РНБ. Соф. №492. Л.148, 150–151, 152, 234; ГИМ. Син. певч. №1357. Л.11 об. ; РГБ. Ф.178. №875. Л.378 об.; БРАН. 32.16.18. Л.116] Как и у мастеров других крупных центров певческого дела, у троицких распевщиков возникли собственные разводы сложных невмоформул, знамен в отдельных строках песнопений. В начале XVII века появилось особое руководство к стихирам Сергию Радонежскому – «Розводец, строчки и фиты по троицки. Путь» [РГБ. Ф.178. №875. Л.425–430].

Стихирарь. Заголовок и песнопения почерком Ионы Зуя (РГБ. Ф.173. №231. Л.5)

инока в начале книги на вставных листах переписаны песнопения в честь особо почитаемых в монастыре святых Сергия и Никона Радонежских (л.5–10) и песнопение «Духовенная моя братия» из чина Погребению иноков (л.12).

Начало записи в Псалтыри также традиционно: «Псалтырь с следованием в поддесть Ионы диакона Зуя». Но затем текст продолжен (по всей вероятности, позже) более светлыми чернилами: «А по моем животе [положить] в дом Живоначялней Троицы чудотворца Сергия» (л.3–10). Так помета из владельческой превратилась во вкладную. Далее на одном из листов Псалтыри в записи почерком основного писца говорится: «В лето 7000-ное 51-е [1543] месяца апреля в 22 [день] начал Игнатий Курачев писати Псалтырь и с следованием» (л.391). Напомним, что «белозерца» Игнатия Курачева в своем Послании 1573 года царь Иван Грозный упоминает как певчего хора Троицкого монастыря, певшего пред его, государя, очами на почетном правом клиросе.

Необычно то, что в записи Игнатия сообщается лишь дата начала написания книги. Возможно, книгописец полагал вписать и дату завершения рукописи. Но далее после раздела «Последование к божественному причащению», выполненному почерком Игнатия, книгу продолжил другой писец (л.424–512). Иногда встречаются вкрапления еще нескольких почерков (небольшие статьи, таблицы Пасхалии, составленной в 1526 году, и др.). Следовательно, Игнатий Курачев, видимо, неожиданно прервал свою работу над рукописью. Ее завершили другие книгописцы.

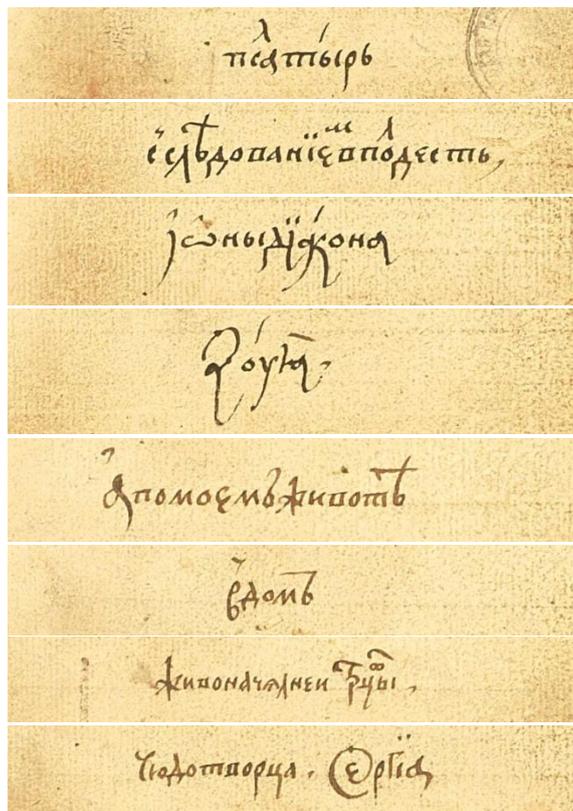
В книгу Василия Великого почерком ее писца внесено предисловие (л.1), в котором сообщается, что она выполнена в 1556 году иноком Исайей Каргопольцем по заказу, «строением мниха некоего» по имени Иона с прозвищем Зуй (в некоторых районах так называли очень

¹⁰ За сведения о последних двух рукописях выражаем благодарность А. А. Лукашевичу.

подвижную птицу из рода куликов), полученным «тонкости ради возраста» (очевидно, в юные годы). Далее следует обращение к читающим книгу поминать самого инока Иону, а также Никифора и Марфу, вероятно, его родителей.

Интересный факт из жизни инока сообщается и в Псалтыри, в записи, следующей за пометой о времени написания книги на том же листе (л.391). Почерк ее очень похож на почерк Ионы Зуя. Возможно, памятную запись сделал один из его учеников, келейников. В ней сообщается о важном событии в жизни инока. Он назван старцем, который «положил на себя великий образ» 7 февраля 1559 года. Принятие великого, или ангельского, образа (схимы) иноком означало переход к высшей степени монашеского служения, сопряженного иногда с затворничеством. Нередко инок решался на принятие этого образа лишь в конце жизни. Точная дата смерти Ионы Зуя пока не известна. В главном Синодике монастыря имя мастера записано в недатированной части, примерно относящейся к 1560-м годам [РГБ. Ф.304. № 41. Л.31]. Далее идут группы записей, сопровождающиеся указанными на полях датами их внесения (первая на л.22: 1572 г.).

Возвращаясь к дошедшему до нас Зуевскому варианту Троицкого распева к песнопению «Да молчит всяка плоть», мы можем с уверенностью констатировать, что именно дьякон Иона Зуй и являлся автором данного певческого варианта (см.: Парфентьев 1986. С.100–117).

Псалтырь. Владычествующая запись Ионы Зуя (РГБ. Ф.304. №316. Л.3-10)

Н. В. Парфентьева

Распев троицкого диакона Ионы Зуя (XVI век) «Да молчит всяка плоть»

Песнопение «Да молчит всяка плоть» исполнялось в Великую субботу на Литургии св. Василия Великого вместо Херувимской песни в кульминационный момент службы — при переносе святых даров в алтарь. Оно привлекало внимание распевщиков многих певческих центров, в том числе таких выдающихся мастеров, как Федор Крестьянин и Иван (Исайя) Лукошков, создавших для него свои «переводы» [ГИМ. Син. певч. №1357. Л.23–24 об. («Перевод, Крестьяниново»); 2. РГБ. ф.304. №429. Л.195–195 об. («Ин перевод Усолской, розвод инока Исайя»)]. Интересно, что распевщик Усольской школы Лукошков обратился к песнопению несмотря на то, что оно уже имело «Усольское знамя» [РНБ. Соф. №498. Л.505–507; Грузд. №52. Л.238–240; Q.I.422. Л.472–473 об.]. Распев троицкого дьякона Ионы Зуя также одновременно сосуществовал с распевом безымянных клирошан Троице-Сергиевского монастыря (обозначен как «Троецкое») [ГИМ. Син. певч. №1357. Л.11 об.–13 об.]. Нередкость в рукописных сборниках первой половины XVII века и другие, главным образом, анонимные распевы, включая записанные путевой и демественной нотациями [напр.: РНБ. К.Б. №682/939. Л.299 об.–301 («Ин перевод Матвеевской»); К. Б. №577/834. Л.479 об.–480 об. («Монастырский»); К.Б. №622/ 879. Л.137 об.–139 («Путь»)]

Обнаружившийся подбор распевов одного песнопения дает уникальную возможность рассмотрения особенностей творчества мастеров в контексте традиций тех школ, которые эти мастера и представляли в своих произведениях. В какой мере распевщики следовали данным традициям, велика ли степень отхода от них и привнесения индивидуального? Насколько близки

принципы творчества, претворенные мастерами одного певческого центра? Вместе с тем здесь мы уделим особое внимание изучению творческих принципов троичных мастеров и прежде всего дьякона Ионы Зуя.

Уже в ранний период своего существования (80-е годы XV – начало XVI века) песнопение «Да молчит всяка плоть» отличалось так называемой многораспевностью. Оно фиксировалось в двух вариантах: в виде тайнозамкненного формульного столпового знамени [РГБ. Ф.304. № 418. Л.1]¹¹ и в виде тайнозамкненного формульного ключевого знамени [РНБ. К. Б. 581/838. Л.397 об.–398]. Так как все известные нам авторские песнопения «Да молчит» изложены столповой нотацией, то архетипом правильнее считать не ключевую, а столповую древнейшую запись, датируемую 80-ми годами XV века. Сразу же при своем появлении гимнографический текст песнопения получил сложное музыкальное воплощение в особом мелизматическом стиле. Особенностью архетипа является отсутствие гласовой принадлежности и тайнозамкненность сложного формульного состава, отсутствие фит, обилие змийцевых комплексов. Формулы не являются рядовыми попеvkами знаменного стиля. Несомненно, мастера стремились придать мелодиям неординарность. Отсюда – отказ от традиционного формульного фонда: ни в одном из изученных нами более 120 списков произведения XV–XVII веков не обнаружены обычные формулы знаменного пения.

Следующий этап развития песнопения приходится на начало XVI века, когда появляется устойчивый, *типовой* вариант этого столетия (назовем его прототипом). Его списки известны нам по множеству рукописных источников XVI века [напр.: РГБ. Ф.113. № 245 (начало XVI века), Л.84 об.; РНБ. К.Б. 606/863 (до 1547 г.), Л.241 об.–242; РНБ. Сол. 277/283 (перв. пол. XVI века), Л.168 об.–169; РГБ. Ф.304. № 414 (1555 г.), Л.107 об.; РНБ. К.Б. 652/909 (1558 год), Л.255–255 об.; РНБ. К.Б. 569/826 (1570 год), Л.283 об.–284 об.; ГИМ. Единоз. № 37 (1584 год), Л.79 об.–80]. Хотя не существует двух абсолютно одинаковых списков песнопения, различия в них чаще всего незначительны и касаются написания знаков одного семейства или взаимозаменяемых знамен. Возможны незначительные перестановки, видоизменения, добавления или сокращения количества знаков в графике тайнозамкненного начертания, которое лишь подсказывало развод мелодии, но конкретно ее не отображало.

Во многих рукописях перед завершающим первую часть текста словом «верным» выставлено киноварное «Э», означающее принадлежность произведения к Путевому или Демественному стилям. Вопрос атрибуции данного типа записи песнопения одному из этих стилей, пожалуй, наиболее сложный. По ряду косвенных признаков мы скорее относим его к Деместву.

В целом *типовой* вариант – это обновленный графически тип записи распева. Ряд формул в общих чертах удерживает вид графической записи архетипа, но большинство из них соотносится как начертание (архетип) и первоначальный частичный развод с элементами тайнозамкненности (*типовой* вариант). В то же время выявляется ряд значительно видоизмененных формул, которые свидетельствуют об обновлении графики, а значит и мелодического содержания песнопения по сравнению с архетипом. В структурном отношении мы имеем дело с композицией, состоящей из 34 формул, объединенных типизированными финалисами. Это на две формулы больше, чем в архетипе, потому что в ранних вариантах XV–начала XVI веков завершающий песнопение возглас «Аллилуйя» распевался только один раз. В *типовом* варианте добавлено еще два нотированных слова «Аллилуйя». Эта традиция «трегубой Аллилуйи» стала обязательной для всего дальнейшего бытования песнопения в XVI–XVII вв.

В процессе эволюции на протяжении XVI века *типовой* распев песнопения «Да молчит всяка плоть» накапливал в записи незначительные различия, не меняющие кардинально его музыкально-графический облик, который и сохранялся до последней четверти столетия. Но к 80-м годам XVI века разводность записи песнопения стала нарастать [напр.: ГИМ. Единоз. № 37 (1584 год). Л.79 об.–80; РГАДА. Ф.181. № 792. Л.224–225 об.].

На рубеже XVI–XVII веков на основе данного распева появляется множество его модификаций. Нередко в рукописи дается подборка из нескольких музыкальных вариантов песнопения [напр.: ГИМ, Син. певч., №1357, л.11 об.-13 об., 16–18, 161–163; БАН, Калик., №6, л. 85–88; РНБ, Погод, №380, л.128-130]. Они отличаются от ранних большей развитостью, дробностью изложения; отсюда — увеличение числа знамен, замена одних знаков другими и т.п.

¹¹ В более ранней певческой рукописи, середины XV в., также встречаем песнопение «Да молчит», но оно не нотировано [РНБ. Q.1. № 94. Л.214 об.]

Специальное исследование показало, что уже отмеченные Троицкий и Зуевский, а также Крестьянинов, Лукошков и Усольский «переводы» возникли на основе типового распева как его графическая разводная модификация. Все они содержат единую формульную структуру и близкие разводы формул, которые соотносятся на уровне внутрiformульной вариантности [Парфентьева 1997, с. 22–28]. Надо полагать, что очень сложная тайнозамкнутая невменная запись произведения в XVI веке породила на практике разнообразные, в том числе авторские, «толкования» распева. Эти различия накапливались стихийно, а в конце XVI—начале XVII века с усилением интеграции областных культур в общерусскую стали очевидны и перешли в сферу теоретического осмысления. Сознательная фиксация вариантов песнопения с большим количеством местных и авторских особенностей — это новый уровень обобщения сложившихся традиций.

Черты общности распевов ярко воплощены в их структурном решении как на уровне границ формул, так и в более крупных построениях — строках, частях. При классификации различий, существующих между авторскими вариантами, выяснилось, что едва заметные ритмо-интонационные изменения по мере их накопления в формулах придают последним своеобразный мелодический рисунок при сохранении основного музыкального контура. Подобные различия формул и образуют «перевод», формируют особенности того или иного авторского варианта. Решающим фактором выступают количественные показатели различий: для распевов «Да молчит» единой традиции их число колеблется от 46 до 66, для произведений различных традиции — от 153 до 194 (см. таблицу).

Таблица

Сравнительный анализ различий в авторских распевах

№ п. п.	Распев сравнимый (колич. знамен)	Распев для сравнения (колич. знамен)	Разночтения						Общее число различий
			Ритмические	Звуковысотные в знаменах	Ритмич. и звуковыс.		По характеру мелодического движения	По взаимозаменяемости знаков	
					Знамена одного семейства	Различные знамена			
1	Зуевск. (340)	Троицк. (341)	14	16	2	2	27	5	66
2	Зуевск. (340)	Усольск. (344)	34	32	2	21	88	9	186
3	Зуевск. (340)	Лукошк. (346)	32	42	2	21	84	8	179
4	Зуевск. (340)	Крест. (327)	20	31	2	6	110	16	185
5	Троицк. (341)	Усольск. (344)	35	34	2	21	86	12	190
6	Троицк. (341)	Лукошк. (346)	34	35	1	23	89	9	194
7	Троицк. (341)	Крест. (327)	22	36	1	5	114	9	187
8	Лукошк. (346)	Усольск. (344)	15	22	1	-	7	1	46
9	Лукошк. (346)	Крест. (327)	27	36	2	5	82	8	160
10	Крест. (327)	Усольск. (344)	26	37	2	11	68	9	153

При сравнительном анализе Зуевского и Троицкого распевов выявилось всего 66 различий на уровне внутрiformульной вариантности. В то же время количество различий в распеве мастера при сравнении с «переводами» других школ составляет: с Крестьяниновым — 185, с Лукошковым — 179, с Усольским — 186, то есть в три раза больше, чем в рамках единой традиции. Полученные результаты показывают, что Зуевский и Троицкий распевы относятся к единой школе, подтверждая ремарку о Зуевском варианте Троицкого распева («Троицкое, суще Зуевское»). Налицо графическая фиксация некоторого «произвола», допущенного Иной Зуев в ограниченных рамках исполнительской традиции Троице-Сергиевского монастыря.

В профессиональной певческой среде России второй половины XVI века существовал обостренный интерес к исполнительской практике видных мастеров. Подмечались и фиксировались тончайшие ритмоинтонационные нюансы в выпевании ими тех или иных знамен, формул, строк песнопений. Распев дьякона Ионы Зуя – это отражение специфики исполнения мастером соответственно Троицкого «перевода» песнопения «Да молчит». В нашем случае мы наблюдаем бережное отношение к творческому наследию мастера, что свидетельствует о его высоком авторитете среди знатоков пения, об их желании зафиксировать его авторский вариант распева.

Итак, в заданных границах структуры, не изменяя кардинально контуров мелодических формул, а лишь чуть их касаясь, Иона Зуй зафиксировал живое дыхание исполнительской практики родной ему школы – обители Сергия Радонежского. Мы видим, что канон (гимнографический текст, формульная структура, контур мелодики) все же оставлял возможность для творчества. Во внедрении новаций, привносимых жизнью, в утвердившихся схемах был заложен резерв творческих проявлений – сердцевина дальнейшего художественного развития канонического искусства.

Н. Ю. Плотникова

Песнопения преподобному Сергию Радонежскому в партесных рукописях

Многовековое всенародное почитание великого русского святого нашло отражение и в церковно-певческом искусстве XVIII века – партесном пении. Задача статьи – ввести в научный обиход круг рукописных источников, содержащих песнопения прп. Сергию, кратко охарактеризовать музыкальные особенности песнопений. Было выявлено 5 рукописей, или, с учетом поголосников – 19 певческих книг, все они находятся в Синодальном певческом собрании ГИМ и относятся к стилю постоянного партесного многоголосия. 4-голосие представлено в полных комплектах (Син. 1301, 1308, 1311) и неполном (Син. певч. 793), 8-голосие – четырьмя партиями (2 тенора и 2 баса) из одного комплекта (Син. певч. 1315). По формату Син. певч. 793 – 8°, остальные – 4°.

По своему составу это преимущественно Трезвоны. Син. певч. 793 содержит песнопения из Служб прп. Сергию и Алексею человеку Божию, 1308 – Обновлению храма Воскресения, декабрьской и майской Служб свт. Николаю, Усекновению главы Иоанна Предтечи, вмч. Димитрию, пророку Илии, трем святителям, св. блгв. князю Владимиру, а также Казанской и Владимирской иконам Божией Матери и Покрову. В неполном 8-голосном комплекте Син. певч. 1315 также довольно обширна подборка Трезвонов. Наконец, Син. певч. 1301 – сборник, куда входят песнопения Литургии Преждеосвященной, Страстной Седмицы и Трезвоны прп. Сергию, прп. Василию, Иоанну Воинственнику, Александру Свирскому.

Все рукописи созданы во второй – третьей четверти XVIII века, т.е. охватывают период приблизительно с 30-х до 70-х годов и, таким образом, представляют зрелый партесный стиль, что подтверждается и музыкальными особенностями (исчезновение обработок знаменного распева, постепенное увеличение числа свободных композиций, развитие многохорности).

Две рукописи из пяти имеют указание на место своего происхождения.

Син. певч. 793 имеет в партии тенора надпись: «Сии книги на четыре гласа служб Сергею радонежскому чудотворцу и Алексею Божию человеку приложены в село Нырб к церкви Николая чудотворца чердынским жителем Александр Акимовым <...> в лето 1786 году августа 29 дня» (Син. певч. 793-б, об. верхней крышки рукописи). Эта вкладная запись была сделана, на наш взгляд, позже создания самой рукописи, которое относится, вероятно, к середине XVIII века.

Достопримечательность села Нырб Чердынского уезда Пермской епархии в том, что оно было местом ссылки Михаила Никитича Романова [Дядя будущего царя Михаила Феодоровича, первого из рода Романовых, и родной брат святейшего патриарха Филарета Никитича, был сослан по приговору боярскому, по обвинению в колдовстве в деревню Нырбку Чердынского уезда, где и преставился в августе 1601 года (есть версия, что он был умерщвлен)]. На месте его погребения поставили часовню, затем деревянную, а в 1705 году – каменную церковь Николая Чудотворца, красота архитектурного решения которой не имела себе равных в Пермском крае. Нырб

посещали сотни и даже тысячи паломников, что, вероятно, требовало соответствующего уровня музыкальной стороны богослужения. Сохранились певческие книги, принадлежавшие этому небольшому певческому центру: Задостойники и Херувимские песни (Син. певч. 785), Октоих (Син. певч. 802), Праздники (Син. певч. 780), Праздники с Трезвоном Свт. Николаю (ГЦММК, ф. 283, № 679–681). Не исключено также, что книги были привезены из Москвы или из каких-либо крупных центров заказчиками строительства храма.

Син. певч. 1301 имеет позднюю, конца XIX – начала XX века запись: «Кинешемской соборной библиотеки». Нам известны партии 19-ти 4-голосных и двух 8-голосных комплектов из библиотеки построенного в 1745 году Успенского собора Кинешмы (тогда Костромской губернии) [О певческих традициях в Ныробе и Кинешме см. более подробно: Плотникова, Н. Ю. 2008. Вып. 1 (3). С. 31–43].

Прочие рукописи не имеют никаких записей, но можно отметить, что Син. певч. 1308 примыкает к ныробской рукописи, совпадая с ней по музыкальному материалу, Син. певч. 1311 по своему оформлению похожа на рукописи Кинешмы, а Син. певч. 1315, скорее всего, имеет отношение к ярославской многохорной традиции.

Песнопения преподобному Сергию в названных рукописях по своему составу относятся преимущественно к Службе на 25 сентября, день преставления святого, и только Син. певч. 1311 содержит два песнопения из Службы на 5 июля — день обретения мощей Преподобного. Преобладают стихиры на «Господи, возвах», славники на стиховне и на хвалитех. Наиболее полный состав стихир (12) содержит Син. певч. 1315. Примечательно, что во всех рукописях присутствует стихира «Монахов множество», или «Иноков множество» (славник на стиховне), текст которой совпадает в Службах на 25 сентября и 5 июля. Помимо стихир, Син. певч. 1301 и 1311 содержат Величания, а Син. певч. 793 – отдельные песнопения канона.

Син. певч. 793 и 1308, вероятно, представляют собой свободные сочинения в стиле постоянного партесного 4-голосия, а Син. певч. 1315 – развитый стиль орнаментально-мелизматического письма, типичный для ярославской школы середины XVIII века. Указание на распев имеется только в Син. певч. 1311, например: «Сергию чудотворцу стихиры глас а греческой» (партия баса, л. 27). Скорее всего, обработкой греческого распева являются и песнопения в Син. певч. 1301.

Сравнив напев тенора в стихире «Монахов множества» из этих двух рукописей (см. нотные примеры 1 и 2), можно заметить совпадение трех важных составляющих в мелодике и ладовой организации: 1) фигуры опевания устоя g^1 , напоминающего известный напев «О тебе радуется» 8 гласа греческого распева (в примерах отмечен горизонтальной квадратной скобкой); 2) каденционного оборота с плавным нисходящим ходом $g^1 - c^1$ (в примерах отмечен лигой); 3) двух главнейших устоев – c^1 и g^1 и их чередования в большом обиходном ладу С. Одноголосные источники греческого распева этих стихир нам не известны; нельзя исключить, что текст стихир распевали сами авторы многоголосных обработок, опираясь на известный им свод попевок. Рассмотренные стихиры – интересные образцы многоголосности в партесном стиле.

Песнопения преподобному Сергию в партесных рукописях отразили новый этап в развитии русского церковно-певческого искусства и особенности эволюции в 30-е – 70-е годы XVIII века.

Составление партитур по рукописным источникам, их редактирование и нотный набор выполнены автором статьи.

Пример 1. Син. певч. 1301

Сла - ва От - цу и Сы - ну и Свя - то - му Ду - - - ху.

Мо - на - - - - хов мно - - - - жест - ва

нас - тав - ни - ка Тя по - чи - та - - ем, От - че наш Сер - ги - е:

Тво - е - ю бо е - зе - ю во - ис - ти - ну пра - во хо - ди - ти поз - на - хом.

Бла - жен е - си, Хрис - ту ра - бо - тав, и вра - жи - ю об - ли - чил е - си си - лу,

ан - ге - лов со - бе - сед - ни - че пре - по - доб - ных со - при - част - стии - че и пра - вед - ных

сни - ми же мо - ли - ся Гос - по - ду но - ми - ло - ва - ти ся ду - шам на - шим.

Сла - ва От - цу и Сы - ну и Свя - то - - - му Ду - - - ху.

Мо - на - хов мно - жес - ва нас - тав - ни - ка Тя по - чи - та - ем, От - че наш Сер - ги - е:

Тво - е ю бо сте - зе ю во - ис - ти - ну пра - во хо - ди - ти поз - на - хом.

Бла - жен е - си, Хрис - ту ра - бо - тав, и вра - жи - ю об - ли - чил е - си си - лу,

ан - ге - лов со - бе - сед - ни - че, пре - по - доб - ных со - при - част - ни - че и пра - вед - ных,

сни - ми же мо - ли - ся Гос - по - де - ви по - ми - ло - ва - ти - ся ду - шам на - шим.

Творчество мастеров Троице-Сергиевой Лавры позднего периода

Троице-Сергиева Лавра – центральный русский монастырь, основанный великим святым преп. Сергием Радонежским. Это духовный и культурный центр России.

Культурное наследие монастыря уникально. Основное хранилище рукописей Троицкого собрания содержится в РГБ. Лавре в настоящее время также принадлежит ценное собрание рукописей. Среди песнопевцев, творивших в обители, известны имена старинных мастеров – Ионы Зуя, Лонгина Шишелова, в более поздний период работали иером. Нафанаил (Бочкалло), а также наши современники – С. Трубачев, архим. Матфей (Мормыль), игум. Никифор.

На протяжении веков в Лавре были созданы многие одноголосные и многоголосные песнопения. Изучение этого обширного комплекса необходимо для осмысления русской церковно-певческой культуры.

К раннему периоду лаврского песнотворчества относятся, во-первых, путевые образцы из рукописей XVI–XVII веков, опубликованные в работах Н. Успенского, Н. Серединой, Г. Пожидаевой. Во-вторых, многоголосные песнопения XVII века с ведущим голосом «путь», который принадлежит собственно троицкой традиции.

В XVIII веке путевой распев и строчное многоголосие уходит из клиросной практики. Начинается принципиально новый, период Нового времени в развитии лаврского пения.

Сюда следует отнести одноголосные песнопения, которые были созданы около XVIII–XIX веков и позднее гармонизованы. В самой Лавре распространено мнение, что до начала XX века Троицкое пение было традиционным одноголосным. М. Рахманова считает, что, возможно, имеется в виду «дьячковское одноголосие».

Наиболее яркий источник, демонстрирующий местную традицию позднего одноголосия, – это Ирмологий по напеву Троице-Сергиевой Лавры. Он включает только образцы местной редакции. Эти песнопения сочетают особенности разных распевов: знаменного, греческого, киевского и их сокращенных вариантов. Композиционные принципы, которыми руководствовались распевщики, основывались на вариативной технике обработки образцов различных распевов с изменением ритма и мелодического рисунка; применялась стилистика одного или нескольких видов распева. Сочетание стилистики разных распевов в монастырском творчестве впервые отметил Н. Успенский. В ряде мелодий наблюдаются оригинальные мелоформулы, построенные на ритмо-интонациях локального троицкого происхождения. Другие приемы не были изобретением троицких распевщиков, а были заимствованы у мастеров некоторых школ XVI–XVII вв. (новгородской, усольской), что отмечено Н. Парфентьевой.

Известны Ирмологии, содержащие ирмосы одного распева: знаменного, киевского, греческого. Анализ Троицкого ирмология показал, что в этой книге применяется сочетание различных распевов. Этот факт ставит Лаврский ирмологий на совершенно особое место в ряду русских церковно-певческих книг как синтезирующий, центральный тип певческой традиции.

Интересным источником позднего Троицкого одноголосия стала рукопись 1905 года из собрания РГБ, ф.304 // II, № 390, принадлежавшая насельнику Лавры И. Швецову. В рукописи содержатся песнопения, обозначенные как «лаврские». Анализ напевов этой рукописи показал, что местный вариант этих песнопений базируется на тех же принципах интонационного развития, что и более ранний Ирмологий.

Позднее Троицкое многоголосие – это песнопения анонимные с указанием лишь на авторство Троицкой обители, а также авторские, опубликованные в различных репертуарных сборниках троицкого происхождения.

Для стилистики анонимного творчества этого периода характерны черты, которые вообще свойственны церковной музыке конца XIX века: «гармоническая тональность» мажорная или минорная ладогармоническая основа, «доминантность», «тоникальность», отклонения в тональности ближайшей степени родства, четырехголосный склад фактуры, преобладание композиций с несимметричным ритмом.

Авторские обработки лаврских мелодий были созданы С. Трубачевым, архим. Матфеем. Здесь мы находим обработки троицких напевов из Всенощного бдения, Постной Триоди, Страстной Седмицы, Ирмология.

Архим. Матфей отметил, что в своем творчестве он стремится к простоте технических приемов, музыкального языка. Действительно, его гармонизации троицких песнопений, яркие и ясные для восприятия, сочетают в себе соответствующие средства выразительности. «Простота» стала неотъемлемым качеством стиля этого выдающегося регента-композитора. Нельзя не отметить и традиционность его письма, развивающего стилистику лаврской школы начала XX века на новом уровне.

Обработки диака С.Трубачева по-новому раскрывают потенциальные возможности троицкого напева. Неповторимость, индивидуальность каждой обработки стала характерным признаком стилистики этого талантливейшего автора.

Итак, традиции школы Троице-Сергиевой Лавры начали формироваться в XIV веке, развивались до 1920 года, а затем, после открытия Лавры в 1946 году, постепенно возродились и процветают до настоящего времени. Поздний период лаврского мастеропения – это, с одной стороны, стилистически новый этап развития для местной школы. С другой стороны, можно отметить некоторые черты, сближающие лаврское музыкальное творчество разных периодов. Эти черты следующие: одновременное произнесение текста всеми голосами, единство темпа композиции, асимметричный ритм. Эти композиционные принципы прослеживаются от древнейших образцов до поздних обработок С. Трубачева и архим. Матфея.

Литература: Генченкова 2007; Гуляницкая, 2002. С. 277–292; Гуляницкая 1999, с. 76–83. Трубачев 2007; Денисов 1999; Пожидаева М. О стилистике... 2006. Пожидаева М. Раннее русское многоголосие ... 2006. Пожидаева М. 2005; Пожидаева М. Распевы ... 2006; Попова, 2003; Сайт Троице-Сергиевой Лавры; Матфей (Мормыль), 1989.

Д. В. Гордеев

Осмысление образа Богоматери в литургических текстах в честь преподобного Сергия Радонежского и его учеников

В богослужбной традиции Православной Церкви циклы стихир, тропарей и песни канонов чаще всего завершаются богородичном – песнопением в честь Божьей Матери. В этих текстах прославляется Богоматерь, раскрываются и истолковываются события Священной библейской истории: зачатие Пресвятой Богородицы, чудесное рождение от Пречистой Богомладенца Христа, стояние Девы Марии на Голгофе у Креста, во время распятия Иисуса Христа, и так далее.

Исследователи, работая с текстами в честь Богородицы [Аверинцев, 1972. С. 25–49], рассматривают службы в честь двенадцатых богородичных праздников, службы в честь особой явной помощи Богоматери (Суббота акафиста, Покров) и службы в честь чтимых изображений Пресвятой Девы (Иверской, Владимирской, Казанской и другие) [7, с. 371–381; 8, с. 159–209; 5, с. 141–149, 225–243]. А также через тексты конкретной службы анализируют и раскрывают содержание иконы праздника данного дня [8, с. 230–269; 9, с. 54–57; 10, с. 179–287; 11, с. 5]. В работах исследователей автору данной статьи не встретились попытки проанализировать, систематизировать и раскрыть образ Богородицы в службе святого(ой), так как в службе святого их мало и они не связаны с иконой праздника (святого, собора святых). Но завершающие богородичны могут быть рассмотрены и как параллельная, самостоятельная тема в службе святого(ой), каждую службу можно рассмотреть как самостоятельное и целое произведение, помещенное в служебной Минее, исполняемое в положенное время. Каждое песнопение, завершающее цикл стихир или тропарей в честь Богородицы, логически законченно, и в последующем тексте не происходит осмысления (кроме крестобогородичных) предыдущей исторической темы или идеи.

В данной статье предпринята попытка рассмотреть и раскрыть образ Богородицы в службах в честь преподобного Сергия Радонежского и его учеников.

В честь преподобного Сергия Радонежского в служебной Минее помещено две службы: первая под 25 сентября – день преставления (смерти) преподобного «Преподобнаго отца нашего Сергия, игумена Радонежскаго и всея России чудотворца» [3, с. 698–721]; вторая под 5 июля – «Обретение честных мощей преподобного и Богоноснаго отца нашего Сергия, игумена

Радонежского и всея России чудотворца» [2, с. 285–303]. Служба на преставление составлена иеромонахом Пахомием между 1440–1443 гг., служба под 5 июля написана после открытия мощей всероссийского чудотворца в 1423 году, ее составил его ученик прп. Епифаний Премудрый, а позже дополнил иером. Пахомий [6, с. 102–103]. Н. С. Серегина приходит к тем же выводам о времени установления дней почитания прп. Сергия, что и предыдущий исследователь, но опирается на другие источники и исследования [5, с. 209–210].

У преп. Сергия прославлено сорок четыре ученика в лике преподобных, в служебных «зеленых» Минеях только 11 ученикам напечатаны службы: прп. Симону архим., память 10 мая; прп. Михею память 6 мая; прп. Никону, игумену Радонежскому и всея России чудотворцу, память 17 ноября; прп. Авраамию Галичскому, Чухломскому, память 20 июля; прп. Сильвестру Обнорскому, память 25 апреля; прп. Сергию Обнорскому, Нуромскому, память 7 октября; прп. Павлу Обнорскому, Комельскому, память 10 января; прп. Андрею Рублеву, иконописцу Московскому, память 4 июля и 13 июня в соборе; прп. Савве Сторожевскому, Звенигородскому, память 3 декабря, обретение мощей 19 января; прп. Мефодию Пешношскому, память 4 и 14 июня; прп. Иакову Железоборовскому, память 11 апреля.

Преподобный Никон Радонежский канонизирован на соборе 1547 года. Ф. Г. Спасский повторяет мнение свящ. В. Яблонского о написании службы: «с вероятностью “вся” составлена иером. Пахомием. Составлена она между 1440 и 1450 [1459] гг. по распоряжению свт. Ионы», «переработка (канона) произошла в XVIII в.: при митр. Платоне в 1779 г. построена была рака прп. Никону. О раке канон упоминает в тропаре 1 и 2 песни 6...» [6, с. 104–105]. Святые мощи прп. Павла Обнорского были открыты в 1546 году, и канонизирован он на Соборе 1547 года. Ф. Г. Спасский считает, что служба написана в обители прп. Павла: «Темже во обители твоей творящи память твою светоносную ублажают <тя> чада твоя», о времени написания «когда не было требований духовной цензуры, сводившихся в полицейскому надзору», но не раньше XVI века, точнее, до 1546 года – открытия мощей: служба о мощах не упоминает [6, с. 192–193]. Феодосий Георгиевич указывает, что служба в честь прп. Саввы Сторожевского оформляется в XVII веке, а сам святой был причислен к лику святых на Соборе 1459 года [6, с. 216].

В честь прп. Сергия и его учеников есть службы собору святых. На 3-й день праздника в честь прп. Сергия (6 июля) в служебной Минеи помещена «Служба общая преподобным отцем Сергию и Никону, Радонежским и всея России чудотворцем» [2, с. 360–377]. В служебной Минее под 6 июля помещена служба «Собор Радонежских святых» [2, с. 339–355]. Преподобному Сергию Радонежскому и его ученику прп. Михею было явление Пресвятой Богородицы, это событие было зафиксировано литургической традицией Русской Православной Церкви, служба помещена в служебной Минее в месяце августе под 24 числом «Празднование Пресвятей Богородице ради Ея явления преподобному Сергию, игумену Радонежскому» [1, с. 48–59]. Под 13 июня помещена служба собору учеников и сподвижников прп. Сергия «Преподобных Андроника, Саввы, Александра, Даниила и Андрея Московских»; в честь первых четырех отцов нет каждому отдельной службы, только прп. Андрею Московскому, Рублеву напечатана в служебной Минее (см. выше).

Итак, в честь прп. Сергия Радонежского и его святых учеников в служебной Минее находится 17 служб, из которых две – прп. Сергию, одна – в честь прп. Сергия и Никона игуменов Радонежских, одна служба общая собору Радонежских святых, служба соборная в честь святых пятерых учеников прп. Сергия, служба в честь явления Богородицы прп. Сергию и 11 служб в честь некоторых учеников. Рассмотрим место нахождения и количество богородичных в рассматриваемых службах.

В рассматриваемых литургических текстах можно выделить две основных темы: 1) Боговоплощение – история зачатия Божьей Матерью Спасителя, осмысление значения пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа; 2) Пресвятая Дева Мария – Ходатаица и Заступница.

Рассмотрим подробнее обозначенные темы в службах преподобных радонежских отцов.

«Гавриилу вещавшу Тебе, Дево, радуйся, со гласом воплощашеся всех Владыка, в Тебе, святем кивоте, якоже рече праведный Давид; явилася еси ширшая Небес, поносивши Зиждителя Твоего. Слава Всельшемуся в Тя, слава Прошедшему из Тебе, слава Свободившему нас Рождеством Твоим» – богородичен седальна по 1-м стихословии службы прп. Сергия Радонежского 5 июля.

«Яко невозделанная, Дево, лоза, прекрасный Грозд, Христа, возрастила еси, источиши нам вино спасительное, всех веселящее души и телеса. Темже, яко виновну Тя добрых ублажающее,

присно со Ангелом вопием Ти: радуйся, Обрадованная» – богородичен седальна по 2-ом стихословии службы прп. Сергия Радонежского 25 сентября; богородичен седальна по 2-ом стихословии службы общей в честь прпп. Сергия и Никона Радонежских.

«Един от Святыя Троицы воплотися от Тебе, Пречистая, да спасет весь род человеческий от работы вражия и вечнаго осуждения» – богородичен четвертой песни канона службы собора Радонежских святых.

«Радуйся, чистоты сокровище; радуйся Невещественнаго Света чистое жилище; радуйся главно спасения нашего; радуйся, апостолов проповедание; радуйся, мучеников похвало; радуйся пророков исполнение, Всенепорочная. Радуйся, подвижников и монахов украшение и спасение верных» – богородичен стихир на стиховне службы общей в честь прпп. Сергия и Никона Радонежских.

В приведенных четырех текстах содержится не просто пересказ евангельских событий, но и раскрываются последовательно следующие богословские идеи: 1) В момент Благовещения во чрево Девы Марии вочеловечилась (облеклась плотью) . Вторая Ипостась Пресвятой Троицы ради спасения человечества; 2) Чрево Богородицы явилось шире (глубже, больше) небес, так как в Ее утробе Ее Создатель – Бог Слово – пребывал всей своей полнотой, но по мысли богослужебных текстов весь мир не может вместить Бога. Богоматерь уподобляется **«кивоту»** – Ковчегу Завета, становится святыней, в которой обитает Бог Своей Ипостасью, а не преизбытком благодати. Символический эпитет **«кивот»** подчеркивает связь между событиями Ветхого и Нового Заветами, Ковчег завета это прообраз боговоплощения; 3) От **Лозы** – Богородицы возрос **«прекрасный Грозд»** Христос, вкушающие от Него веселят и питают человеческую всю природу (душу и тело) и через причастие к этому Плоду имеют спасение от рабства греха и смерти; 4) Пришествие в мир Бога Слова открыло человеку путь к святости, и плоды этого пришествия – святые (апостолы, мученики, преподобные) и все верные. Также в текстах присутствует мысль, что любой человек может последовать по пути святости, как это сделал прп. Сергей Радонежский и его ученики.

Вторая присутствующая тема – это логическое продолжение первой: Богородица после Своего славного Успения не оставила христиан без своей помощи и молитв перед престолом Пресвятой Троицы.

«Яко Божия Мати, дерзновение имущи к Рождшемуся из Тебе Единородному Слову и Отцу Собезначальному и Срасленному Духу, молящи не престай от бед спасати, Всенепорочная, иже Тя, Богородицу, славящая» – богородичен первой песни канона службы общей в честь прпп. Сергия и Никона Радонежских.

«Неусыпаемую в молитвах Заступницу обрете Тя, Непорочная Дево, человеческий род. Темже, радующеяся, поем: да благословит тварь вся Господа и превозносит во вся веки» – богородичен восьмой песни канона службы собора Радонежских святых.

«Тя стену имуще и заступлением Твоим соблюдаеми, Твою божественною славою хвалящися, Тя ублажаем. Ты бо, Пречистая, душам нашим источаеши веселие и радование» – богородичен пятой песни первого канона в честь прп. Сергия 25 сентября; богородичен пятой песни канона службы общей в честь прпп. Сергия и Никона Радонежских.

«Мати Божия Пречистая, твердая Заступнице на Тя надеющимся, покрове и страж граду нашему, и неборимая стено святей обители сей, и оружие спасения отечеству нашему, спаси всех, благочествно поклоняющихся святому образу Твоему» – богородичен пятой песни канона службы прп. Сергия 5 июля.

Вторая группа – это тексты с символическими эпитетами небиблейского происхождения, в которых утверждается, что человек во время пути к спасению не остается один, главной помощницей является Пресвятая Дева Мария. Богоматерь – **«твердая Заступница»** всех христиан, защитница отечества, **покров и страж** града – города, **стена** обители – Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. В этих текстах русские гимнографы продолжают традицию византийских песнописцев, видят в лице Девы Марии Военачальницу христиан *«Взбранной Воеводе, победительная яко избавльшися от злых»*, защищающую Своих сыновей и дочерей, живущих в городах, обителях от врагов видимых и невидимых. В службах в честь прпп. Сергия и Никона, которые более древние во времени написания в отличие от других прпп. радонежских, мысль о защите отечества, городов, взывающих о помощи, и монастыря (лавры) звучит чаще, здесь видится отображение в текстах молитв бедствий, происходивших в России после смерти преподобных отцов.

Следующая мысль – человек не может победить своих внутренних врагов (страсти) и внешних без помощи Божией, Богородицы и сонма святых.

Таким образом, в службах преподобного Сергия Радонежского и его святых учеников Богородицу именуют следующими символическими эпитетами: *кивот, лоза, заступница, покров, страж, стено* и *оружие*, через которые осмыслиется и раскрывается Ее образ. Богоматерь – Орудие, участвующее в домостроительстве спасения, Она – помощница и заступница обители преподобного Сергия и всех христиан в дни бед и напастей.

Литература: 1. Минея август, 2002. Ч.3.; 2. Минея июль. 2002. Ч.1; 3. Минея сентябрь, 2003; 4. Савина, 2000; 5. Серегина 1994. 6; Спасский, 2008; 7. Турилов, Казачков, 2000; 8. Шалина, 1994.

И. А. Чудинова

Троице-Сергиева Приморская пустынь в Санкт-Петербурге

Монастырь, берущий свое начало от первых лет существования СПб (1734), в XIX веке был прославлен именем своего настоятеля, святителя Игнатия Брянчанинова. Здесь образовался лучший в России певческий хор, пустынь была почитаема и связана с именами П. И. Турчанинова, А.Ф.Львова, М.И.Глинки.

Пустынь расположена недалеко от Санкт-Петербурга, на берегу Финского залива по правой стороне Петергофского шоссе. Троицкой названа по главному храму монастыря, освященному во имя Живоначальной Святой Троицы, Сергиевой — по чудотворной иконе прп. Сергия Радонежского, привезенной из Троице-Сергиевой лавры. Во имя прп. Сергия был освящен и первый деревянный храм пустыни. Первоначально на этом месте была приморская дача царевны, вел. княжны Екатерины Иоанновны, дочери царя Иоанна Алексеевича, впоследствии герцогини Мекленбург-Шверинской. В 1732 году императрица Анна Иоанновна дарит эту дачу своему духовнику архимандриту Троице-Сергиевой лавры Варлааму (Высоцкому). В 1734 году из загородного дома царицы Параскевы Федоровны на Фонтанке в пустынь переносится деревянная церковь Успения Пресвятой Богородицы и 12 мая 1735 года освящается архимандритом Варлаамом во имя прп. Сергия Радонежского (РГИА, ф.834, оп.4, д.1685, л.317).

С 1756 году в пустыни начинает строиться собор Св. Троицы. Строительство окончено в 1760-м, а в 1763 году был освящен его главный престол. В 1764 году Троице-Сергиева пустынь переходит в епархиальное ведомство Петербурга во 2-й класс. Ею начинают управлять архимандриты. Первый — Варлаам (Синковский). За 54 года сменилось 25 настоятелей, среди них были Вениамин (Румовский) (1774), Анастасий (Братановский) (1795—1796), Евгений (Болховитинов) (1802—1804) (РГИА, ф.834, оп.4, д.1685, л.328). С 1819 году пустынь переходит в управление епископа Ревельского, викария Санкт-Петербургской митрополии. Постепенно она утрачивает былое великолепие придворного монастыря и впадает в запустенье.

В 1833 году Троице-Сергиева пустынь возвращается в подчинение архимандрита. Император велит определить на эту должность Игнатия (Брянчанинова). Под его началом (1833—1857) Троице-Сергиева пустынь получила новую жизнь.

Следуя святоотеческой традиции, основой христианского подвига и монашеского делания Игнатий Брянчанинов считал молитву. По его утверждению, именно пение — «телесная молитва» — является первым шагом на этом пути. «Вы спрашиваете, что значит телесная молитва? — Это вообще молитва новоначальных, в особенности же клиросное пение, а наипаче нотное, где все внимание обращено на голос. От этой молитвы, сопровождаемой сильною наружною ревностью, также плотскою, переходит человек к сердечному и умственному вниманию, причем ревность действует с тихостию и благообразием», — пишет Игнатий Брянчанинов (Собрание писем... С. 205). В соответствии с этим формировался строй жизни Троице-Сергиевой пустыни — постижение искусства молитвы начиналось с клиросного пения, и все новоначальные иноки, оставив мир и придя в пустынь, получали послушание в братском хоре.

До появления в Троице-Сергиевой пустыни нового настоятеля (1833) монастырь находился в крайнем запустении — ветхие кельи, убогая братия (всего 12 человек), не отличавшаяся особой добротой нрава. О начальном состоянии монастыря и об обстоятельствах, положивших начало его возрождению, архимандрит Игнатий сообщает в одном из своих писем: «Поступив в Сергиеву Пустынь настоятелем, я нашел ее в самом расстроенном состоянии. Без братства, без помещения, без ризницы, без основательных источников содержания, — с процессом, коим оспаривалась

принадлежащая монастырю земля, единственное его достояние. В течении тринадцатилетнего моего настоятельства я старался, сколько мог, восстановить обитель. Мой товарищ [...] Михаил Чихачев продал свое имение за 40 тысяч на ассигнации и [...] при сем пособии доставлены средства многим лицам приехать из дальних монастырей в Сергиеву Пустынь, а другим, наиболее сиротам, находившимся в совершенной крайности, доставлены способы получить увольнение» (РГИА, ф.1088, оп.1, д. 532, л.5—5 об.).

Пустынь преобразуется и приобретает особый облик. Свообразие духовного и материального устройства этого монастыря описано в одном из писем архимандрита Игнатия: «Наш монастырь — Сергиева пустынь — есть необыкновенное явление, с совершенно отличным характером, — среди прочих монастырей такого рода. По наружности — она имеет чистоту, которой нельзя встретить в другом месте; по внутреннему устройению нигде нет такого благонамеренного братства, чуждого ханжества и безнравственности» (Собрание писем... С.818). Облик монастыря дополняется окружающим его ландшафтом, значение которого для характерности облика монастыря отмечено в другом письме архимандрита Игнатия: «Я видел много хороших мест в России, мест прекрасных, роскошно убранных природою; но не встречал места похожего на Петергофскую дорогу. Она имеет свой отдельный характер, свое малое, чего вы не найдете в других окрестностях Петербурга. Это — продолжительный английский сад, в котором каждое местечко отделано рукою человека. Такой безпрестанной руки человека я нигде не встречал: везде рука природы видна больше» (РГИА, ф. 1088, оп.1, д.532, л.35). Стараниями новой братии монастырь постепенно лишается следов запустения и превращается в ухоженную и цветущую обитель, гармонично соотносящуюся с «рукотворным» окружением.

В списке братии 1835 года уже 35 имен. Все эти люди появились в Троице-Сергиевой пустыни с приходом нового архимандрита. Они прибыли сюда из Валаамского, Соловецкого, Кирилло-Белозерского, Костромского Николаевского Бабаевского монастырей, из Калужской Козельской Введенской Оптиной, Курской Коренской пустыни. Происходили большей частью из мещан и духовного звания, двое — из крестьян (один «обращен из раскола»). Среди членов братии несколько дворян — иеромонах Феофан (РГИА, ф. 834, оп.4, д.882, л.9 об., 10), послушник Николай Петров Демутье (РГИА, ф. 834, оп.4, д.882, л.20 об., 21). Из дворян были П. П. Яковлев и М.В.Чихачев, яркие личности, сыгравшие значительную роль в истории монастыря.

Архимандрит Игнатий обрел в монастыре верных помощников, без которых дело благоустройства было бы затруднено, о чем он сам сообщает в 1847 году: «Если ныне управляю кое как и дело еще течет, то этим я обязан двум верным мне лицам с благородными чувствами и правилами, моему Наместнику и Павлу Петровичу» (РГИА, ф.1088, оп.1, д.532, л.11 об.). Наместник (с 1844) Троице-Сергиевой пустыни, друг и поверенный во многих делах архимандрита Игнатия Брянчанинова иеромонах Игнатий начал свое служение в клиросном хоре монастыря, отмеченный в монастырских документах как хорошо знающий «простую и партесную ноту».

П.П.Яковлев впервые встретил будущего архимандрита Игнатия в Кирилло-Новоезерском монастыре Новгородской губернии в 1730 году (РГИА, ф.834, оп.4, д.828, л.143, 154, 204 об., 209, 212; ОР РНБ, ф.1000, оп.2, д.531, л.48). Вместе с Игнатием Брянчаниновым он пришел в Троице-Сергиеву пустынь, в течение многих лет собирал документальные свидетельства ее истории (многие его рукописные материалы сохранились в РГИА, ф.834, оп.4) и опубликовал ее историко-статистическое описание. Без его подвижнического труда в руководстве монастырскими строительными работами вряд ли удалось бы за столь короткий срок восстановить собор и построить новые здания на территории пустыни. Рукописи Яковлева по истории монастыря имеют одну особенность. В списках монашествующих он отмечает не только их монашеский статус, но и качество певческого голоса. Упоминает он также о том, что и сам имел учеников «по нотному пению» среди братии (РГИА, ф.834, оп.4, д.1546, л.59).

В характеристике братии 1835 года, составленной архимандритом Игнатием, важное место занимает определение возможностей каждого относительно пения. Большинство имен (22) сопровождается отметками «способен к крылосному послушанию», «знает простую и партесную ноту», «читать и петь умеет». Певческий хор — ядро монастырской братии, из него вырастают истинные подвижники, среди которых образуются личности выдающиеся. Одна из них — схимонах Чихачев, который многие годы был певчим и руководителем монастырского хора.

По правилам, введенным архимандритом Игнатием, все пришедшие в монастырь начинают учиться богослужению в певческом хоре. Клиросная должность — одно из самых трудных монастырских послушаний, требующая отдачи всех сил — душевных и физических. Так же как и

для молитвенного правила, архимандрит Игнатий определяет для него меру «по силам», не превышающую возможностей каждого. В одном из монастырей во время поездки по епархии с архимандритом Игнатием зашел разговор «о том, какому изнеможению подвергаются крылосные от своего послушания». Он ответил на это, что «по причине этого изнеможения установлена в нашей обители чреда для утрени и вечерни. Половина крылосных становится при этих службах на крылосе, а другая не становится. На следующий день поют отдохавшие накануне, а певшие накануне отдыхают. У этих же служб приучаются к пению те из вновь вступивших, которые имеют голос и способность к пению. К Божественной Литургии и Всенощным приходят все» (Собрание писем... С.186).

Характер пения, требуемый в монастыре, по словам архимандрита Игнатия, должен соответствовать строю молитвенной жизни. Все должно быть «просто, чинно, благоговейно». Именно так поют в Николаевском Бабаевском монастыре, куда удалился в конце жизни Игнатий Брянчанинов из Петербурга. Пение здесь «по воскресным и праздничным дням — придворное, по прочим дням — столповое» (т.е. принятое при дворе многоголосие и традиционное знаменное пение). Порядок службы, включающей помимо современного, «придворного» пения, пение древнее, «столповое», по всей вероятности, соблюдался и в Троице-Сергиевой пустыни.

В ее библиотеке, среди прочих книг (среди которых преобладали переводы святоотеческих писаний), было несколько нотных книг «церковной печати»: Октоих или осмогласник знаменного роспева (Москва, 1831), два Ирмология знаменного роспева (Москва, 1841), пять нотных Ирмологов (Москва, Синодальная типография, 1841), два Обихода (Москва, Синодальная типография, 1860) (РГИА, ф.834, оп.4, д.900, л.7). Уставщиком левого клироса в пустыни был «обращенный из раскола» иеромонах Марк, который должен был по характеру своего воспитания владеть знаменным пением.

Концертный европейский стиль пения, широко утвердившийся к тому времени в церковной практике, вызывал у архимандрита Игнатия резкий протест. Такое пение он слышит в храмах во время своей поездки в Москву и сравнивает его с практикой своего монастыря в письме от 12 августа 1847 года, обращенном к наместнику Троице-Сергиевой пустыни отцу Игнатию: «Не можешь себе представить, как показалось мне отвратительным московское пение с его фигурами и вариациями. Нам нужна величественная, благоговейная простота и глубокое набожное чувство: этими двумя качествами наше пение становится выше пения Московских монастырей» (Собрание писем... С.130). Не все, приходившие в братство Троице-Сергиевой пустыни, могли соответствовать направлению, столь отличному от того, что преобладало повсеместно. Возникали проблемы, одна из них описана в письме архимандрита Игнатия (14 августа 1847): «Отец Наместник, иеромонах Игнатий! [...] Иеромонах Пафнутий мог бы быть уволенным, если б у нас было достаточное количество иеромонахов: он нужен только для служения, но для пения не только не полезен, даже вреден. Сформировав вкус свой в провинции, он недостаточен для нашего хора, в котором должны служить лучшим украшением простота и глубокое благоговейное чувство, а не фигурные вариации, которые в таком употреблении в Москве и которые так нейдут к монашескому пению» (Собрание писем... С.131).

Как и Оптина, Троице-Сергиева пустынь находилась как бы на перекрестке религии и культуры и была местом паломничества культурной элиты. Но если Оптина пустынь в XIX веке — точка притяжения литературных кругов (Гоголь, братья Иван и Петр Киреевские, Ф. Достоевский и Вл. Соловьев, Л. Толстой и др.), то Троице-Сергиева привлекает к себе прежде всего музыкантов. Участие в деятельности пустыни выдающихся композиторов, среди которых М. И. Глинка, А. Ф. Львов, П. И. Турчанинов, отразилось на культурном статусе монастыря и в то же время повлияло на творческое развитие этих музыкантов. В период формирования братского хора Троице-Сергиевой пустыни П. И. Турчанинов был здесь учителем, делал для него переложения и писал собственные многоголосные обработки древних монодических напевов.

Помимо Александро-Невской лавры выявляются музыкальные связи пустыни с Придворной певческой капеллой. Ее директор Алексей Федорович Львов — европейски образованный музыкант, скрипач-виртуоз, композитор, дирижер. Он обращается к изучению старых церковно-певческих рукописей, которые присылают ему со всей России — из разных епархий, монастырей, церквей. В Придворной капелле делаются гармонизации древних распевов и присылаются в Троице-Сергиеву пустынь, где с благодарностью принимаются и исполняются во время богослужений, о чем говорится в письме архимандрита Игнатия, направленного композитору 25 ноября 1849 года: «Примите мою сердечную признательность за доставленные Вами книги преложений Ваших: опыт в присутствии Вашем и дальнейшие опыты доказали, что

изучение их вполне удобно, как дающее правильный ход каждому голосу по напеву уже известному. Братия мои вполне поняли это, и с усердием принимаются за труд, очевидная цель которого — дать всему вообще Богослужению должную правильность и гармонию, а тем умножить благолепие его. Всегда был ощутителен недостаток, который Вы ныне так удовлетворительно восполнили! По церковным обиходам всем голосам прилежала одна и та же нота; делать необходимые для гармонии отступления также представлялось на произвол каждого поющего, а каждый делал сообразно способностям и понятиям своим — иной хорошо, иной худо. Последнее, по недостатку знаний и вкуса, случалось гораздо чаще первого. Теперь для каждого голоса указан верный путь! Эта услуга, всю цену которой, всю важность, могут понять особенно в монастырях, где Богослужение отправляется с преимущественным тщанием. Не мудрено же, что я и все мое братство преисполнены признательности за труд, совершенный Вашим Превосходительством. Призывая на Вас благословение Неба с чувством совершенного почтения и преданности имею честь быть Вашего Превосходительства покорнейший слуга Архимандрит Игнатий» (ОР РНБ, ф.446, оп.1, л.47).

В Придворной певческой капелле обучались некоторые участники братского хора Троице-Сергиевой пустыни. В январе 1851 года архимандрит Игнатий обращается к митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Никанору: «В вверенной управлению моему Сергиевой Пустыни с давняго времени введено придворное пение, заключавшееся прежде в Литургии и некоторых сочинениях Бортнянского. В последствии это пение обогащено многими предложениями с церковной простой ноты, каковыя предложения, сообразно вкусу посещавшей Сергиеву Пустынь публики, по возможности разучивались и употреблялись хором иночествующих. При таком развитии пения нужда в регенте, основательно знающем свое дело, сделалась крайне ощутительно. Его Превосходительство Директор Придворной певческой капеллы Алексей Федорович Львов, по усердию своему к святой обители много способствующую мне в устройении благолепного пения, вполне разделяет сие мое мнение, убедившись в справедливости его при личном присутствии своем на спевке крылосных Сергиевой Пустыни. Из числа послушников Сергиевой Пустыни имеет особенныя музыкальныя способности, что усмотрено и Генералом Львовым, послушник Стефан Артамонов, окончивший курс в Курской Семинарии. По совещании с Генералом, получив словесно согласие его на обучение онаго послушника в Придворной певческой капелле, по примеру Епархиальных регентов, я ныне получил оное письменно. Почему и осмеливаюсь испрашивать Вашего Архипастырского разрешения и благословения на дозволение Артамонову обучаться в Придворной Певческой капелле. При сем не лишним считаю присовокупить, что Артамонов, получа должное образование, по музыкальным способностям, соединенным с душевным настроением к монашеской внимательной жизни, может быть полезен не только специально для Сергиевой Пустыни, но и вообще для Епархиального ведомства, равно как и для самого искусства, о чем Генерал Львов упоминает в конце письма своего, которое имею честь приложить здесь в подлиннике на Архипастырское благоразсмотрение» (РГИА, ф.834, оп.4, д.823 (ч.2), л.78—78 об.).

М. И. Глинка и Троице-Сергиева пустынь — это тема особая. Великий композитор попадает в круг влияния этого монастыря в трудный период своей жизни, и личность архимандрита Игнатия оказывает на него большое творческое влияние. Глинка учит искусству пения одного из монастырских послушников, И. Г. Татаринова. В Великий пост 1856 года в пустыни впервые прозвучали написанные Глинкой для ее братского хора «Ектения» и «Да исправится молитва моя».

Когда в 1857 году архимандрит Игнатий Брянчанинов покидает пустынь и на его должность определяется Игнатий Малышев, его «сопостник» еще со времени Лопотового монастыря, порядок, установленный в обители, сохраняется прежний. П. П. Яковлев по-прежнему тщательно ведет хронику монастырской жизни, уделяя большое внимание сведениям о пении братского хора. Например, он описывает посещение Троице-Сергиевой пустыни свитой датской королевы в 1868 году и сообщает, что «гости, по окончании Литургии, отозвались о стройности пения и приятной его гармонии так: что некоторые из них, вслушиваясь в правильность исполнения нот, ощущали от сильно трогательнаго благозвучия даже лихорадку» (РГИА, ф.834, оп.4, д.840, л.26 об.).

«Расположение у моря среди рощ и зелени, красивые храмы, здания и ограды обители, сооруженные такими архитекторами, как Растрелли и Горностаев, придают пустыни чрезвычайно красивый вид, а великолепное пение монахов, благолепный чин служения привлекают круглый год массы богомольцев в обитель», — сообщала газета «Новое время» 31 июля (1 августа) 1884

года (РГИА, ф.834, оп.4, д.867, л.26). В том же году П. П. Яковлев пишет в своей книге: «В настоящее время Сергиева пустынь, множеством прекрасного зодчества храмов, великолепными памятниками на кладбище, образцовою стройностью богослужбного чина и может быть единственным в России по церковной художественности пением, привлекает и массы богомольцев и усердных жертвователей» (Яковлев 1884. С.13). Храмы пустыни, выстроенные выдающимися архитекторами (В. Растрелли, А. М. Горностаевым, А. И. Штакеншнейдером, Ю. А. Боссе, Р. И. Кузминым, А. А. Парландом) тщательно изукрашенные (в главном соборе находился образ св.Троицы, писанный К. П. Брюлловым), в которых необыкновенно стройно звучащие песнопения были знаком процветания этого места.

Братский хор Троице-Сергиевой пустыни:

Аполлинарий (в мире Алексей Герасимов Беляев). Род. в 1803 г., из духовного звания. Обучался в Калужской семинарии. С 1829 г. был в Калужской Казельской Введенской Оптиной пустыни. В 1831 г. перешел в Тихонову, в 1835-м — в Троице-Сергиеву пустынь. Иеродиакон. Послушания: священнослужение и клиросное пение. «Исправляет должность регента, имеет к оной достаточныя способности и сведения». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.15об.-16.*

Арсений (в мире Иван Яковлев Весновский). Род. в 1799 г., из духовного звания. Окончил курс учения в Новгородской семинарии. С 1823 года был послушником Тульского архиерейского дома. Пострижен в 1827 г. в Ростовском Яковлевском монастыре. В 1832 г. был в Нижегородском архиерейском доме, в 1833 г. — в Высокогорской Арзамасской пустыни. В 1835 г. поступил в братство Троице-Сергиевой пустыни. Иеромонах. «Исправляет священнослужение и клиросное послушание», «хорошие способности к крылоскому послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.8 об.-9.*

Арсений. Поступил в Троице-Сергиеву пустынь из Соловецкого монастыря. Иеродиакон. Скончался 8 июня 1859. *РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.5 об.*

Артамонов Стефан. Послушник (1851), окончил Курскую семинарию, в Придворной капелле готовился стать регентом Троице-Сергиевой пустыни. *РГИА, ф.834, оп.4, д.823 (ч.2) л.78-79.*

Варлаам (в мире Василий Иванов Чекмарев). Род. в 1792 г., дьяческий сын. Обучался в Вологодской семинарии. Пострижен в 1823 г. в Соловецком монастыре. В 1828 г. перемещен в Николаевскую Берлюковскую пустынь Московской епархии. В 1829 г. возвратился в Соловецкий монастырь. В 1835 г. «по желанию его» поступил в братство Троице-Сергиевой пустыни. Иеромонах, «петь и читать умеет весьма хорошо, знает простую и партесную ноту». Исправляет священнослужение и клиросное послушание. «Ко церкви усерден, весьма способен ко крылоскому послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.7 об.-8.*

Варсонофий (в мире Василий Зотов). Род. в 1796 г., из коллежских регистраторов. Пострижен в 1826 г. в Валаамском монастыре. Иеромонах Троице-Сергиевой пустыни с 1834 г. Послушания: священнослужение и клиросное пение. «Отлично умеет петь». В 1844 г. становится строителем Староладожского Николаевского монастыря. В 1846–1852 гг. был архимандритом Густынского Троицкого монастыря. *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.4 об.-5.*

Игнатий (в мире Федор Михайлов Васильев). Род. в 1806 г., из мещан Петербурга. В 1833—1834 гг. — послушник Валаамского монастыря. С 1834 г. — послушник Троице-Сергиевой пустыни, в 1835 г. — «посвящен в стихарь». «Читать и петь умеет весьма хорошо. Знает простую и партесную ноту». Исправляет клиросное послушание, «весьма способен». В 1837 г. пострижен в монашество, 5 сентября того же года — иеродиакон, 25 апр. 1839 г. — иеромонах. 24 мая того же года — ризничий. 8 апреля 1841 г. — казначей, 25 февраля 1844 г. — наместник. В 1851 г. переведен в Юрьев монастырь наместником. В 1852 г. — архимандрит Сковородского монастыря в Новгороде. В 1853 г. — настоятель, а в 1865 г. — архимандрит Свято-Благовещенской Никандровой пустыни. Умер 18 декабря 1870 г.. *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.19об.-20; Собрание писем...С.843.*

Израиль (в мире Иван Андреев). Род. в 1794 г., из дьячков. В 1829 г. определен в братство Валаамского монастыря, где исправлял клиросное послушание. В 1730 г. по своему прошению переведен в Троице-Сергиеву пустынь. С 1834 г. — иеромонах. «Умеет петь по простой ноте». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.6 об.-7.*

Иродионов Василий. Из мещан города Болхова Орловской губернии. Послушник Троице-Сергиевой пустыни с 1835 г.. «Читать и петь умеет». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.23 об.-24.*

Куприянов Филипп Семенов. Род. в 1807 г., из обер-офицерских детей. В 1828 г. «согласно прошению его» определен в число братства Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. В 1833 г. перешел в Лопотов монастырь Вологодской епархии. С 1834 г. — послушник Троице-Сергиевой пустыни. «Читать и петь умеет». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.17 об.-18.*

Марк (в мире Матвей Прокофьев). Род. в 1799 г., из крестьян Коломенской округи Московской губернии. «Обучался российской грамоте, писать, читать и петь по простой ноте умеет хорошо». Обращен из раскола, с 1824 г. был в братстве единоверческого Успенского монастыря Костромской епархии. В 1831 г. определен в Александро-Невскую лавру. С 1834 г. — иеродиакон Троице-Сергиевой пустыни. «Исправляет чреду священнослужения, должность уставщика на левом клиросе, в соборном же служении первенствует». «К церковной службе, равно и ко врученной ему должности благочиннаго отлично усерден, имеет огромный голос». В 1857 г. — иеромонах, духовник. *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.10 об.-11; д.823 (ч. 2), л.63 об.*

Маркеллин (в мире Михаил Матвеев Арепьев). Род. в 1802 г., из духовного звания. Обучался в Курском духовном уездном училище. Пострижен в 1833 г. в Коренской пустыни Курской епархии, где «был уставщиком в пении праваго клироса». С 1835 г. — иеродиакон Троице-Сергиевой пустыни. Исправляет священнослужение и клиросное послушание. «Способен к крылосному послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.13 об.-14.*

Матвеев Иван Васильев. Род. в 1810 г., из мещан города Орла. Послушник Троице-Сергиевой пустыни с 1834 г. «Читает и поет порядочно». Исправляет должность пономаря. *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.20 об.-21.*

Михаил (Виноградов). Иеромонах, тенор. Скончался на 48 году от рождения 10 августа 1868. *РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.46 об.*

Никифоров Алексей Ильин. Род. в 1804 г., из мещан Петербурга. Послушник Троице-Сергиевой пустыни с 1834 г. «Читать и петь умеет весьма хорошо. Знает простую и партесную ноту». Исправляет клиросное послушание, «весьма способен». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.19 об.-20.*

Никодим (в мире Николай Андреев). Род. в 1799 г., Костромской епархии Нерехтского духовного правления села Пружинина Введенской церкви дьяческий сын. Обучался в Костромском приходском и уездной Духовных училищах. В 1822 г. поступил в Николаевский Бабаевский, а в 1823 г. перешел в Богородицкий Игрицкий монастырь. В 1828 г. вернулся в Николаевский Бабаевский монастырь, где в 1830 г. был пострижен в монашество. В 1834 г. вновь перешел в Игрицкий монастырь, где исправлял священнослужение и клиросную должность. С 1834 — в Троице-Сергиевой пустыни, иеродиакон. Исправляет священнослужение и клиросное послушание. «Способен к крылосному послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.12 об.-13.*

Окопишников Андрей Матвеев. Из мещан Петербурга. В Троице-Сергиеву пустынь пришел в 1835 г., послушник. «Весьма способен к крылосному послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.22 об.-23.*

Паисий (Аршанинов). Иеромонах Троице-Сергиевой пустыни, впоследствии архимандрит, настоятель Новгородского Вяжицкого монастыря. О нем П. П. Яковлев пишет: «ученик мой по нотному пению». Родился в 1802 г., умер в 1879. *РГИА, ф.834, оп.4, д.1546, л.59.*

Паисий (Червонецкий). Иеромонах Троице-Сергиевой пустыни, родной брат Василия Червонецкого. *РГИА, ф.834, оп.4, д.1546, л.59.*

Пармен. Род. в 1782 г. Пострижен в Трегуляеве Предтечеве монастыре. В пустыни с 1823 г. Ризничий, исполняет священнослужение. «Умеет петь по простой ноте». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.3 об.-4.*

Пафнутий (Алексеенков). Иеромонах Троице-Сергиевой пустыни, впоследствии регент братского хора Московского Донского монастыря. Умер 1 декабря 1877. *РГИА, ф.834, оп.4, д.1546, л.59 об.*

Пахомий. Род. в 1801 г., из крестьян Вологодской губернии. «Умеет писать по уставу хорошо, читать и петь отлично, хорошо знает простую и партесную ноту». С 1828 г. — в Тотемском Спасо-Сумском монастыре, где в 1832 г. был пострижен в монашество. В Троице-Сергиевую пустынь переведен по своему желанию в 1835 г. Иеродиакон, исправляет священнослужение и клиросное послушание. «Отлично способен к крылосному послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.13 об.-14.*

Петров Алексей Петрович, регент Троице-Сергиевой пустыни. «Скончался 32-х лет от рождения 3 мая 1874 » *РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.60.*

Платон (Яновский). Род. в 1785 г., из угличских мещан. Пострижен в 1811 г. в Валаамском монастыре. С 1817 г. был в Троице-Зеленецком монастыре. В 1819 г. — в Александро-Невской лавре, потом в Соловецком монастыре. В 1826 г. переходит в Валаамский монастырь, где исправлял священнослужение и был уставщиком правого клироса. С 1833 г. в Троице-Сергиевой пустыни, иеродиакон. Исправляет священнослужение, «способен к крылосному послушанию». «Читать, писать и петь умеет весьма хорошо». Потом — иеромонах, регент. Скончался 24 июля 1861. *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.11об.-12. РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.88 об.*

Попов Александр Иванов. Род. в 1805 г., из мещан Петербурга. В 1834 г. «с надеждой пострижения в монашество» поступил послушником в Троице-Сергиеву пустынь. Исправляет клиросное послушание, «превосходные способности», «читать и петь умеет отлично хорошо, знает простую и партесную ноту». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.18 об.-19.*

Серафим (в мире Семен Федоров). Род. в 1794 г., из мещан Петербурга. Пострижен в 1824 г. в Валаамском монастыре. В Троице-Сергиевой пустыни с 1834, иеромонах. «Умеет петь по простой ноте». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.6 об.-7.*

Свангел (в мире Петр Яковлев Карих). Род. в 1803 г., из мещан. В 1825 г. был определен в братство Козельской Введенской Оптиной пустыни. Пострижен в Курском архиерейском доме в 1834 г., в том же году рукоположен в иеродиакона и по своему желанию перешел в Троице-Сергиеву пустынь. Исполняет священнослужение и клиросное послушание. «Читать и писать хорошо, петь отлично хорошо умеет». «Весьма способен к крылосному послушанию». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.14 об.-15.*

Соколов Александр Дмитриевич. Находился в братстве Троице-Сергиевой пустыни, бас-баритон. Скончался 24 ноября 1869. *РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.67 об.*

Татаринов Иван Григорьев. Поступил из Галутвинского монастыря Московской епархии в Троице-Сергиеву пустынь послушником в 1747 г., когда ему было 16 лет. Стал старшим келейником архимандрита Игнатия. Обладал «тенором с замечательно обширным и необыкновенно-гармонично-звучным голосом». Учился пению у М. И. Глинки, «который выработал из этого даровитого юноши замечательного певца и композитора духовных песнопений в чисто православном духе». Отправился вместе с Игнатием Брянчаниновым в Николо-Бабаевский монастырь и стал впоследствии его настоятелем, архимандритом Иустином. РНБ, ф.1000, оп.2, д.531, л.125 об., 126, 147.

Токарев Николай Александров. Род. в 1810 г., купеческий сын из города Кириллова. Был первоначально в Кирилло-Белозерском монастыре. С 1835 — послушник Троице-Сергиевой пустыни. «Умеет читать и петь». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.20 об.-21.*

Тулинов Василий Егоров. Род. в 1803 г., из купеческих детей города Оскола. Послушник Троице-Сергиевой пустыни с 1834 г. Исправляет клиросное послушание. «Читать и петь умеет». *РГИА, ф.834, оп.4, д.882, л.18 об.-19.*

Червонецкий Василий Емельянович. «Рясофорный послушник и прекрасный бас праваго клироса Сергиевой пустыни из придворных певчих». Скончался 25 апреля 1878. *РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.80; д.840, л.61 об.*

Чихачев Михаил Васильев. Род. 3 апреля 1806 г., из дворян Псковской губернии. В службу вступил в Инженерный корпус в кондукторскую роту кондуктором 19 января 1823 г. Произведен в прапорщики 22 декабря 1825 г., переведен в учебный саперный батальон 26 декабря 1826 г. «Получил Высочайшее благоволение» за отличное усердие при обучении нижних чинов в 1828. В 1828 г. уволен от службы подпоручиком по домашним обстоятельствам. С 1834 г. находится в Троице-Сергиевой пустыни. Пострижен в монашество 20 декабря 1860 г., наречен Мисаилом. Принял схиму с именем Михаил 21 мая 1866 г. Прекрасный бас-октавист. «Схимонах, потрудившийся неизменно в клиросном послушании в Троице-Сергиевой пустыни 39 лет, а во всех обителях Плащанской, Оптиной, Новоезерской, Никондровской, Лапотовой и в Троице-Сергиевой пустыни 43 года». Скончался на 67 году от рождения 16 января 1873. *РГИА, ф.834, оп.4, д.631, л.46 об., л. 80 об. ; д.882, л.23 об. ЦГИА СПб, ф.1883, оп.1, д.104, 118.*

Литература: Исторический очерк. 1904; Антонов, Кобак. 1994; Собрание писем святителя Игнатия..., 1995; Чудинова 1997; Яковлев 1884.

Образ героя битвы на реке Сить святого великого князя Георгия в творчестве М. А. Балакирева¹²

Духовные образы пронизывают все творчество Балакирева, начиная с его первых композиторских опытов и кончая последним сочинением. «Andantino religioso» — указал юный Милий на рукописи одной из самых ранних версий «Grand concerto national russe par Balakireff» (начало 1850-х годов) (ОР РНБ, ф. 41 (М.А. Балакирев), оп. 1, ед. хр. 109). Незадолго до своей кончины в 1909 году мастер завершил вторую часть Es-dur'ного фортепианного концерта, построенную на теме его песнопения «Со святыми упокой»...

Поразительно, что уже юношей Балакирев определяет одно из важнейших направлений развития своего творчества, связанное с введением духовных образов в светские жанры. Таким ему видится путь обновления сформировавшихся в лоне западноевропейского искусства сонаты, концерта, симфонии, реквиема, создания их русских образцов. Поэтому на рукописи Мазурки, ставшей второй частью Сонаты (в версии 1855 года), восемнадцатилетний композитор вписывает: «Светлое воскресенье», «Ночь на Светлое воскресенье 26 марта», «Ночь Светлое воскресенье» (ОР РНБ, ф. 41 (М.А. Балакирев), оп. 1, ед. хр. 277, л. 34). А третью часть Сонаты автор снабжает подзаголовком: «Херувимы».

Быть может, для главы Новой русской школы, новатора, стремившегося к созданию музыки «невиданной, неслышанной» (В. В. Стасов), еще важнее другое. Введение духовных образов позволяло отразить движение современной жизни России в ее слиянии прошлого, настоящего и будущего, ощутить присутствие вечных ценностей в беге времени.

Композитор, сделавший не только фольклор, но и древнюю духовную традицию одной из фундаментальных основ своего искусства, с огромным интересом изучал ее. Свидетельство тому — уникальная библиотека Балакирева (согласно описи — 646 изданий: ОР РНБ, ф. 1141, оп. 1, ед. хр. 70. Опись книг, составленная Ю. С. Ляпуновым). Около четверти собранных здесь изданий и рукописей составили труды по вопросам церкви и религии. Среди них — Евангелия и Библии, описания монастырей, основополагающие издания о монашеской жизни, церковном управлении, преподавании Закона Божия, фундаментальные исследования Д.В. Разумовского, В. М. Металлова о церковной музыке и др. Широта воззрений, присущая Балакиреву, сказалась и в этой сфере. При этом его особенно интересовала литература о святых, которую он начал собирать еще в юности. Назовем хотя бы некоторые издания: «Жития святых» (10 книг. СПб., 1859); «Житие Св. Александра Свирского» (М., 1869); Сабинин М. «Полное описание святынь грузинской церкви». Ч. 1 (СПб., 1871); «Акафист Св. Александру Свирскому» (СПб., 1876); «Изображение икон Пресвятой Богородицы» (М., 1882); «Служба Сергию Радонежскому» (М., 1882); «Страдания Св. мучеников Антония, Иоанна и Евстафия» (Вильно, 1883); Филарет, арх. «Жития святых» (12 книг. СПб., 1885); Красов А. «Слово в день святителя и чудотворца Николая» (СПб., 1895); «Акафист преподобному Серафиму Саровскому» (СПб., 1904).

С образом святого Балакирев связал и два своих опуса: неоконченную Кантату для хора и симфонического оркестра и «Гимн Святому великому князю Георгию» для хора а cappella. Гимн — единственное законченное балакиревское сочинение, посвященное святому. Неудивительно, что им стал святой великий князь Георгий, герой битвы, судьба которого тесно связана с историей родного края Балакирева, овеянного легендами о таинственном озере Светлояр и чудесном граде Китеже.

Идея сочинить Кантату возникла у Балакирева в связи с заказом ему Гимна. Заказ последовал от председателя губернской архивной комиссии Нижнего Новгорода, краеведа, автора и редактора многих работ о Нижнем, А. С. Гациского, с которым композитора связывали давние дружеские отношения. Официальное письмо на бланке датировано 25 августа 1888 года: «Многоуважаемый Милий Алексеевич, — пишет Гациский. — В будущем году предполагается в Нижнем Новгороде чествование памяти основателя города великого князя Георгия Всеволодовича. Из прилагаемых при этом листов Вы увидите, что, между прочим, предполагается 4 марта 1889 года исполнение гимна великому князю. Есть предложение написать и текст и музыку здесь, на месте; но мне бы очень хотелось, чтобы музыка принадлежала Вам. Думаю, что и Вам было бы приятно, если бы 4 марта исполнили бы в родном Вашем Нижнем именно Ваш гимн. Если я не ошибаюсь, не откажите известить меня, к какому сроку должен быть доставлен Вам текст гимна, из скольких, приблизительно, строк он должен состоять и каким размером он должен быть написан» (Зайцева

¹² Работа выполнена при поддержке РГНФ. Исследовательский проект № 13–04–00043

Т. А., 2000. С. 103). Балакирев ответил спустя почти три недели. Ибо потребовалось время, чтобы обдумать предложение и выдвинуть свой проект. Им стал драматургический сценарий кантаты, изложенный в ответном письме Гацискому от 13 сентября: ««Многоуважаемый Александр Серафимович. Душевно благодарен Вам за Ваше лестное предложение быть участником проектируемого торжества в честь основателя Нижнего Новгорода Св[ятого] князя Георгия. — С удовольствием возьмусь за работу и прошу Вас только поскорее выслать стихотворение (строк 12 будет достаточно). — Желательно, чтобы наши нижегородцы посмотрели шире на это торжество, и если б была возможность рассчитывать на участие оркестра, который мог бы быть выписан из Москвы по примеру Смоленского торжества открытия памятника Глинке, — тогда вместо хорика а сарелла можно было бы написать кантату в роде ораторном. Сюжет очень благодарный и поэтический. Можно было бы начать с картины Волги, по которой плывут княжеские струги. Георгий князь спрашивает у своей дружины в виду Нижегородских гор: „Что это там белая береза шатается, мотается...“ Ему отвечают: „То белая береза шатается, мотается, а Мордва в белых балахонах своему богу молится“ и т. д. об основании Нижнего по народной песне. Затем борьба с татарами и мученическая кончина, и затем *прославление* в строго церковном стиле» (Зайцева Т. А. 2000. С. 103). Однако нижегородцы ограничились заказом Гимна а сарелла, который стал одной из лучших хоровых миниатюр Балакирева, открывшей череду светских гимнов в его творчестве (всего 6). Среди них этот поэтический хор стоит особняком. Он вобрал многое из программы кантаты, о которой шла речь в балакиревском письме. Драматичность сюжета обусловила господство минорной тональности, нечасто используемой в гимнических песнопениях. Введение *divisi* в моменты кульминаций усилило красочность звучания и динамичность развития произведения, строящегося по принципу хорового *crescendo*. При этом прославление дано в стиле гармонизаций знаменного распева, его свободной обработки.

В 1889 году Гимн стал составной частью роскошного празднества, длившегося со 2 по 5 марта. Балакирев на нем не присутствовал, но Гациский прислал ему газеты, где подробно освещались эти торжества и высоко оценивался балакиревский Гимн. Лишь спустя 15 лет композитор его издал (дата цензурного разрешения 31 августа 1904 года). На его титульном листе значится:

«Гимн в честь святого великого князя Владимирского Георгия Всеволодовича, основателя Нижнего Новгорода, сочиненный для смешанного хора без сопровождения по случаю семисотлетней годовщины его рождения (1189—1889). Слова Влад[имира] Лихачева. Музыка Милия Балакирева».

В том же 1904 году Римским-Корсаковым был сочинен «Китеж». И, кто знает, может, Нижегородские торжества, участие в них учителя сыграли свою роль в возникновении оперного замысла ученика? Безусловен тот факт, что «Китеж» с его духовными образами стал одной из вершин направления в искусстве, созданного Балакиревым.

Г.У.Лукина.

Творческие искания Сергея Танеева в парадигме богословских сентенций Сергия Радонежского и Епифания Премудрого

*Не подобает жития нечистивых писати,
не подобает жития святых мльчанию предати...
Епифаний Премудрый*

В поисках интонационного идеала русской музыки Танеев видел себя преемником дела, начатого Глинкой, и опирался, прежде всего, на жанры, наследующие вокально-хоровую традицию, в частности, традицию древнерусского певческого искусства. Самые ранние духовные сочинения были написаны на тексты 68-го, 74-го, 142-го псалмов, далее сочинены ирмос «В Церковь Небесную» и другие хоры на канонические тексты¹³. Н. Ю. Плотникова показывает, что в их стиле соединяются европейский контрапункт и русская подголосочность.

¹³ Песнопения Всенощного бдения и Литургии были изданы в сб. «Танеев С. И. Духовная музыка / сост. Н. Ю. Плотникова» (М., 1999) и записаны на CD в исполнении камерного хора Православного Свято-Тихоновского Богословского института под рук. Евг. Тугаринова.

Новые материалы, содержащие расшифровки знаменной нотации¹⁴, показывают, что композитор, прежде чем приступить к созданию переложений древних распевов, основательно ее изучал, постигая древнерусские напевы по первоисточникам. Если Е. Н. Трубецкой, о. С. Булгаков, Н. П. Кондаков, П. А. Флоренский посвящают свои философско-религиозные работы «целящей силе красоты» русской иконописи [Трубецкой Е. Н. 1998. 9, с. 369], то в творчестве Танеева открывается тот духовный смысл, которым было исполнено русское певческое искусство.

Размышления Танеева о будущем русской музыки, изложенные в эпистолярном творчестве, приводят его к идее некоего нового языка, стиля и жанра, где бы выразилось понимание им высших целей и задач искусства: *«Мне хочется взять в основание <...> кантаты древние мелодии нашей церкви и таким образом написать православную кантату»* (подчеркнуто С. И. Танеевым), *подобно тому, как существуют протестантские кантаты, основанные на протестантских хорах. Вообще наши церковные мелодии представляют собой материал совершенно нетронутый. С музыкальной стороны было бы в высшей степени интересно, чтобы эти мелодии вошли в сочинения русских музыкантов наравне с народными песнями. Применение церковных мелодий возможно или в музыке, написанной для одних голосов и предназначенной к исполнению в церкви, или же в духовной оратории для хора и оркестра. Ни того, ни другого у нас не сделано. Попытка в этом роде представляется для меня весьма заманчивой. Вот почему я не хочу <...> писать кантаты ни на открытие выставки, ни на юбилей Государя императора, а именно на открытие храма Спасителя»* (Из письма С. И. Танеева Я. П. Полонскому от 8 января 1881 г.) [Цит. по: Ганенко Н. С. 2004. 1, с. 294].

Идея православной кантаты, замысел которой был осуществлен им в партитурах «Иоанн Дамаскин» (на стихи А. К. Толстого) и «По прочтении псалма» (на стихи А. С. Хомякова), указывает на то, что Танеев, как и многие его современники — художники М. В. Нестеров, В. М. Васнецов, Н. Н. Ге, В. Г. Перов, поэты А. К. Толстой, Я. П. Полонский и др., — осознавал православие как духовную идею русского народа.

Задачи восстановления древнерусского пения, поиск самобытного национального стиля церковной музыки, систематическая работа по созданию переложений распевов, реализация в педагогической деятельности «программы» развития мелодического мышления у композиторов московской школы (плодами которой стало творчество танеевских учеников — С. В. Рахманинова, А. Т. Гречанинова, А. Д. Кастальского и др.), участие в событиях, происходивших в сфере православного хорового творчества, переписка с Чайковским в 1870–80-е годы, в которой обсуждались вопросы «понимания настоящих потребностей нашей церковной музыки»¹⁵ — всё указывает на безусловную включенность Танеева в процесс формирования так называемого «Нового направления» в русской духовной музыке рубежа XIX–XX веков.

Вполне вероятно, что в круг чтения композитора входили публикуемые в то время материалы по истории древнерусской литературы, Троице-Сергиевской лавры, рукописной традиции Древней Руси, Жития Сергия Радонежского творения Епифания Премудрого¹⁶. Особо следует отметить публикацию Леонида, архимандрита Оптиной пустыни, опубликовавшего в 1885 году песнопения Сергию Радонежскому по нотолинейной рукописи лаврского собрания.

Многие эпистолярные тексты Сергея Ивановича Танеева свидетельствуют о его работе над собственной эстетико-философской концепцией. Специального внимания заслуживают

¹⁴ Нами обнаружена нотная тетрадь Сергея Ивановича с расшифровками знаменного распева. См.: Танеев С. И. Нотная тетрадь с гласами. Глас 3. Глас 4. 8 лл. Архив ГДМЧ, фонд С. И. Танеева, В 1, папка 36, №515.

¹⁵ Из письма П. И. Чайковского С. И. Танееву от 5 августа 1881 г.

¹⁶ Иларион и Арсений, иромонахи. Описание рукописной библиотеки Свято-Троицкой лавры // ЧОИДР, 1878. Ч. 1, кн. 2; Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид // Памятники древней письменности и искусства, т. 58. СПб., 1885 (по списку Троиц. № 698); Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. Речь на собрании Московской Духовной Академии в память преп. Сергия // Впервые опубликовано: «Богословский вестник», 1892 г., XI; Случевский К. К. Государственное значение Святого Сергия и Троице-Сергиевой Лавры. М., 1892; Преподобный Сергий Радонежский. По поводу 500-летия со времени его блаженной кончины // Христианское чтение. 1892. № 9 – 10; Епифаний Премудрый. Слово похвально преподобному отцу нашему Сергию. Сътворено быс учеником его священноинокомъ Епифаниемъ // Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. С. 131-152.

рукописные наброски, обнаруженные в архиве ГДМЧ, о которых пока не упоминали исследователи [7]¹⁷. Предположительно, эти записи относятся к периоду 1895–1896 годов, именно в это время Толстой занимался разработкой концепции «Что такое искусство?» и делился своими мыслями в беседах с композитором. Это отражено в танеевских дневниковых записях 1895 года: *«После обеда продолжительный разговор с Л. Н. об искусстве.... Л. Н. сказал, что он желал бы такого определения искусства, которое провело бы границу между художественными и нехудожественными произведениями. Я сказал, что вряд ли можно требовать определения этой границы... Л. Н. сказал, что вопросы, касающиеся развития и истории искусства, не так его занимают, как вопросы об искусстве с точки зрения нравственной. ... [Цит. по: Танеев С. И. 6, с. 102].*

Стремление Танеева выстроить четкую логику обусловило построение этих записей по разделам: «Цель сочинения»; «Художественная и научная область»; «Процесс творчества»; «Художественное произведение». К записям прилагаются две схемы, обрамляющие текст: на первой странице схема имеет заголовок «Три эстетические теории», а на предпоследней представлена схема без заголовка, раскрывающая первую. Последняя страница с заголовком «Оценка художественных произведений» содержит эскизы незавершенных схем, в которых заметно стремление Танеева спроецировать намечающуюся эстетическую теорию на этапы истории музыки. Возможно, у С. И. Танеева был замысел учебного курса.

На первый взгляд записи композитора напоминают схематический конспект содержания сочинений Л. Н. Толстого, относящихся к периоду 1889–1896 годов, предвещающих появление в 1897 году трактата «Что такое искусство?»¹⁸.

Однако при внимательном сравнении текста Танеева с данными статьями Толстого оказывается, что перед нами «диалог» мыслителей.

Пункт 1 назван «Цель сочинения», и в нем представлены три уровня:

«истинное искусство, важное, хорошее; предмет важный, нужный, драгоценный для людей; нужное, важное, заслуживающее уважение»;

«искусство ничтожное, дурное; пустые занятия, ремесленные произведения, предметы безнравственные; не нужное, неважное, заслуживающее презрение, произведение развращающее»;

«не искусство (что не имеет права называться искусством)».

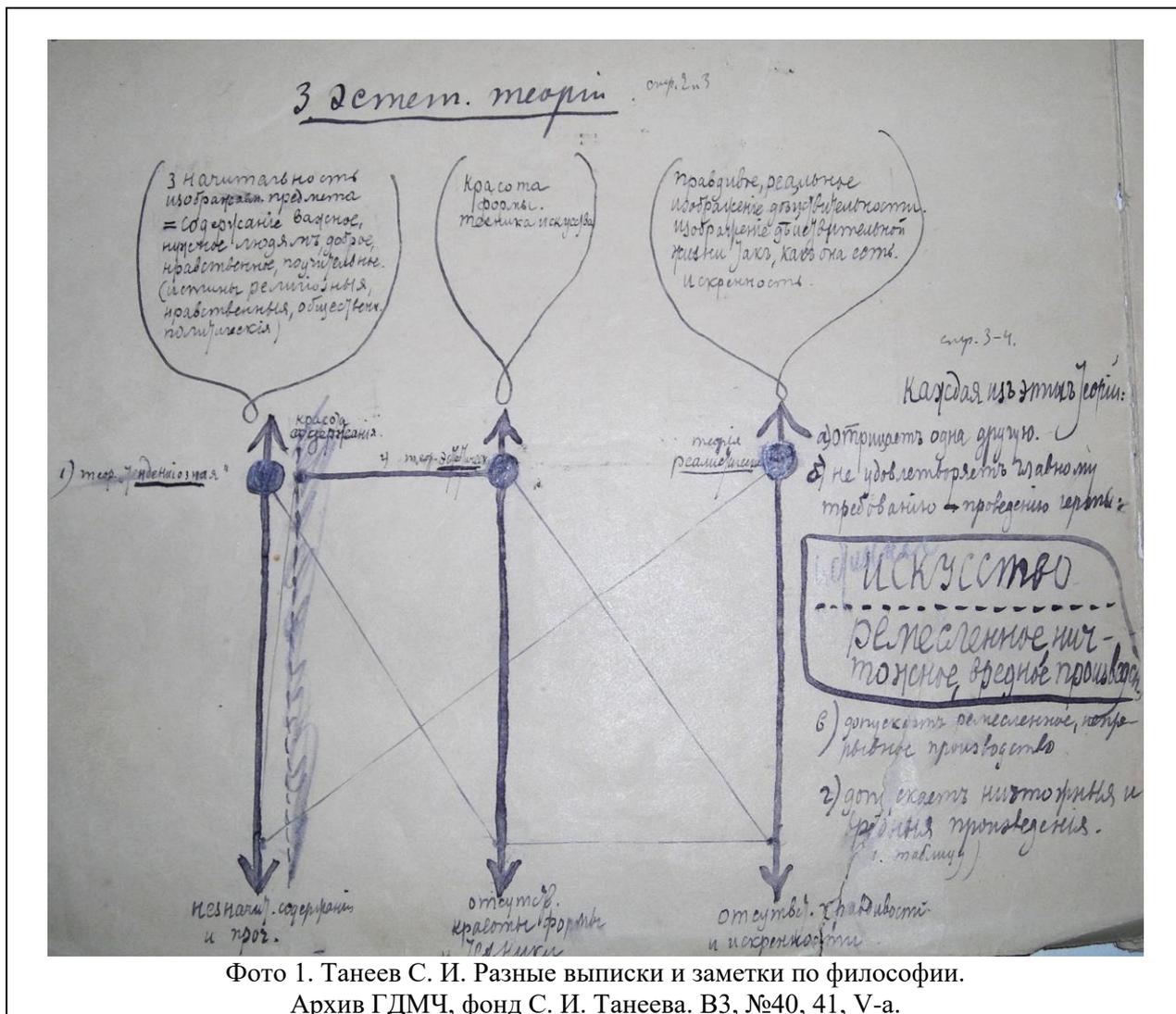
В отличие от Л. Н. Толстого, который утверждал, что искусство (в т.ч. музыка) есть «забава, состоящая в том, что человек, не делая усилий жизни, переживает различные душевные состояния, чувства, которыми заражает его искусство» [Толстой Л. Н., 8, с. 372], для Танеева *«значение и достоинство искусства — расширение кругозора людей, увеличение духовного богатства, капитала людей»* (подч. С. И. Танеевым; выделено мною. – Г. Л.).

Танеевский взгляд на сущность искусства во многом совпадает с эстетической концепцией Н. К. Метнера — «композитора, который, по мнению Л. Л. Сабанеева, более других мог бы считаться преемником Танеева в деле великого и совершенного мастерства» [Сабанеев Л. Л., 2003. 4, с. 33]. Метнер, как и Танеев, считал, что «истинное призвание музыки не развлекать, не рассеивать, а привлекать, собирать, гипнотически сосредоточивать чувства и мысли слушателя. ... Она наказывает жестокой скукой тех, кто, ища в ней лишь «праздной мысли раздраженья», рассеянно блуждает своей «праздной мыслью», своим слуховым оком мимо ее чела, мимо ее тем» [Метнер Н. К., 3, с. 138]. Отметим, что концепция Н. К. Метнера сложилась позже и, возможно, не без влияния танеевских идей.

Записи Танеева показывают его интерпретацию эстетических теорий, изложенных Толстым в трактате «Об искусстве». Так, в схеме, имеющей заголовок «Три эстетические теории», так же как и у Толстого, в качестве основных эстетических теорий обозначены «тенденциозная», «искусство ради искусства» и реализм.

¹⁷ Танеев С.И. Разные выписки и заметки по философии. Архив ГДМЧ, фонд С.И. Танеева, В 3, №40, №41, V-a (стр. 1–5).

¹⁸ Танеев в указанных записях не обращается к специфическим для статьи Толстого понятиям. В ГДМЧ хранится записная книжка с выписками из трактата «Что такое искусство?», где Танеев обращает внимание на суждения, «не принимающие» искусство.

В содержание этих теорий Танеев вносит дополнения, уточнения:

Название теорий / Интерпретация Теорий	Теория «тенденциозная»	Теория «искусство ради искусства»	Теория реализма
Л.Н. Толстой в статье «Об искусстве»	Достоинство по содержанию	Красота формы, техническое мастерство, старание	Задумчивость, правдивость, художник любит то, что он выражает
С.И. Танеев	Значительность изображаемого предмета = содержание важное, нужное людям, доброе, нравственное, поучительное (истины религиозные, нравственные, общественно-политические)	Красота формы, техника искусства	Правдивое, реальное изображение действительности. Изображение действительности жизни так, как она есть, искренность

Премудрого в описании им поступков и речений Сергия Радонежского. Уже в предисловии к Житию преподобного Сергия он решает тот же вопрос, который ставит Танеев, – о нравственности творчества, о божественной помощи в творчестве, о любви и сердце как о божественных критериях. Епифаний, ссылаясь на неких старцев, которых он вопрошал, дерзая приступить к описанию жизни Сергия, высказывает важнейшую сентенцию о нравственной направленности творчества — жития нечестивых нельзя писать, жития святых нельзя молчанию предати: «...обрѣтохъ нѣкыа старца премудры въ отвѣтѣхъ, разумны и разумны, и въпросихъ а о семъ, яко да препокоат мое желание, и рѣхъ има, аще достоинъ писатися. Они же отвѣщавше, рекоша: **“Яко же бо нехото и не подобает жития нечестивыхъ пытати и писати, сице не подобает жития святыхъ мужь оставляти, и не писати и млчанию предати, и в забытие положити. Аще бо мужа свята житие списано будет, то от того плъза велика есть и утѣшение вкупѣ писателем, сказателем, послушателем; аще ли же старца свята житие не писано будет, а самовидци и памятухи его аще будут преставилися, то каа потреба толикую и таковую плъзу в забытии положити, и акы глубинѣ млчанию предати. Аще не писано будет житие его, то по чему вѣдати не знавшим и не видавшим его, каковъ былъ, или откуда бѣ, како родися, и како възрасте, и како пострижесе, и како въздръжесе, и како поживе, и каковъ имѣ конецъ житию. Аще ли будет писано, и сие некто слышавъ, поревнует въслѣд жития его ходити и от сего примет плъзу”**».

Польза и любовь в христианском, епифаниевско-сергиевском понимании воссоединяются в представлении о сердце, связанном с Богом. В сердце воссоединяются все линии сакрального, эмоционального, душевного и духовного. В древнерусской книжности были распространены такие выражения, характеризующие бытие человеческое, как «тяжкосердие», «темные сердцем», «высокомудрые сердцем» и т.п. Через сердце Бог говорит с человеком. В житии Сергия его поступки, чувства и характер познания мира, описанные Епифанием, действительно сосредоточиваются в образе сердца, поскольку «Богъ бо есть сердцевидѣць, единъ съвѣдый сердечнаа, единъ свѣдый тайнаа, прозря будующаа яже о нем, яко имѣше въ сердци многы добродѣтели и любви рачение, и незазорно». При явлении Варфоломею чудесного инока, «...отрокъ же сътвори поклонение старцу и акы земля плодовитаа и доброплоднаа, сѣмена приемиши въ **сердци** си, стояше, радуяся душою и **сердцемъ**, яко сподобися такова свята старца обрѣсти». Родители – «...отець же его и мати, въземше от старца благословение и словеса его положиша на **сердци** своем».

И в преодолении «бѣсовскыа рати, видимыа и невидимыа брани» удавалось преподобному Сергию «нестрашьливу быти ему душою и **необязниву сердцемъ**». При конфликте с братией «преподобный Сергий **въстенавъ из глубины сердца**, и всю мысль, и упование възложивъ къ вседръжителю Богу, рече к нимъ въ смиренни душа: «Отци и братиа! Азъ супротивъ вамъ ничто же глаголю, воли Господни предавшися: **Тотъ бо въсть сердца и утробы**».

Размышляя о смысле и задачах литературного творчества, Епифаний ссылается на слова христианского мыслителя: «Пишетъ же и Великий Василіе: “Буди ревнитель право живущим, и сихъ житие и дѣланіе пиши на **сердци** своем”». И самъ заключает: «Виждь, яко велитъ жития святыхъ **писати не токмо на хартиахъ, но и на своемъ сердци плъзы ради**, а не скрывать и ни таити: тайна бо царева лѣпо есть таити, а дѣла Божіа проповѣдати добро есть и полезно».

Для Танеева, как для русского музыканта-мыслителя, познать «всемъ сердцемъ» — значит понять и почувствовать всецело, глубоко и лично. Поэтому в его эстетических записях особое место занимают размышления об «искренности». Мысль о столь важной нравственной стороне искусства для Танеева не была абстрактной. Все его творчество — от первого опуса «Иоанн Дамаскин» до последнего «По прочтении псалма» — пронизано идеей неумиряющей любви, возможной только в «сердце чище злата».

Для Танеева искусство — «духовная деятельность ..., что соединяет людей не насиліем, а любовью, что служитъ указанием на радость единения между собой». Здесь предстает основная идея иконы Троицы Андрея Рублева, созданной во славу Сергия Радонежского и во преодоление «ненавистной розни мира сего». Так воспринимаются строки, Заключительной сцены оперы Танеева «Орестея»: «...Пусть отныне и до века не раздор, не кровь за кровь, но уделомъ человека **будетъ кротость и любовь**».

Е. О. Миклухо

Сэр Джон Тавенер: «Я оказался в своем доме, и я остался в нем»

Древнерусская музыкальная культура – выражение духа народа – жива и сейчас, не только в канонической форме, в которой она существовала в Древней Руси, не только у старообрядцев, которые сохранили некоторые внешние ее черты; но жива идея, которая когда-то и сделала ее самобытной и отличной от византийского шаблона.

Эта идея воспринимается и воплощается отечественными и западными композиторами.

12 ноября 2013 года умер британский композитор сэр Джон Тавенер. Музыкальное творчество композитора является выражением его духовных исканий. Крестившись в возрасте 33 лет в русской православной церкви, Джон Тавенер до конца жизни оставался православным христианином. Композитора вдохновляли идеи православия и русская культура. Свой метод сочинения музыки он сравнивал с работой иконописца, а себя – с «сосудом, сквозь который проходит музыка». [20]

Предком сэра Джона Тавенера был сэр Джон Тавернер (ок. 1490—1545) – известный английский композитор и органист эпохи Возрождения. [29]

Первым значительным произведением композитора стала драматическая кантата «The Whale» («Кит»), созданная после окончания Лондонской Королевской Академии Музыки в 1966 году. Кантата для меццо сопрано, баса, громкоговорителя, детского хора, оркестра и магнитофона, была посвящена библейской истории о пророке Ионе, три дня пребывавшем в чреве Кита. Премьера кантаты в 1968 году, исполненная камерным оркестром «Лондонская симфонietta», была настоящей сенсацией в современной британской музыке. [25]

В 1990 году у Джона Тавенера диагностировали болезнь Марфана – генетическое заболевание, связанное с поражением сердца, опорно-двигательного аппарата и зрением. По словам исследователей творчества Джона Тавенера, он никогда не жаловался на свою болезнь и не упоминал ее. [17] Проблемы со здоровьем начались еще до этого, но именно в данный период композитор создает «Akathist of Thanksgiving» (1987) – «Благодарственный акафист» — произведение, в основу которого положено изречение богослова и учителя христианской церкви IV века Иоанна Златоуста: «Слава Богу за всё!», по преданию – Его последние слова. Текст акафиста создан митрополитом русской православной церкви Трифоном (Туркестановым) в 30-е годы XX века, во время террора и страшных гонений на церковь. [32] Вот небольшой фрагмент этого текста: *«Не страшны бури житейские тому, у кого в сердце сияет светильник Твоего огня. Кругом непогода и тьма, ужас и завывание ветра. А в душе у него тишина и свет: там Христос! И сердце поет: Аллилуйя!»*. [33] Акафист «Слава Богу за всё» — подлинный ответ русского православного общества в годы испытаний – переписывался многими заключенными в застенках лагерей и тюрем. [32] На английский язык русский текст акафиста был переведен настоятельницей православного монастыря Успения Пресвятой Богородицы (Normanby) Фёклой. В комментарии к своему произведению композитор напишет: «Я создал эту музыкальную икону во славу Господа в честь тысячелетия Русской Православной Церкви». [34]

Джон Тавенер был крещен в Русской Православной Церкви в Лондонском кафедральном соборе Успения Божией Матери и Всех Святых в 1977 году, где служил митрополит Сурожский Антоний (Блум), а хором руководил священник и регент Михаил Фортунато. [30] [31] Однажды Джон Тавенер случайно зашел в этот храм и обрел здесь то, чего не мог найти в западной церкви.

В 2006 году в интервью радио «Свобода» композитор расскажет об этом событии: «С детства я ощущал метафизический, духовный смысл реальности. Но так и не присоединился ни к одной из западных разновидностей христианства. Однажды я зашел в одну из русских православных церквей в Лондоне и почувствовал себя там, как дома. Все было необычайно просто: я оказался в своем доме, и я остался в нем. Я был рожден британцем, в моих жилах течет шотландская кровь. В религиозном отношении я был пресвитерианцем, а эта религия далека от православия. Самое удивительное для меня в этом моем поступке было то, что в нем не было ничего рационального, обдуманного. Существуют люди, возможно, избранные Богом (я не хочу себя к ним причислять), но в мире нет ничего случайного. Возможно, что тот факт, что я принял православие, необычайно важен, как и то, что моя музыка вдохновлена православием. С его помощью я могу трогать сердца англичан способом, о котором они не помышляли и с которым никогда не соприкасались». [20]

Композитора вдохновляла русская культура. В 1977 году, в год своего крещения, он пишет музыкальное произведение по повести Достоевского «Кроткая». На вопрос о тезисе Достоевского

«красота спасет мир» и о возможном противоречии между религией и эстетикой Джон Тавенер ответил: «Кажется, это митрополит московский Филарет заметил, что мир не столько создан Богом, сколько явился плодом Его любви. Все, созданное Богом, прекрасно. Когда Он создал мир, то, как об этом говорится в “Книге Бытия” — “увидел Бог, что это хорошо”. Но греческое слово, которое здесь переводится, как “хорошо”, означает “прекрасный”. Я думаю, что Достоевский, сказав о спасении мира красотой, также предполагал, что и Бог увидел, что это прекрасно. Мы же в качестве микрокосма или образа Бога обязаны продолжать дело небесного архитектора». [20]

Еще одна работа композитора, связанная с восприятием русской культуры, – «Реквием» для сопрано, баса и оркестра на слова одноименного произведения Анны Ахматовой, написанный в 1980 году. В этом произведении используется русский текст. [25]

В сфере причастности к традициям древнерусской культуры стоит упомянуть такие произведения Джона Тавенера, как «Шесть русских народных песен» (1978), «Благодарственный акафист» (1987), о котором рассказано выше, «Воскресение» (1989) и концерт «Покров Божией Матери» (1988) для виолончели и струнного оркестра.

Творчество Джона Тавенера признано и оценено в Британии и за ее пределами. [25]

В передаче радио «Орфей», посвященной композитору, Алексей Панов говорит о сути творческого пути композитора: «по-настоящему великих композиторов мы сегодня знаем не так много. Современные композиторы рассредоточиваются среди разного рода течений, в том числе и в интернете, где в каждой из групп существует своя величина. Тем не менее, в этом многообразии по-прежнему есть фигуры, которые выделяются не только своим отношением к искусству, но и уникальным человеческим кредо, жизненным подвигом и невероятной харизмой. Все это они транслируют в своем искусстве. Пожалуй, в этом высоком предназначении – идти своим неповторимым путем и открывать миру неведомые ему страницы – для подобных художников и заключается суть их творчества. Одним из таких людей был сэр Джон Тавенер».

О своем видении творческого процесса создания музыки, далеко от восприятия себя как «ретранслятора высших сфер», композитор говорил так: «Я назвал бы себя сосудом, сквозь который проходит музыка. Правда, я не стал бы употреблять слова “сферы”. Я бы сравнил свой метод сочинения с методом иконописца, пишущего икону. Когда я пишу музыку, передо мной всегда стоит икона Спасителя. С появлением музыки я чувствую, как что-то проходит сквозь меня. Трудно сказать, что это такое и откуда это исходит». [20]

Творчество Джона Тавенера — особенное явление в современной британской музыке. Оно посвящено духовному поиску и возрождению живых культурных традиций, утраченных, по мнению композитора, на Западе.

О влиянии русской православной культуры и древнерусского пения на свое мировоззрение и творчество Джон Тавенер сказал в интервью радио «Свобода»:

« — *Испытывали ли вы как композитор влияние русской культуры?* — Конечно, причем многих ее сторон. Прежде всего — это религиозное влияние. Затем я испытал огромное влияние древнерусского духовного пения — знаменного распева. Его создатели не имели представления о западной полифонии. Но когда Иван Грозный оказался во время войны в пределах Польши, он услышал западную полифоническую музыку и, вернувшись домой, описал ее звучание. И тогда русские монахи, писавшие в те времена музыку, не имея представления о правилах западного контрапункта, создали свою собственную самобытную версию этой музыки. Им удалось создать удивительно проникновенную духовную музыку. Если говорить о немзыкальных влияниях, то огромное значение для меня имело творчество великой русской поэтессы Анны Ахматовой. Я написал музыку на ее «Реквием». Впервые он был исполнен на Эдинбургском фестивале, а затем на Променадных концертах в Лондоне. Я использовал русский текст «Реквиема».

— *На мой взгляд, Стравинский так же оставил свой след в вашей музыке...* — Да, верно. Впервые я услышал его еще мальчиком на одной из премьер музыки Стравинского в Венеции. Тогда я еще не понимал, почему она так близка мне. Его музыка корнями уходит в русскую почву – достаточно послушать «Свадебку» или «Симфонию псалмов» или его позднюю работу — *Santicum sacrum*. Даже в «Персефоне» это заметно. А уж о его ранних его работах — «Весна священная» или «Петрушка» — и говорить не приходится. Все эти его сочинения корнями уходят в русский фольклор. Не думаю, что Стравинский был хорошо знаком с русским духовным пением. Но, тем не менее, его традиция присутствует в его музыке. И хотя у Стравинского репутация радикального композитора, лично я всегда думаю о нем как об одном из самых значительных традиционалистов XX столетия. Другой композитор, с которым меня связывает и духовная, и личная общность и которого я очень люблю, это — Аарво Пярт из Эстонии. Мне очень близка

простота его музыки и его потребность постоянно возвращаться к старой традиции, утраченной сейчас на Западе». [20]

В докладе предполагается проиллюстрировать черты стиля композитора в контексте его причастности к традициям древнерусской музыкальной культуры.

Литература: 1. Бражников 1979, с.7-61; 2. Бегунов 1962; 3. Ващенко, Сабенина. 1973.; 4. Владышевская 2006; 5. Галкина Н. И., Демьянов В. Г. 1969; 6. Гарднер 1998; 7. Демкова 1983; 8. Ключевский 1991; 9. Лихачев 1946; 10. Лихачев 1945; 11. Лихачев 1959; 12. Пожидаева 2007; 13. Рамазанова 2004; 14. Рушинский 1871; 15. Щербакова 2011; 16. Gardner 1961. S. 315-316. 17. Сэр Джон Тавенер: православный английский композитор; 18. Памяти Сера Джона Тавенера; 19. Композитор Джон Тавенер – британский певец православия; 20. Джон Тавенер: «Я испытал огромное влияние древнерусского духовного пения»; 21. Джон Тавенер. Православный рыцарь; 22. Личный сайт Джона Тавенера; 23. Elizabeth Seymour The essential JohnTavener. A guide. Book ©2013 by Music Sales Limited. 24. Seeking the Hidden Face. URL: <http://www.classical.net/music/comp.lst/acc/tavener.php> 25. Сайт: Русская Православная Церковь в Великобритании и Ирландии. Сурожская Епархия. Московский Патриархат.; 26. Балуева, 2012 ; 27 Сайт «Православный мир». Акафист «Слава Богу за всё».

О. С. Сотникова

Уроки преподобного Сергия и детское музыкальное образование (опыт педагога)

Некоторые эпизоды жития Сергия Радонежского заставляют задуматься и преподавателям музыкальных школ, помогая находить аналогии в процессе работы в классе фортепиано, особенно на первых этапах, когда детям нелегко бывает войти в этот прекрасный мир музыки. И стоит не заметить, что ребенок не все понимает, не со всем справляется, и «пережить» в эмоциональном, психологическом и информационном плане, и мы упустим ученика в его постепенном развитии, и ему будет все труднее и труднее осваивать музыкальную грамоту, как преподобному Сергию было нелегко освоить грамоту чтения.

Как-то случайно я услышала разговор, в котором речь шла о преподавателе, о его профессиональных качествах, которые нравятся родителям. Ценится не только высокий профессиональный уровень преподавателя, но и умение найти психологический подход к ученикам, заинтересовать, увлечь, привить навыки самостоятельных домашних занятий и, самое главное, – внушить любовь к музыке, показать ее красоту. «Не унижать, не повышать голоса, иначе ребенок потеряет интерес к музыке», — пишут родители. «Главное, чтобы ученик и учитель были на одной волне». В какой еще профессии предъявляются такие требования к человеку?

А каким должен быть преподаватель фортепиано? В своей практике я осознала, что каким бы качественным, наполненным ни был урок, результат во многом зависит от домашней работы. Ежедневной, но без мучений, развивающей творческие задатки учеников. Как важен тонкий психологический контакт с учеником, постановка общих целей и радостное достижение результатов.

Но опыт также показывает, что требовательность — качество просто необходимое в педагогике. А как же любовь? Вот это и составляет главную проблему. Совместить любовь и требовательность можно только любя. Но еще очень важная тема — это вера в способности своих учеников, умение разглядеть в каждом крупную божественную талант и развить этот талант, который таится в каждом ребенке. Приходится проявлять неистощимое терпение, примером которого, как и примером любви, является для нас преподобный Сергий.

Как часто приходится слышать объяснение ученика, что не успел подготовиться к уроку, не было времени позаниматься на фортепиано. Приходится опять терпеливо делать то, что уже прорабатывали на прошлом уроке.

Получается, что вера, надежда, любовь — христианские добродетели, которые лежат в основе работы преподавателя, помогающие осилить трудный процесс обучения. За годы преподавания у меня появилось внутреннее убеждение о предназначении преподавателя, который учит всех детей, не выбирая талантливых. Это настрой на духовное смирение в работе даже с трудными учениками.

Родители учеников ждут от преподавателя, что он «даст заряд, приведет в восторг ребенка музыкой и своим примером исполнителя, и тот захочет играть». И потому педагог должен

неустанно трудиться дома сам, чтобы всегда играть лучше ученика, и не только в младших классах. Своим примером действовал и Сергей, немногословный, шепнувший Дмитрию Донскому: «Ты победишь. Только не малодушествуй...»

На урок дети часто ходят с родителями. Особенно интересны православные многодетные семьи. У меня были случаи, когда на урок идут все дети – мама и двое, трое детей. Замечательные случаи приходится наблюдать, когда появляется малыш, который присутствовал на уроке, еще находясь в своей маме. Такие дети проявляют исключительный интерес к занятиям и ведут себя как завсегдатаи, а если их уносят в другую комнату, начинают громко протестовать и рваться туда, где идет урок. Возрастая, они проявляют и способности, и терпеливое отношение к занятиям. Один малыш, едва научившись ходить, брал за руку свою сестру и вел к фортепиано, показывая, что надо играть. А другой малыш свои первые шаги сделал к фортепиано. Усаживаясь за инструмент на колени к матери, с увлечением начинал извлекать своими маленькими ручками звуки. Такие дети заставляют вспомнить эпизод из жития Сергия, когда во время херувимской его мать стояла в храме, присутствующие были трепетно удивлены тем, как он трижды прокричал еще до рождения своего. Видимо, богослужение и Херувимская песнь уже были ему хорошо известны – так благочестива была его мать, Мария.

Еще одно рассуждение о гордости, которую ученик может испытывать, получив признание, к примеру, на конкурсе. Гордости, которая переходит в гордыню. Порой ученик, начиная гордиться собой, забывает о преподавателе, который своим трудом, здоровьем и талантом помог добиться результатов. Примеры Сергия являются помощью в том, как противиться гордым помыслам.

Занятия музыкой дают возможность полнее воспринимать жизненные впечатления, формируют позитивное мировоззрение, повышают внутренне достоинство человека. Воспитание музыканта проходит более результативно, если с учеником время от времени делиться своими мыслями о Сергии, рассказом о его словах и поступках.

В своей речи на 1000-летию крещения Руси митрополит Алексей II сказал слова, которые мне посчастливилось услышать и на которые я стремлюсь ориентироваться в своей работе с детьми, формируя в них «Ощущение жизни во всей ее полноте и достоинстве». Эта фраза – из речи Патриарха на праздновании 1000-летия Крещения Руси. Торжества проходили в Санкт-Петербурге (тогда Ленинграде) в течение трех дней. Первый день на конференцию собрались священнослужители со всего мира. У меня был билет только на концерт второго дня, в Мариинский театр. Но какая-то внутренняя сила привела меня к концертному залу, где проходила конференция. — У вас нет билета на конференцию, — сказал официальный человек, стоящий у входа. Я подумала: «Если Отцу небесному будет угодно, я пройду», — «У вас нет билета – проходите», – сказал этот важный человек. Я вошла в зал. В зале были только священнослужители и две женщины, тоже в одежде священнослужителей. Выступления приехавших со всего мира были очень интересны. Но выступление Алексея II мне показалось особенным. С высоты духовной он сказал о жизни в ее полноте и достоинстве.

Г. В. Алексева, Д. В. Гордеев, Н. С. Серегина.

Стражи блага. Преподобный Сергий в Приморье *Вместо послесловия*

Храмы – это пограничные стражи культуры. Так было всегда, когда Троицкий или Соловецкий монастыри были фортификационными объектами. Сейчас они внутри России, и мы воспринимаем их как объекты духовного бдения. Во Владивостоке пограничность миров ощущается въяве. Там храмы имеют фортификационное значение и в переносном, духовном, и в знаковом, зримом значении. Успенская церковь, Покровский собор высятся на старых фотографиях Владивостока на фоне тогда еще почти совсем лысой горы, с едва намеченными домами и строениями, как стражи России.

Успенский собор во Владивосток

Покровский собор в Владивостоке

Оба храма разрушены в 30-х годы XX века [см.: Анастасий, епископ. «Храмы города Владивостока»]

В 90-х годах началось восстановление утраченных святынь архитектуры форпостов России на Дальнем Востоке. Среди них – храмы святого преподобного Сергия Радонежского (г. Владивосток, ул. Пологая, 6; в районе дома №13 по ул. Черняховского и в селе Сергеевка Находкинской епархии).

13 июля 2014 года состоялась закладка храма в честь преподобного Сергия Радонежского на острове Пуятитина, адмирала, совершившего с важнейшей государственной миссией на прекрасном парусном фрегате «Паллада» кругосветное путешествие, увлекательно описанное И. А.Гончаровым.

Стражи блага во Владивостоке через Сергия Радонежского и Древнюю Русь встали при основании города.

Церковь Сергия Радонежского в селе Сергеевка Находкинской епархии

Выпускник Владимирской православной гимназии Осип Эмильевич Мандельштам незадолго до своей гибели от тифа во Владивостоке (27 декабря 1938 года) в пересыльном лагере Владперпункт говорил, что в России есть три столицы: Москва, Санкт-Петербург и Владивосток. Он чувствовал значение той духовной скрепы России, которую образуют эти города. В 1998 году во Владивостоке был открыт памятник Осипу Мандельштаму (автор Валерий Ненаживин). Позже был перенесен в сквер Владивостокского университета экономики и сервиса. Наследие Сергия Радонежского продолжает жить и на окраине России.

В стихотворении «Адмиралтейство» Мандельштам пишет о Петербурге, словно бы подразумевая и Владивосток:

Нам четырех стихий призрачно господство,
 Но создал пятую свободный человек.
 Не отрицает ли пространства превосходство
 Сей целомудренно построенный ковчег?

Сердито лепятся капризные медузы,
 Как плуги брошены, ржавеют якоря —
 И вот разорваны трех измерений узы
 И открываются всемирные моря!

Строки другого его стихотворения приложимы к Владивостоку наших дней, тем более, что здесь на кафедре искусствоведения Дальневосточного Университета изучают крюки, искусство Древней Руси и Византии¹⁹:

В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови видятся высокие, дугой.
И с укрепленного архангелами вала
Я город озираю на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.
Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поет черница:
Успенье нежное – Флоренция в Москве...

Так, соединением стихий, духовным подвигом стражей Блага во имя Сергия Радонежского в Петербурге и Владивостоке объемлется Россия.

Первый храм в честь преподобного Сергия Радонежского был построен в 1903 году [Иннокентий (Ерохин). 2012. С. 306]. Со слов местного краеведа Владимира Серафимовича Давыдова, храм был разрушен в 1929 году, восстановление утраченной святыни началось 1991–1992 гг.

Здание на ул. Пологой, 65, было построено в 1910 – 1912 годах для размещения церковной администрации. С 1923 года здесь размещались советские административные службы. В мае 1992 года усилиями Архиепископа Николая здание бывшей Духовной консистории было возвращено православной церкви, открыто Владивостокское духовное училище, на втором этаже которого расположился домовый храм в честь преподобного Сергия Радонежского. Первоначально храм Сергия Радонежского функционировал только как храм духовного училища, с 1999 года храм стал доступен всем верующим. В храме хранилась дальневосточная святыня — Порт-Артурская икона Божией Матери («Торжества Пресвятой Богородицы»), чудесное обретение которой состоялось в 2000 году. 8 ноября 2008 года икона Божией Матери была перенесена в Покровский кафедральный собор для постоянного пребывания.

«Торжества Пресвятой Богородицы» — это дальневосточная святыня, след которой был утерян еще до начала революции в 1917 году. Нашли ее случайно в 2000 году паломники, которые увидели икону в антикварном магазине Иерусалима. При содействии российских властей святыня была возвращена во Владивосток.

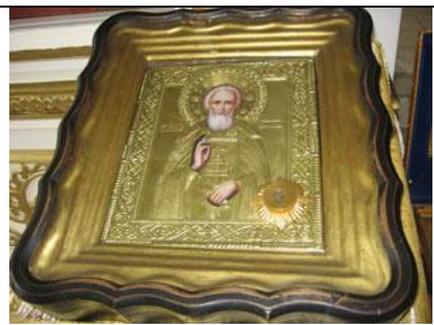
¹⁹ Примечание редактора: Г.В.Алексеева – ученица Е.В.Герцмана, известного специалиста по Византийской музыке, работавшего во Владивостоке (см: «Познавая историю музыки Прошлого: сб. статей в честь Евгения Владимировича Герцмана / отв. ред. Е.М.Алкон. Ред. коллегия д.иск.О.М.Шушкова, д.иск. Р.Л.Поспелова. Ред.-изд. совет ДВГАИ, Владивосток: Дальнаука, 2007. 283 с.) автор 6 монографий и более 150 статей о византийской и древнерусской музыкальной культуре, руководитель образовательных программ ДВФУ автор учебных курсов: «Искусство Византии», «Палеография», «Теория искусства», «Методология искусствоведения», «Введение в историю искусства», инициатор и организатор проведения международных конференций и изданий их материалов: «Новое видение культуры мира в XXI веке», «Культура Тихоокеанского побережья», «Византийский след в культуре и искусстве Тихоокеанского побережья» в пространстве полилога Китай-Корея-США-Австралия-Россия (2000, 2003, 2005, 2007, 2010, 2012 гг.

В храме Успения Пресвятой Богородицы г. Владивостока (ул. Светланская, 65) хранится святыня икона прп. Сергия Радонежского с частицей мощей.

Частица мощей была передана в дар из Троице-Сергиевой Лавры. В настоящее время икона с мощевиком в виде звезды находится на аналое возле левого клироса

[<http://vladivostok.eparhia.ru/eparhia/churches/?ID=5230>]

- 17.11.2014.

Благодаря этому дару владивостокцы и гости города могут приложиться к частице святого преподобного Сергия, обратиться в молитвах и мыслях в святому, видя его воочию на дальних рубежах нашего отечества.

Богоматерь с Младенцем с предстоящими преподобными Серафимом Саровским и Сергием Радонежским.

Храм Казанской иконы Божией Матери

(ул. Верхнепортовая, 74)

Фото Д.Гордеева.

В храме Казанской иконы Божией Матери (ул. Верхнепортовая, 74) слева от иконостаса в нише изображена Богоматерь с Младенцем Иисусом Христом на престоле и предстоящими слева (от молящегося) преподобный Серафим Саровский, а справа преподобный Сергий Радонежский.

Над иконой помещено изображение Пресвятой Троицы. Исполнитель росписи — Юрий Николаевич Захаров, из Москвы, принимавший участие в работах по росписи храма Христа Спасителя, скита в Оптиной пустыни и многих храмов Москвы и Подмосковья. Его пригласил в 2007 году протоиерей Ростислав (Мороз). Глядя на триптих, можно видеть, что православные Приморского края осознают себя подражателями подвигов прп. Сергия Радонежского и Серафима Саровского, продолжателями православных традиций России.

ЛИТЕРАТУРА (Сост. Н. Серегина)

- Gardner J.* Die altrussischen Neumenhandschriften in den Bibliotheken von Belgien und England // Die Welt der Slaven. Jg. VI. Hft3. Wiesbaden, 1961. S. 315-316.
- Parfentjev N. P.* About Activity of Feodor Krest'janin – the Master of Musical-Written Art of XVI – the Beginning XVII Centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2009. – V.2 (3). – P.402–413.
- Parfentjev N. P.* Reflection of the main directions didaskal Feodor Krest'ianin's creative activity in monuments of writing XVI–XVII centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. V.10. P.1423–1432.
- Rothe H.* Theologische Terminologie und rhetorische Formeln in liturgischen Hymnen der Kiever Rus' // Liturgische Hymnen nach byzantinischem Ritus bei den Slaven in ältester Zeit. / Patristica slavica. Von H. Rothe. Band 15. Padenborn, München, Wien, Zürich, 2005. s. 274-276.
- III Региональные рождественские образовательные чтения «Преподобный Сергий. Русь. Наследие, современность, будущее» // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 4 (14). С. 148–149.
- Авдюшева Е. А.* Истоки и традиции русской иконописи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5-2 (43). С. 13–15.
- Аверинцев С. С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство и художественная культура домонгольской Руси. М.: Наука, 1972. С. 25–49.
- Аверинцев С. С.* «Тихое и чудное житие» // Родина. 1992. № 5. С. 7–11, 36–48.
- Аверьянов К. А.* Где был митрополит Киприан в 1380 году? // Вопросы истории. 2008. № 2. С. 150–154.
- Аверьянов К. А.* Когда произошла Куликовская битва? // Труды Института российской истории РАН. 2004. № 4. С. 20–39.
- Аверьянов К. А.* Когда родился Сергий Радонежский? // История и культура Ростовской земли. 2003.
- Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский: личность и эпоха / М., 2008.
- Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский и Ростовская земля // История и культура Ростовской земли, 2002.
- Аверьянов К. А.* Сергий Радонежский. Личность и эпоха. М., 2006.
- Аверьянов К. А.* Хронология редакций жития Сергия Радонежского // Славянский альманах. 2011. Т. 2010. С. 36-45.
- Агроценко О.* «Раскаленный убор православия». Преподобный Сергий Радонежский и тема святости в живописи Михаила Нестерова // Родина. 2014. № 5. С. 98–103.
- Азбелев С. Н.* О связи московских и новгородских летописей в XIV и XV столетиях // Проблемы филологии: язык и литература. 2010. № 4. С. 89–104.
- Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т.1. С. 385.
- Алексеев В. В.* Свет Андроникова монастыря. М., 2003.
- Алексеев Ю. Г.* «К Москве хотим»: Закат боярской республики в Новгороде. Л.: Лениздат, 1991.
- Алехина Л. И.* Слово о житии преподобного Афанасия Высоцкого // Вестник церковной истории. 2009. № 3-4. С. 15–38.
- Амелина Е. М.* Общественный идеал в России и его основные черты // Соловьевские исследования. 2012. № 4 (36). С. 22–37.
- Аминова Г. У.* Идея соборности в хоровом и симфоническом творчестве С. И. Танеева. Красноярск, 2004.
- Аминова Г. У.* Отечественные истоки творчества С. И. Танеева. Красноярск, 2006.
- Амфилохий (Радович), митр.* Синаиты и их влияние на духовную жизнь Сербии XIV века // Основы православного воспитания. Пермь, 2000.
- Анастасий, епископ.* Храмы города Владивостока. Доклад, читанный на секции истории географических знаний Приморского филиала Географического общества 27 февраля 1988 года. // d-m-vestnik.livejournal.com>321855.html
- Андреева И. С. Климаков О. С.* Опыт безмолвия: человек в мирозерцании византийских исихастов. СПб.: Алетей, 2001. (Византийская библиотека: исследования) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. 2002. № 1. С. 160–166.
- Андрей Рублев и его эпоха. Сб. ст. под ред. М. В. Алпатов. М., 1971.
- Андроник, игумен (Трубачев).* Закрытие Троице-Сергиевой Лавры и судьба мощей Преподобного Сергия в 1918–1946 гг. М., 2008.
- Андрушко В. А.* Как читали сочинения Дионисия исихасты и их противники / Отечественная общественная мысль эпохи средневековья (Историко-философские очерки): Сб. научн. трудов. Киев, 1988. С. 214–221.

- Антология педагогической мысли Древней Руси и русского государства XIV–XVII вв. Сост. С. Ф. Егоров, Л. Н. Пушкарёв, Я. Н. Шапов, Д. С. Лихачёв, Г. М. Прохоров. Академия педагогических наук СССР. Педагогика, 1985.
- Антонов В. В., Кобак А. В. Святые Санкт-Петербурга: Ист.-церков. энцикл. СПб., 1994. Т. 1.
- Антонов Д. И., Майзульс М. Р. Демоны и грешники в древнерусской иконографии: семиотика образа. М., 2011.
- Антонов К. М. Аскетизм в науке (Белов В. Н. Аскетика в русской духовной традиции. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. 239 с.) // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 2. № 1. С. 21.
- Арзаманов Ф. Г. Заветы С. Танеева / Ф. Г. Арзаманов // Сов. музыка. 1956. №11. С. 29–35.
- Аринина А. Р., Джиджора Е. В. Поэтика агиографических сочинений Епифания Премудрого // Медієвістика. Одеса: Астропринт, 2006. Вип. 4. С. 185–349 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2009. № 1. С. 86–91.
- Артасов И. А. Работа с заданиями, предполагающими атрибуцию исторического источника // Преподавание истории в школе. 2007. № 9. С. 69–74.
- Артемов А. Р. Русь в XIII веке: древности темного времени / Под ред. Н. А. Макарова, А. В. Чернецова. М., 2003 // Российская археология. 2005. № 2. С. 172–174.
- Асонов Н. В. Становление и реализация ведущих политических доктрин Московской Руси // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 2. С. 259–268.
- Свято-Сергиевское Подворье в Париже. К 75-летию со дня основания. Антология // Н. Осоргин, Михаил Осоргин, Митрополит Евлогий (Георгиевский), Л. Зандер, Сергей Маковский, Г. Дейша, Борис Зайцев. Алетей, 1999.
- Бажуков В. И. Формирование ценностных основ воинской деятельности в Древней Руси // Вопросы культурологии. 2011. № 2. С. 9–15.
- Балашов Гр. М. Пунктирные линии. СПб., 2005.
- Балашов Д. М. «Исполать тебе, Россия...» // Север, №№11–12, 2012. С.78–79.
- Балашов Д. М. Младший сын. Петрозаводск: Карелия, 1989.
- Балашов Д. М. Отречение. Петрозаводск, 1990.
- Балашов Д. М. Похвала Сергию. Книга первая, вторая. М.: АРМАДА ЦЕНТР+. 1999.
- Балашов Д. М. Похвала Сергию. М.: Астрель, 2005.
- Балашов Д. М. Похвала Сергию. М.-СПб., 1992.
- Балашов Д. М. Святая Русь. Книга первая, вторая, третья. М.: «Астрель», «АСТ», 2001.
- Балашов Д. М. Похвала Сергию. М.: Роман-газета, 1993.
- Баловнев Д. «Лучший враг» Дмитрия Донского // Родина. 2006. № 12. С. 65–67.
- Балуева Н. В. Регент: судьба и служение. Протоиерей Михаил Фортунато. Под научной редакцией Н. Г. Денисова. М.: Языки славянской культуры, 2012.
- Бахревский В. А. От Маковца до Сторожи. Повесть о преподобных Савве Сторожевском и его учителе Сергии Радонежском. М., 2008.
- Башнин Н. В., Черкасова М. С. Новая книга о преподобном Сергии Радонежском и Троице-Сергиевском монастыре // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2. С. 367–379.
- Бегунов Ю. К. Обзор собрания древнерусских рукописных книг города Риги // Археогр. ежегодник за 1961 год. М., 1962. С. 174–179. В приложении (с. 178–179): «Краткое описание древнерусских рукописных книг Фундаментальной библиотеки Академии наук Латвийской ССР».
- Белов В. Н. Аскетика в русской духовной традиции [Рукопись]. По: Аскетика в русской духовной традиции [Текст] / В.Н. Белов; науч. ред. Иулиания (Самсонова); Саратов. гос. ун-т. им. Н. Г. Чернышевского. — Саратов: Изд-во СГУ, 2011. // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2013. Т. 2. № 1. С. 20.
- Белова Е. Г. Преподобный Сергий Радонежский, игумен земли Русской. Учеб. пособие по дисциплине "Роль Русской Православной Церкви в истории России" для студентов всех специальностей ун-та. Моск. гос. ун-т путей сообщ. (МИИТ), Каф. "Теология". М., 2005.
- Благословение преподобного Сергия. Повествование о храме Рождества Пресвятой Богородицы в Старом Симонове и святых иноках Александре и Андрее Радонежских / авт.-сост.: И. С. Захаров, В. Мешков. М., 2005.
- Бобров А. Г., Прохоров Г. М., Семячко С. А. Имитация науки. О книге Б. М. Клосса «Избранные труды. Том 1. Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты» (М.: Языки русской культуры, 1998. 564 с.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 53. Ред.: Олег Викторович Творогов; Изд.: СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 425.
- Богоявленская Н. М., Козлов В. Ф.: Сергий Радонежский. // Московская энциклопедия: Шмидт С. О., Козлов В. Ф., Кривошеина Г. Г., Митрофанов Н. Н., Михайлов С. В., Михайлов-Длугопольский Е. В., Никольский С. Л., Петроковский А. И., Уваров С. А., Шокарев С. Ю. Главный редактор С. О. Шмидт. М., 2012. С. 244–245.
- Борисов Н. С. И свеча бы не угасла... Исторический портрет Сергия Радонежского. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Борисов Н. С. Византийский финал // Родина. 2014. № 5. С. 33–41.
- Борисов Н. С. Иван Калита. М.: Изд-во «Молодая гвардия». Серия «Жизнь замечательных людей». М., 2005.
- Борисов Н. С. Сергий Радонежский / Изд. 4-е. М.: Мол. гвардия, 2009.
- Борисов Н. С. Сергий Радонежский. М., 2003.
- Борисов Н. С. Сергий Радонежский. М., 2004.

- Борисов Н. С. Сергей Радонежский. М., 2006.
- Борисов Н., Смирнов А., Борисёнок Ю. Эпоха преподобного Сергия // Родина. 2014. № 5. С. 4–8.
- Борусяк Л. Ф. Проект «Имя Россия» как новый учебник истории // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 5. С. 58–66.
- Бражников М. В. Лица и фиты знаменного распева. Л.: Музыка, 1984.
- Бражников М. В. Многоголосие знаменных партитур // Проблемы истории и теории древнерусской музыки. Л.: Музыка, 1979.
- Брюсова В. Г. Андрей Рублев. М.: Изобразительное искусство, 1995.
- Брюсова В. Г. Ответ оппонентам // Вопросы истории, 1970, № 11. С. 202–203.
- Бугаева Т. Стражи блага. Часовни во имя Святого Сергия в жизни и творчестве Н.К. Рериха. // Журнал Восток: № 11 (235), Ноябрь, 2013.
- Булычев А. А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87–121.
- Бычков Д. М. Символика света в романах Д. М. Балашова о Сергии Радонежском // Архетипы, мифологемы, символы в художественной картине мира писателя // Материалы международной заочной научной конференции. Федеральное агентство по образованию, Астраханский государственный университет; гл. ред. Г. Г. Исаев. Астрахань, 2010. С. 227–231.
- Бычков Д. М. Система стилизованных признаков агиографической традиции в романе Д. М. Балашова «Похвала Сергию» // Гуманитарные исследования. 2011. № 3. С. 124–133.
- Бычков Д. М. Художественное воплощение «общения святых» в романе А. Трапезникова «Похождения проклятых» // Вопросы лингвистики и литературоведения. 2009. № 4. С. 32–40.
- Валицкая А. П. Новая школа России: культуротворческая модель. СПб., Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.
- Василик В. В. Жизнь и творчество св. Романа Сладкопевца // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2000. 128–145.
- Васильева О. Ю. Образ новомучеников в истории России // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2008. № 3–4(44–45). С. 21–88.
- Васиховская Н. С. Феодосий Печерский и Сергей Радонежский – отцы-основатели «истинного монашества» на Руси // Вестник Удмуртского университета. 2011. № 5-3. С. 75–79.
- Васнецов В. М. Сергей Радонежский, 1882 [Изоматериал]: икона / В.М. Васнецов // Лазуко А. К. Виктор Михайлович Васнецов / А. К. Лазуко. Л.: Художник РСФСР, 1990. С. 55.
- Вахтова Т. М. Валентин Распутин // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь: в 3 томах. Том 3. П - Я. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2005. С. 164–169.
- Ващенко Т. Ф., Сабенина А. М. Публикация и описания русских рукописей за рубежом с 1966 по 1970 гг. (Библиографический обзор) // Восточнославянские языки. Источники для их изучения. М., 1973.
- Верещагин Е. М. К истолкованию имени Епифания Премудрого в связи с истоками стиля «плетения словес» // Известия АН СССР. Литература и языковедение. 1993. Т. 52. № 2. С. 64–76.
- Веселов Ф. Н. К вопросу атрибуции миниатюр Лондонского списка Сказания о Мамаевом побоище // Rossica Antiqua. 2012. № 2 (6). С. 167–188.
- Вздорнов Г. И. Искусство книги Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков. М., 1980.
- Виноградов М. А. Кривская уния и заключение «вечного мира» между Москвой и Рязанью (1385 Г.): взаимосвязь исторических событий // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2013. № 20. С. 249–254.
- Вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–186.
- Владимир (Котляров В. С.). Обитель северной столицы: Свято-Троицкая Сергиева пустынь: Ист. очерк. СПб., 2002.
- Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. М.: Знак, 2006.
- Возбранный России Воевода: сборник. / Сост. А. Светозарский. М., 1994.
- Воскресенская А. Проект памятника преподобному Сергию Радонежскому в Москве // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2013. № 4 (73). С. 80–81.
- Галкина Н. И., Демьянов В. Г. Публикации и описания рукописей за рубежом с 1961 по 1965 гг.: библиографический обзор // Изучение русского языка и источниковедение. М.: Наука, 1969. С. 202–210.
- Ганенко Н. С. С. И. Танеев о духовной музыке (по его переписке с Я.П. Полонским) // Древнерусские песнопения. Пути во времени: по мат. конф. «Бражниковские чтения — 2002». СПб., 2004. С. 292–299.
- Гарднер И. А. Богослужбное пение русской православной церкви: Сущность. Система. История. Сергиев Посад: Моск. дух. акад., 1998. Т. 1, 2.
- Генченко М. В. Традиции Свято-Троицкой Сергиевой лавры: «мелодическое» и «гармоническое» пение. Автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 2007.
- Гжибовская О. В. Жития святых в Российской историографии XIX - начала XX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4-3. С. 37–39.

- Глазунов И. Сергей Радонежский, 1990 [Изоматериал]: холст, масло / И. Глазунов // Новиков В. С. Илья Глазунов. Русский гений. М.: Эксмо, 2005.
- Голенищева-Кутузова В. Православные реликвии из часовни святого Сергия в Америке // Журнал «Вестник Ариаварты». Главный редактор: Владимир Росов. Редакционный совет: Даниил Энтин (США), Аида Тульская (США), Ольга Румянцева (Россия), Юрий Родичев (Россия), Дмитрий Попов (Россия), Антон Голубев А. В., Кудюкина М. М. Православные ценности и идеалы труда в российском обществе // Аграрная Россия. 2008. № 2. С. 52–58.
- Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 297–298
- Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Жизнеописание преподобного Сергия и путеводитель по Лавре. Изд. 3, доп. Сергиев Посад, 2007.
- Голубинский Е. Е. Преподобный Сергей Радонежский и созданная им Троицкая Лавра. Сергиев Посад, 1892; 2-е изд. М., 1909.
- Горбунова М. С. Лексические разночтения в «Житии Сергия Радонежского» (на материале списков XV и XVI веков) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 75–77.
- Горский А. А. «Всего еси исполнена земля Русская ...»: личность и ментальность русского средневековья // Очерки / М., 2001. Сер. Studia historica.
- Горский А. А. От земель к великим княжениям: «Примыслы» русских князей второй половины XIII–XV в. // М.: изд-во МГУ. 2010.
- Граблина Н. В. Духовный свет идеалов Древней Руси. «Сказание о Мамаевом побоище». VII–VIII классы // Литература в школе. 2008. № 8. С. 35–39.
- Грановский В. В. Теургическая номинология П. А. Флоренского // Философское образование. 2007. № 17. С. 14–32.
- Григорьев А. Г. Творчество Ф. М. Достоевского и древнерусская мистико-аскетическая традиция: Феодосий Печерский, Сергей Радонежский, Нил Сорский. Дис. ... канд. филол. наук / Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. М., 2009.
- Грихин В. А. Творчество Епифаний Премудрого и его место в древнерусской культуре конца XIV–начала XV в.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
- Громова А. В. Образ преподобного Сергия Радонежского в творчестве Б. К. Зайцева и М. В. Нестерова // Искусство и образование. 2012. № 1. С. 6.
- Гуляницкая Н. С. «Россия – воспрями!» (музыка С. Трубочева) // Музыкальная академия. 1999. №3. С. 76–83.
- Гуляницкая Н. С. Поэтика музыкальной композиции. Теоретические аспекты русской духовной музыки XX века. М., 2002.
- Гусакова В. Иконография святого преподобного Сергия Радонежского в контексте духовно-нравственной культуры rossiiruskline.ru...ikonografiya...sergiya_radonezhskogo_v...
- Гусейнова З. М. Теория фитного пения в конце XVI века // Opera musicologica №3 [13], 2012. С. 4–14.
- Давиденко Д. Г. Митрополичьи наместники в XIV–XV вв. // Религии мира. История и современность. 2012. Т. 2010. С. 246–279.
- Даниил, игумен (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского. М., 2010. Сер. «Исследования русской цивилизации».
- Данилевский И. Как Сергей Радонежский стал героем Куликовской битвы // Родина. 2014. № 5. С. 11–15.
- Дариус Е. И. Цесюлевич Леопольд Романович // ЭРА: Электронные ресурсы Алтая: Краеведческий портал Алтайской краевой университетской научной библиотеки им. В. Я. Шишкова. URL: www.altlib.ru/427 (Дата обращения: 13.08.2014).
- Деменко Т. Стражи блага. Часовни во имя Святого Сергия в жизни и творчестве Н. К. Рериха // Журнал Восход: Издание Сибирского Рериховского Общества. № 11 (235), 2013. С. 8–16.
- Демкова Н. С. Древнерусские рукописи в некоторых собраниях ФРГ // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 380–381.
- Денисов Н. Г. Интервью: Архим. Матфей (Мормыль). «На чужом основании никогда ничего не строил». Троице-Сергиева Лавра. 22 июня 1998 года // Музыкальная академия. 1999. № 1. С. 11–21.
- Джон Тавенер. Православный рыцарь. URL: <http://lib.mcim.ru/nauchnieraботы/muzyka-postizheniya/32-dzhontavener-pravoslavnyj-rycar/>
- Джурицкий А. Н. Идеи зарубежного образования в истории российской педагогики // Известия Российской академии образования. 2011. № 2. С. 39–49.
- Дивногорцева С. Ю. Историко-теоретический анализ православной педагогической культуры в России. Дис. ... докт. пед. наук / ГОУВПО «Московский педагогический государственный университет». М., 2012.
- Дивногорцева С. Ю. Православная педагогическая культура русских монастырей // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 7–11.
- Дидковская В. Епифаний Премудрый // Родина. 2014. № 5. С. 75–76.
- Дмитриева Р. П. Иоасаф Скрипицын // Словарь книжников и книжности Древней Руси Вып. 2 (вторая половина XIV – XVI вв.). Ч. 1: А–К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. С. 409.
- Долгополов И. В. Мастера и шедевры: В 3 т. Т.2. М.: Изобраз. искусство, 1987. С. 611–638.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1846. Т.1. С.218–219.

- Дорофеева К. В.* Житие преподобного Авраамия Галичского // Вестник церковной истории. 2011. № 1-2. С. 5–55.
- Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI — Первая треть XVII века) . Калининград, 2013.
- Дроздова О.* Столетия связующая нить // Журнал Убрус. Церковное шитье. История и современность. Вып. 1. Декабрь 2003. С. 3–10.
- Дурьлин С. Н.* Нестеров в жизни и творчестве / Подгот. текста и подбор илл. В. Ф. Тейдер, В. Н. Тороповой. Изд.3, перераб. и доп. М.: Молодая гвардия, 2004.
- Духанина А. В.* Особый тип нормы употребления перфекта в некоторых памятниках церковнославянского языка XIV — начала XV в. // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2007. № 2. С. 71–79.
- Духанина А. В.* Житие и почитание Сергия Радонежского // Родина. 2014. № 5. С. 69–71.
- Духанина А. В.* К вопросу об атрибуции пространной редакции Жития Сергия Радонежского: лингвистические данные // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 3. С. 1.
- Духанина А. В.* Особенности употребления перфекта в сочинениях Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 2. С. 73–84.
- Духанина А. В.* История создания похвального слова Сергию Радонежскому в свете лингвистических данных // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 1 (35). С. 67–74.
- Евстратова Е. Н.* Сергей Радонежский и его эпоха в шедеврах Третьяковской галереи // Преподавание истории в школе. 2004. № 8. С. 2–9.
- Егоров В. Б.* Загадка Куликова поля или битва, которой не было М., 2011.
- Егоров С. Ф., Пушкирев Л. Н., Шапов Я. Н., Лихачев Д. С., Прохоров Г.М.* Антология педагогической мысли Древней Руси и русского государства. XIV – XVII вв. М.: Педагогика, 1986.
- Езова Л. Д.* Свято-Сергиевское подворье в Париже // Россия и современный мир. 2002. № 4. С. 217–226.
- Епифаний Премудрый, прп. Творения [Электрон ный ресурс]. – Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/80405/>
- Епифаний Премудрый. Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы древней Руси. XIV – середина XV века / Сост. и общ. ред. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. – М.: Худож. лит, 1981. С. 256–429.
- Епифаний Премудрый. Слово похвально преподобному отцу нашему Сергию. Сътворено быс учеником его священноинокомъ Епифаниемъ // Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. С. 131–152.
- Ермаков А.* Сергей Радонежский, преподобный всея Руси. Православие.Ру, 17 июля 2001 г. <http://www.pravoslavie.ru/put/print1442.htm>
- Ермолов А.С.* Всенародный месяцеслов. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. – СПб., 1901. Т. 1.
- Ефимова И. В.* Источниковедение древнерусского церковно-певческого искусства. Красноярск, 1999.
- Ефимова И. В.* Концепция жанра в древнерусском певческом искусстве (опыт истолкования) // Художественные жанры: История. Теория. Трактовка. Красноярск, 1996. С. 160–171.
- Ефимова И. В.* Логос и мелос в знаменном распеве. Красноярск, 2008.
- Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего игумена, Радонежского чудотворца и чудеса по его кончине. М., 2008.
- Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия Игумена Радонежского и всея России чудотворца. М., 2007.
- Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. М., 2012.
- Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского. / Сост. Архимандрит Никон. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1904.
- Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского . Сергиев Посад, 2010. Изд.5.
- Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского чудотворца, преподобного схимонаха Кирилла и преподобной схимонахини Марии / Киев, 2010. Сер. Великие святые православной церкви.
- Житие и чудеса преподобного Сергия Радонежского чудотворца, преподобного схимонаха Кирилла и преподобной схимонахини Марии / М., 2009.
- Житие и чудеса Преподобного Сергия Радонежского. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009.
- Житие Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего, игумена Сергия Чюдотворца. списано бысть от Прѣмудрѣйшаго Епифанна (Подготовка текста Д. М. Буланина) // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 6: XIV – середина XV века.
- Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия-чудотворца и похвальное ему слово, написанные учеником его Епифанием Премудрым в XV веке. Сообщил архимандрит Леонид // Памятники древней письменности и искусства, т. 58. СПб., 1885 (по списку Троиц. № 698).
- Житие Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергия Радонежскаго и всея России Чудотворца. Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1853 г.
- Житие преподобного и богоносного отца нашего, игумена Сергия чюдотворца. Списано бысть от Премудрейшаго Епифанна (Пространная редакция жития) // ПЛДР: XIV середина XV века. – М., 1981. С. 256 – 428.

- Житие преподобного Сергия Радонежского. Екатеринбург, 2003.
- Житие преподобного Сергия Радонежского. Сретенский монастырь. М., 2009. Сер. Жития святых. Изд.2.
- Житие Сергия Радонежского // Подг. текста и комм. Д. М. Буланина / Пер. на соврем. рус. яз. М. Ф. Антоновой и Д. М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси XIV – сер. XV в. М., 1981.
- Житие, чудеса и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, и всея России чудотворца. Никон, архиепископ (Рождественский). М., 2008.
- Житие, чудеса и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, и всея России чудотворца. Никон, архиепископ (Рождественский). Никон, архиепископ (Рождественский). М., 2009. Сер. Великие святые России.
- Житие, чудеса и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского, и всея России чудотворца. М., 2011. Сер. Великие святые России.
- Жития Русских Святых / Сост. мон. Таисия. – СПб.: ПСТГУ, 2005.
- Журавель А. К вопросу о так называемых полных датах «Сказания о Мамаевом побоище» // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. Т. 2. Тула, 2002. <http://www.hrono.ru/statii/2003/kulikovo.html>
- Зайцев Б. К. Преподобный Сергей Радонежский // Б. К. Зайцев. Осенний свет. М., 1990. С. 474 – 520. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/read/123078/>
- Зайцев Б. Преп. Сергей Радонежский // Жизнь и житие преп. Сергия Радонежского. М., 1992. С. 180–240.
- Зайцев Б. Преподобный Сергей Радонежский: повесть // Зайцев Б. Осенний свет / Б. Зайцев. М.: Советский писатель, 1990. С. 474–52
- Зайцева Т. А. Сокровища России: Духовная музыка М. А. Балакирева. М.: Музыка. 2013. 400 с.
- Зайцева Т. А. М. А. Балакирев: Истоки. СПб., 2000. 436 с.
- Зайцева Т. А. По страницам книг из библиотеки М. А. Балакирева // Келдышевский сборник. М., 1999. С. 113–124.
- Звучащее сердце России. Книга для развития учащихся / [Сост.: И. А. Кузьмин, М. А. Сергеева, Н. А. Костромина]; под общ. ред. И. А. Кузьмина. М., 2011. Сер. Библиотека Технологической Школы Бизнеса.
- Зернов Н. М. Сергей Радонежский – устроитель Руси. СПб., 2010.
- Игнатий (Мальшев), архим. Жития святых земли Российской: Летопись истории Отечества X–XX вв. СПб.: Покровский Дар, 2004.
- Из истории русской церкви для внебогослужебных собеседований. Сборник статей / М., 2008. Том Друзья и собеседники преподобного Сергия Радонежского.
- Иконография [Сергия Радонежского] сост. И. М. Горелова // Советская библиография. 1992. № 1. С. 43–45. Иконы; Описание икон без иллюстраций; Миниатюры; Живопись.
- Иларий, иером. и Арсений, иером. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. I // ЧОИДР, 1878.
- Иларион (Алфеев), еп. Священная Тайна Церкви: Введение в историю и проблематику имяславских споров / Еп. Иларион (Алфеев). СПб.: Алетейя, 2002. 653 с.
- Иннокентий (Ерохин), еп. Русская Православная Церковь в Уссурийском крае: Очерки по истории Владивостокской епархии (вторая половина 19 в. – 1917). М.: Изд-во ПСТГУ, 2012.
- Иоаким (Заякин). Сила князя Олега Рязанского // Режим доступа: <http://www.blagovesti.ru/arhiv/2012/n1.files/sila.htm>. 3.09.2014.
- Иоанн (Кологривов), иером. Очерки по истории Русской святости. Брюссель, 1961. С. 85–109.
- Исторический очерк первоклассной Троицко-Сергиевской Приморской пустыни... 2-е изд. СПб., 1904.
- История образования на Руси. Девятыне юношеские Балашовские Чтения. Сборник материалов. Сост. М. В. Белая, С. А. Воробьева, О. Н. Балашова. Великий Новгород, 2011.
- Исупов К. Франциск из Ассизи в памяти русской литературно-философской культуры // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 60–89.
- Йовчева М. Новые тенденции в развитии болгарской переводной и оригинальной гимнографии в XIV в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 4. С. 36–43.
- Кабаченко А. П., Климов Е. В. Теократические тенденции в Древней Руси XI—XV вв. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2008. № 6. С. 34–44.
- Казанцева И. А. Традиции духовного реализма в прозе В. Н. Крупина // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. № 1. С. 150–154.
- Казин А. Л. Русские чудеса. История и судьба. СПб., 2010.
- Казин А. Л. Великая Россия. Религия, Культура. Политика. СПб., 2007.
- Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. – СПб., 1877.
- Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевы Лавры, радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1855.
- Катченкова И., Никольская Т. Дмитрий Балашов: Россия, до востребования... СПб.: Лема, 2011.
- Кащеев С. И. Онтологическое понимание свободы: философско-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3 (92). С. 28–30.
- Квливидзе Н. Сергей Радонежский // Юный художник. 1993. № 10. С. 30–35.

- Кириллин В. М.* Епифаний Премудрый как агиограф преподобного Сергия Радонежского: проблема авторства // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 7. Ч. 2. М., 1994. С. 264–277.
- Кириллин В. М.* О таинственном содержании «Сказания о Мамаевом побоище» в русской средневековой культуре // Вестник славянских культур. 2008. Т. IX. № 1-2. С. 121.
- Климаков О. С.* Опыт безмолвия: человек в мирозерцании византийских исихастов. СПб.: Алетея, 2001. (Византийская библиотека: исследования) Петров А. Е. Византийский исихазм и традиции русского православия в XIV столетии // Древняя Русь: Пересечение традиций. М., 1997.
- Клосс Б. М.* Житие Сергия Радонежского. Рукописная традиция. Жизнь и чудеса. Тексты / Б. М. Клосс. Избранные труды. Том I. М.: Языки русской культуры, 1998. 568 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://predanie.ru/lib/book/read/141629/>
- Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980.
- Ключевский В. О.* Значение преп. Сергия для русского народа и государства // Житие и жизнь преп. Сергия. М., 1992.
- Ключевский В. О.* Значение преподобного Сергия для русского народа и государства. Речь на собрании Московской Духовной Академии в память преп. Сергия // Впервые опубликовано: "Богословский вестник", 1892 г., XI.
- Ключевский В. О.* Сказания иностранцев о Московском государстве. М.: Прометей, 1991.
- Ключевский В. О.* Сочинения. В 9 т. М.: Мысль, 1988.
- Книга о чудесах пр. Сергия : творение Симона Азарыина / сообщил [и снабдил предисл.] С. Ф. Платонов. Москва, 2008.
- Князев Е. А.* Депривация в воспитании: эволюционный аспект // Педагогический журнал Башкортостана. 2012. № 1. С. 51–58.
- Коваленко Н. Д., Серебрякова Л. А.* Духовная тема в творчестве С. И. Танеева и ее воплощение в кантате «По прочтении псалма». Екатеринбург, 2007.
- Комарова А. Н.* Русская духовная музыка как умозрение в звуках. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2008.
- Кондрашкова Л. В.* Раннее русское строчное многоголосие. Т. 1, 2. М., 2013.
- Концевич И. М.* Стяжание Духа Святаго в Путиях Древней Руси. М.: Лепта, 2002.
- Конявская Е. Л.* К вопросу об авторском самосознании Епифания Премудрого // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 1. С. 70.
- Конявская Е. Л.* Суд над тверским епископом Евфимием и поставление на епископскую кафедру Арсения // Средневековая Русь. 2007. № 7. С. 317–338.
- Коротких Д. А.* Стихиарь Логина Шишелова // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы II Международной конференции, 4–6 октября 2000 г. / Ред. Т. Н. Манушина. Сергиев Посад, 2002. С. 411–423.
- Косоруков А. К.* Строитель вечного пути России Сергей Радонежский. М., 2004.
- Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2005. С. 126, 128, 130.
- Кочеров С. Н., Семиконов Д. В.* «Иосифляне» и «нестяжатели»: два лика святой Руси // Религиоведение. 2007. № 2. С. 21–30.
- Кручинина А. Н., Рамазанова Н. В.* Светильник многосветный русской земли (к 700-летию преподобного Сергия Радонежского). Бражниковские чтения – 2014. Преподобный Сергей Радонежский и судьбы древнерусской певческой традиции. К 700 –летию преподобного Сергия Радонежского. 8–11 апреля СПб., 2014. С. 6 – 13.
- Крючков Т. О.* Преподобный Сергей Радонежский и его окружение Исторический очерк. М., 2012.
- Кузина А. Н.* Православная Россия в творчестве В. Г. Распутина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 2. С. 167–173.
- Кузнецова Г. М., Любомудров А. М.* Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2003 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. 2004. № 4. С. 177–183.
- Кузьмин А.* Судьба прижизненная и посмертная // Родина. 2014. № 5. С. 77–81.
- Кунавин Б. В.* Роль православия и старославянского языка в духовно-нравственном становлении личности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени Коста Левановича Хетагурова. 2012. № 4. С. 125–128.
- Кусков В. В.* «Благодатный воспитатель русского народного духа» // Советская библиография. 1992. № 1. С. 40–43.
- Кутукова Е. С.* Духовные связи преподобного Александра Ошевенского // Святые и святые Обонежья: Материалы Всероссийской научной конференции «Водлозерские чтения — 2013», посвященной 380-летию со дня преставления святого преподобного Диодора Юрьегорского, основателя Троицкого монастыря в Водлозерье. Отв. ред. А. В. Пигин. Петрозаводск, 2013. С. 84–91.
- Кучкин В.* «Не зело близ града Ростова» // Родина. 2014. № 5. С. 29–32.
- Кучкин В. А.* Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 1 (11). С. 114–115.
- Кучкин В. А.* О роли Сергия Радонежского в подготовке Куликовской битвы // Вопросы научного атеизма. Вып. 37 / [отв. ред. В. И. Гараджа]. М.: Мысль, 1988. С. 100–116.

- Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 75–92.
- Кучкин В. А. Сергей Радонежский и борьба за митрополичью кафедру Всея Руси в 70-80-е годы XIV в. // Культура славян и Русь / Сост. Т. В. Князевская. М.: Наука, 1999. С. 353
- Кучкин В. А. Сергей Радонежский и единство церкви // Русская история. 2012. № 3. С. 54–59.
- Кучкин В. Свидание перед походом на Дон или на Вожу?: [роль и значение Сергея Радонежского в подготовке победы в Куликовской битве] // Наука и религия. 1987. № 7. С. 50–53.
- Кыштымова И. М. Интеграция методов обучения и психокоррекция на занятиях со школьниками: культурно-исторический контекст // Интеграция образования. 2007. № 1. С. 15–23.
- Кыштымова И. М. Тема святости в повести Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Русская словесность. 2007. № 4. С. 24–28.
- Лебедева С. Н. Проблема национального характера в литературе русского зарубежья первой волны (на материале кн. Б. Зайцева «Преподоб. Сергей Радонежский») : монография / С. Н. Лебедева; М-во образования и науки Рос. Федерации. Волж. ун-т им. В. Н. Татищева. Тольятти, 2005.
- Левина Т. В. Абстракция и икона: метафизический реализм в русском искусстве. // Артикульт. 2011. № 1. С. 141–187.
- Липилина Е. Ю. Изучение «Жития Сергея Радонежского» в отечественном литературоведении 90-х годов XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Т. 152. № 2. С. 47–52.
- Лифшиц А. Л. О датировке Стихиаря из Троице-Сергиевой лавры (РГБ. ф. 304.1. № 22) // Хризограф. [Вып. 1]. Сборник статей в честь 75-летия Г. З. Быковой. М., 2003. С. 96–101.
- Лихачев Д. С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.: Л., 1962.
- Лихачев Д. С. Культура Руси эпохи образования русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). М.: Гос. изд-во полит. лит. 1946.
- Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: очерки из области русской литературы XI — XVII вв. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1945.
- Лихачев Д. С. Новгород Великий: очерк истории культуры Новгорода XI–VII вв. М.: Сов. Россия, 1959.
- Личный сайт Джона Тавенера: <http://easyweb.easynet.co.uk/~snc/tavener.htm>
- Ложкина Н. А. Роль основателя Троице-Сергиевского монастыря Сергея Радонежского как духовного посредника в диалоге культур Древней Руси и Византии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. Т. 14. № 37. С. 107–113.
- Лосева О. В. Русские месяцесловы XI — XIV вв. М.: Памятники исторической мысли, 2001.
- Лошиц Ю. На полях жития прп. Сергея Радонежского // Сергей Радонежский: Сборник / Сост. Десятников В. А. М.: Патриот, 1991. С. 462.
- Лукашевич А. Мелодические формулы путевого распева. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. М., 2013.
- Любомудров А. М. Вечное в настоящем. М.: Молодая гвардия, 1990.
- Любомудров А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003.
- Любомудров А. М. Исступленность и любовь // В кн.: Коняев Н. М. Дмитрий Балашов. На плахе. М.: Алгоритм, 2008.
- Любомудров А. М. Образ православного монашества в русской классике // Валаамский монастырь: духовные традиции, история, культура. Материалы Второй международной научной конференции. 29 сентября — 1 октября 2003 года. СПб., 2004.
- Любомудров А. М. Преподобный Сергей Радонежский, великославный российский чудотворец. М., 2003.
- Майзульс М. Р. «Демоном сокрушниче»: Архангел Михаил как экзорцист в культуре средневековой Руси // Россия XXI. 2009. № 5. С. 122–157.
- Макарий, архим. (Веретенников). Из истории русской иерархии. М.: Изд. Московское Подворье Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 2006.
- Малето Е. И. Дипломатия удельной Руси: Историографические заметки современного исследователя // Проблемы российской истории. 2009. № 9. С. 6–13.
- Малыгина М. А. Репертуар стихир Минейного стихиря XII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка, 2010–2011: Сб. статей. М., 2011. С. 336–404.
- Малыгина М. А. Языковые особенности и состав Минейного стихиря. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Мапельман В. М. «Гуманная педагогика» и гуманизм // НВ: Педагогика и просвещение. 2012. № 2. С. 126–154.
- Маркелов Г. В. Сергей Радонежский // Святые Древней Руси: материалы по иконографии (прориси и переводы, иконописные подлинники). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 213–216.
- Маточкин Е. П. Образ преподобного Сергея Радонежского в русском искусстве. Самара, 2006.
- Матфей (Мормыль), архим. Литургические традиции Троице-Сергиевой Лавры // Богословские труды Московской патриархии. Сб. 29. МП., 1989. С. 193–199. <http://www.btrudy.ru/archive/archive.html>
- Матфей Кудрявцев, диак. История Православного монашества / Диак. Матфей Кудрявцев. М.: Крутицкое Патриаршее Подворье, 1999.
- Маясова Н. А. Методика исследования памятников древнерусского лицевого шитья // Журнал Убрус. Церковное шитье. История и современность. Вып. 1. Декабрь 2003. С. 11–26.

- Маясова Н. А. Образ преподобного Сергия Радонежского в древнерусском шитье (К вопросу об иконографии) // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XV вв. СПб., 1998.
- Медушевский В. В. Духовный анализ музыки: уч. пособие. М., 2011. 428 с. (На правах рукописи).
- Медушевский В. В. Интонационная форма музыки / В. В. Медушевский. М., 1993. 262 с.
- Медушевский В. В. О сущности музыки и задаче музыковедения // Методологическая функция христианского мировоззрения в музыковедении. М.–Уфа, 2007. С. 15–50.
- Мезенцева Ю. И. Православный сюжет в творчестве русских художников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 5. С. 77–82.
- Мейендорф И. Ф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии восточной Европы в XIV в. // ТОДРЛ. Т.29. Вопросы истории русской средневековой литературы. Л., 1974. С.291–305.
- Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика / Прот. И. Мейендорф. М.: Институт ДИ-ДИК, 2000.
- Мельник А. Г. «Велико утешение душам нашим приемлем и от сего зело пользуемся... » // Родина. 2014. № 5. С. 72–74.
- Мельник А. Г. К вопросу о времени существования Григорьевского затвора в Ростове Великом. В кн.: Уваровские чтения. Тезисы докладов. Муром, 1990; б/а Григорьевский затвор – место памяти прп. Сергия Радонежского // sergiy.rostmuseum.ru/zatvor.html
- Мельник А. Г. К истории почитания Сергия Радонежского в XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы VI международной конференции. Сергиев Посад: Ремарко, 2012. С. 23–31.
- Мельник А. Г. Московский великий князь Василий III и культы русских святых // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. 1. № 4. С. 7–12.
- Мельник А. Г. Почитание св. Сергия Радонежского в Ростовской земле XVI — XVII вв. Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: материалы V международной конференции. Сергиев Посад: Ремарко, 2009. С. 7–14.
- Мельник А. Г. Пядничные иконы XVI – начала XVII в. Русских святых // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2. С. 77–88.
- Мельник А. Г. Пядничные иконы русских святых XVI – начала XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 3. С. 74–75.
- Мельник А. Г. Самые популярные русские святые в XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 83–84.
- Метнер Н. К. Муза и мода (защита основ музыкального искусства). Париж, 1978. 156 с.
- Мецеракова Л. Я. Куликовская битва в житийной литературе, входящей в круг детского чтения // Православная педагогика и православная культура: история, традиции и современность. 2007. № 1. С. 52–53.
- Мильков В. Наставник русской земли // Родина. 2014. № 5. С. 42–46.
- Минья август. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 3.
- Минья июль. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2002. Ч. 1.
- Минья сентябрь. – М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 924 с.
- Миссиология: Учебное пособие. Белгород: Изд-во Белгородской Православной семинарии, 2009. 464 с.
- Морозова Л. Покровитель рода государей московских // Родина. 2014. № 5. С. 82–85.
- Надь Э. Поэтика фигуры повтора в агиографическом изображении человека XIV—XV веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языковедение. 2003. № 3. С. 6–14.
- Назаренко А., Антоненко С. Залог чаемого единства // Родина. 2014. № 5. С. 20–21.
- Наумов Д. А. Исихастская мистическая традиция в восточно-христианской богословской мысли // Вестник Челябинского государственного университета. 2004. Т. 10. № 1. С. 55–63.
- Нижников С. А. Неопатристический синтез и философия всеединства в творчестве Г. В. Флоровского // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Философия». 2010. № 1. С. 33–44.
- Нижников С. А. Святоотеческая традиция в творчестве Ф. М. Достоевского // Философское образование. 2009. № 20. С. 14–29.
- Никифорова М. Е. Преподобный Сергей Радонежский и его традиция в русской истории XIV — первой половины XVI вв. Рус. исихазм и его место в процессе становления централизованного государства в России XIV–XVI вв. М., 2004.
- Никольская Т. К. Православие в творчестве Д. М. Балашова // Линтула. Сборник научных статей. Вып.5. СПб.: Береста, 2012. С.139–144.
- Никон (Рождественский), архим. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского / Архим. Никон (Рождественский). М.: Сретенский монастырь; Новая книга; Ковчег, 1998. 432 с.
- Никон Рождественский, архиепископ. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского (полный вариант названия «Житие, чудеса и подвиги преподобного и Богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца»), Трифонов Печенгский монастырь, «Ковчег», М., 2003.
- Обитель преподобного Сергия: каталог выставки / Сост. и науч. ред. Е. М. Юхименко; вступ. ст. Ю. А. Грибова, Д. В. Долгополовой, А. А. Петрова, Е. М. Юхименко; аннотации Ю. А. Грибова, Е. И. Серебряковой, Э. В. Шульгиной и др. М.: ГИМ, 2014.
- Ольховая О. А. Строительство часовни Сергия Радонежского в Новосибирске // Журнал Восход : Издание

- Сибирского Рериховского Общества. № 1 (225), 2013. С. 6–11.
- Островок преподобного Сергия посреди парижского моря. Беседа с протоиереем Николаем Озолиным, инспектором Свято-Сергиевского богословского института. С протоиереем Николаем Озолиным беседовала Александра Никифорова 8 октября 2009 года // pravoslavie.ru Гость сайта 32208.htm
- Открытие выставок «Имя Святое – Сергий» и «Земной Ангел и Небесный Человек» // Объединенный сайт Сибирского Рериховского Общества. URL: nsk.sibro.ru/news/46375 (Дата обращения: 11.08.2014).
- Очерки по истории русской святости / Сост. иером. Иоанн (Кологривов) – Сиракузы: Истина, 1991.
- Памяти сэра Джона Тавенера. URL: <http://www.muzcentrum.ru/orfeus/programs/issue4818/>
- Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981.
- Парфентьев Н. П. Из истории профессиональных хоров в России (XVI–XVII вв.) // Русская хоровая музыка XVI–XVII вв.): сб. трудов / ГМПИ им. Гнесиных. М., 1986. Вып.83. С.100–117.
- Парфентьев Н. П. Музыкально-гимнографическое творчество царя Ивана Грозного // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 51–59.
- Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. «Преславный певец» и распевщик Логин Шишелов (ум. 1624), его произведения и их исследование методом структурно-формульного анализа (на примере стихир в честь св. Николая) // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: Дни славянской письменности и культуры, 24–25 мая 2006 г.: Сборник материалов Третьей Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции / Южно-Уральский государственный университет; науч. ред. Н. П. Парфентьев. Челябинск, 2006. С. 15–32.
- Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. О деятельности мастеров Троице-Сергиевского монастыря в области древнерусского музыкального искусства (на примере творчества Логина Шишелова) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. Т. 1. №1. С.92–103.
- Парфентьев Н. П., Парфентьева Н. В. Освоение репертуара мастерами певческой школы Федора Крестьянина на рубеже XVI–XVII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». Челябинск: ЮУрГУ, 2012. Вып.19. С.83–90.
- Парфентьева Н. В. О творческих принципах мастеров Московской и Усольской школ в древнерусском певческом искусстве // Культура и искусство в памятниках и исследованиях... Вып. 3. С. 29–50.
- Парфентьева Н. В. Творчество мастеров древнерусского певческого искусства XVI–XVII вв. (На примере произведений выдающихся распевщиков). Челябинск, 1997.
- Парфентьев Н. В., Парфентьев Н. П. Стихиры «на подобен» царя Ивана Грозного в честь святителя Петра, митрополита всея Руси // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2014. Т. 14. № 1. С. 60–73.
- Пархоменко Т. А. Культура без цензуры: Культура России от Рюрика до наших дней. М.: Книжный Клуб Книговек, 2010. С. 117–118.
- Первое послание Ивана Грозного князю Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979.
- Перевезенцев С. В. Две ипостаси лидерской одаренности человека – лидеры власти и лидеры совести // Ученые записки Альметьевского государственного нефтяного института. 2012. Т. 10. № 2. С. 111–119.
- Перевезенцев С. В. Свято-Никольский Угрешский ставропигиальный мужской монастырь // История. Современность. Будущее / М., 2006. (2-е изд., перераб. и доп.).
- Песнопения преподобному Сергию игумену Радонежскому чудотворцу. Расшифровка Швеца Т. В. // Бражниковские чтения – 2014. Преподобный Сергий Радонежский и судьбы древнерусской певческой традиции. К 700 –летию преподобного Сергия Радонежского. 8–11 апреля СПб., 2014. С. 14 – 21.
- Петр (Пиголь), игум. Преподобный Григорий Синаит и его духовные преемники. М., 1999.
- Петров А. П. Память о Куликовской битве как образ российских трансформаций // В мире науки. 2011. № 7. С. 76–87.
- Петров А., Борисёнок Ю., Экиштут С. «Свой Сергий Радонежский есть в каждой эпохе русской истории...» // Родина. 2014. № 5. С. 2–3.
- Петрушко В. И. История Русской Церкви (с древнейших времен до установления патриаршества). М.: ПСТГУ, 2010.
- Плакида (Дезей), архим. «Добротолюбие» и православная духовность / Архим. Плакида (Дезей). М.: ПСТГУ, 2006. 382 с.
- Плотникова С. Печальник земли русской // Родина. 2014. № 5. С. 50–53.
- Плотникова Н. Ю. Певческие центры России XVIII века // Вестн. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та. V. Музыкальное искусство христианского мира. 2008. Вып. 1 (3). С. 31–43.
- Повести о Куликовской битве. М., 1959.
- Повесть Временных Лет. СПб.: Азбука-классика, 1997. С. 87–89. Перевод Д. С. Лихачева.
- Подольская И. А. Православная церковь и татаро-монгольское иго: основные проблемы взаимоотношений // Экономика и политика. 2014. № 1 (2). С. 194–199.
- Пожидаева Г. А. Избранные стихиры из службы преподобному Сергию Радонежскому. М., 1992.
- Пожидаева Г. А. Лексикология демественного пения. М., 2010.

- Пожидаева Г. А.* Лексикология древнерусского церковного пения (традиции монодии в раннем многоголосии) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2005. № 1(38). С. 132–145.
- Пожидаева Г. А.* Монастырские напевы XVI—XVII веков: Традиции церковного пения / Перевод крюкового письма, вст. статья Г. Пожидаевой. Вып. II. М., 2002.
- Пожидаева Г. А.* Памятники демественного распева XVI — XVIII вв. // Традиции русского церковного пения / Перевод крюкового письма, вст. статья, комментарии Г. А. Пожидаевой. Вып. 1. М., 1999.
- Пожидаева Г. А.* Певческие традиции Древней Руси: Очерки теории и стиля. М.: Знак, 2007. 880 с.
- Пожидаева Г. А.* Принципы мелизматического распева в русской монодии XI–XVII веков. Автореф. дис. ... докт. искусствовед. М., 2002.
- Пожидаева Г. А.* Пространные распевы в раннем русском многоголосии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3(17). С. 12–28.
- Пожидаева Г. А.* Пространные распевы Древней Руси XI — XVII веков. М., 1999.
- Пожидаева Г. А.* Среднерусская и северная традиции в монастырских «переводах» XVI — XVII вв. // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 4. С. 161–168.
- Пожидаева М. В.* О стилистике «мелодического пения» (на материале Ирмология по напеву Троице-Сергиевой лавры) // Семантика музыкального языка: Материалы научной конференции 29—31 марта 2005 г. / РАМ.— М., 2006. Вып. 3. С. 196–206.
- Пожидаева М. В.* Раннее русское многоголосие троичкой традиции: Лекция по курсу «История русской музыки» / Федеральное агентство по культуре и кинематографии, РАМ. М., 2006.
- Пожидаева М. В.* Распевы Свято-Троицкой Сергиевой лавры XVI–XVIII веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2005. № 3(21). С. 80–81.
- Пожидаева М. В.* Распевы Свято-Троицкой Сергиевой лавры XVI–XVIII веков // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2006. № 2(24). С. 13—20.
- Половинкин А. И.* Сергей Радонежский — и сегодня наш учитель и спаситель России // Экономические стратегии. 2003. Т. 5. № 1 (21). С. 94–97.
- Попова Н. С.* Троице-Сергиевский монастырь как центр музыкально-письменной культуры XVI–XVII вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях.: Сборник научных трудов / Науч. ред. Н. П. Парфентьев. Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2003. Вып. 2. С. 80–92.
- Попова Н. С.* Троице-Сергиевский монастырь как центр музыкально-письменной культуры XVI–XVII вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях... Вып. 2. Челябинск: изд-во ЮУрГУ, 2003. С. 80–92.
- Похилько Л. В.* Отражение идеи народности в русской православной педагогике X—XVII веков // Человек и образование. 2012. № 2. С. 126—131.
- Почекаев Р.* «А поможет ли Бог и святая Троица» // Родина. 2014. № 5. С. 54–56.
- Преподобный Сергей Радонежский – великий подвижник земли русской // Гос. воен.-ист. и природ. музей-заповедник «Куликово поле», Сергиево-Посад. гос. ист.-художеств. музей-заповедник, Свято-Троиц. Сергиева лавра; [авт. вступ. ст. и аннот. к ил. Л. М. Воронцова и др.]. М., 2004.
- Преподобный Сергей Радонежский : Полное жизнеописание / [авт.-сост. Е. Владимирова]. М. : Эксмо, 2011. (Подарочные издания. Мир Православия).
- Преподобный Сергей Радонежский, 1988 [Изоматериал]: икона. Дерево, левкас, темпера // Современная православная икона: альбом / авт. и сост. С. В. Тимченко. – М.: Современник, 1994. С. 191.
- Преподобный Сергей Радонежский. Сост. Е. Сергеева. М., 2011. Сер. Православные чудеса.
- Преподобный Сергей Радонежский. [сборник / сост. Маркова А. А.]. М., 2012. Сер. Причастники божественного света.
- Преподобный Сергей Радонежский. Авт.-сост. Е. А. Князев, Е. Ю. Князева, А. А. Евстигнеев. М., 2011. Сер. Чудотворные иконы.
- Преподобный Сергей Радонежский. По поводу 500-летия со времени его блаженной кончины // Христианское чтение. 1892. № 9-10.
- Преподобный Сергей Радонежский. Сборник / Новосибирск, 2003. Сер. Светочи мира.
- Преподобный Сергей Радонежский. Сост. архим. Никон. М., 2011. Сер. Россия православная.
- Преподобный Сергей Радонежский. Сост. Е. Сергеева. М., 2011. Сер. Православные чудеса.
- Преподобный Сергей Радонежский. Сост. Маркова А. М., 2010.
- Прохоров Г. М.* Византия и Русь в эпоху Куликовской битвы. СПб. 2000.
- Прохоров Г. М.* Византия и Русь в эпоху Куликовской битвы. СПб. 2000.
- Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый (Писатели и книжники XI—XVII вв.) // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 78–87.
- Прохоров Г. М.* Епифаний Премудрый // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1: А-К / АН СССР. ИРЛИ; Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1988. С. 211—220.
- Прохоров Г. М.* Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. // ТОДРЛ. Т. 23. М.; Л., 1968.
- Прохоров Г. М.* К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Кокина // ТОДРЛ. Т. 27. История жанров в русской литературе X—XVII вв. Л., 1972. С. 120–149.
- Прохоров Г. М.* Памятники переводной и русской литературы XIV—XV веков. Л., 1987.
- Прохоров Г. М.* Умственный мир человека Древней Руси // Вестник славянских культур. 2010. Т. 18. № 4. С. 61—73.

- Путилов Б. Н. Преподобный Сергий Радонежский (1313–1392) // Путилов Б. Н. Древняя Русь в лицах. СПб: Азбука, 1999. С. 277–286.
- Путин В. В. Речь на Валдайском форуме. Сентябрь 2013 г.
- Пуцко В. Г. Канонизация и иконография русских святых: проблема взаимосвязи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2010. № 2. С. 5–10.
- Пуцко В. Г. Кресты-мошевики и ковчеги-мошевики XIV — XVI в. в Троице-Сергиевой Лавре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 2. С. 36–39.
- Пыльнева Г. А. В Лавре преподобного Сергия. Из дневника (1946 — 1996). / Лидия Странник. М., 2010. Серия «Паломничество: традиции и современность».
- Рамазанова Н. В. «Днесь Сергия, благочестия подражателя, песнями и пенми восхвалим». Выставка в отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Бражниковские чтения – 2014. // Преподобный Сергий Радонежский и судьбы древнерусской певческой традиции. К 700-летию преподобного Сергия Радонежского. 8-11 апреля СПб., 2014. С. 25–26.
- Рамазанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI– XVII вв. СПб., 2004.
- Распутин В. Г. Ближний свет издалика // Воин России. 1998. № 1. С. 100–106.
- Распутин В. Г. Ближний свет издалика // Распутин В. Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 347.
- Распутин В. Г. Ближний свет издалика: О Сергии Радонежском // Север. 1992. № 5.
- Распутин В. Г. Видимое и невидимое: [выступления на X съезде Союза писателей России (нояб. 1999) и на V Всемир. Рус. Нар. Соборе (дек. 1999)] // Наш современник. 2000. № 2. С. 184–190.
- Распутин В. Г. Возвращение к России // Sibirica : сайт).
- Распутин В. Г. Поле Куликово (очерк) // Что в слове, что за словом? Авторский сборник. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1987. С. 5–26.
- Распутин В. Г. Поле Куликово // Распутин В. Г. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 337.
- Распутин В. Г. Речь на Первом съезде народных депутатов СССР. Кремлевский Дворец съездов. 1 июня 1989 года. Заседание десятое // agitclub.ru/vybory/gor89/sten/vyst14.htm
- Рахманова М. П. Певческий лик Лавры преподобного Сергия Бражниковские чтения – 2014. Преподобный Сергий Радонежский и судьбы древнерусской певческой традиции. К 700-летию преподобного Сергия Радонежского. 8–11 апреля. СПб., 2014. С. 22 – 24.
- Рашитова О. А. Патриотизм православной церкви в блокированном Ленинграде // Патриотизм и гражданственность в истории России. Сост. Скворцов В. Н., Веремченко В. А. Материалы международной научно-практической конференции 14–16 марта 2013 г. Под общей редакцией В. Н. Скворцова. СПб., 2013. С. 193–196.
- Рерих Н. К. Держава Света // Вестник Ариаварты. 2003. № 12. Гл. ред. Вл. Росов. Редакционный совет: Даниил Энтин (США), Аида Тульская (США), Ольга Румянцева (Россия), Юрий Родичев (Россия), Дмитрий Попов (Россия), Антон Малыгин (Россия), Клаудиа Бриоски (Швейцария). Редактор выпуска: Елена Алексеева.
- Рерих Н. К. Письма о Преподобном Сергии Радонежском. 1930—1932 // Журнал «Вестник Ариаварты». Главный редактор: Владимир Росов. Редакционный совет: Даниил Энтин (США), Аида Тульская (США), Ольга Румянцева (Россия), Юрий Родичев (Россия), Дмитрий Попов (Россия), Антон Малыгин (Россия), Клаудиа Бриоски (Швейцария). Редактор выпуска: Елена Алексеева. М. - Нью-Йорк. 2003. № 1-2. С. 39—43.
- Рерих Н. К. Слово на освящение часовни Св. Преподобного Сергия, сооруженной сибирским отделом Общества друзей Музея Рериха в Радонеге, Чураевка, шт. Коннектикут // Рерих Николай. Держава Света. Southbury: Алатас, 1931 // lib.icr.su/node/695
- Рерих Н. К. Святой Сергий, 1932 [Изоматериал]: холст, темпера / Н. Рерих // Николай Рерих: из коллекции Международного Центра Рерихов. – Ашау: Мировая спираль, 1997. С. 61.
- Рогожин Н. Российская государственность и русская святость // Родина. 2012. № 9. С. 96–98.
- Рождественская Т. В. Эпиграфические памятники на Руси в эпоху становления государственности // Электронный научно-образовательный журнал История. 2012. № 5 (13). С. 16.
- Романенко Е. В. Древнее житие преподобного Нила Сорского // Вестник церковной истории. 2009. № 3-4. С. 93–106.
- Рубцов Н. Н. Символ в искусстве и культуре. М., 1991.
- Рудаков В. Н. Время «Ч» в древнерусских произведениях о монголо-татарах // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории. 2012. Т. 9. С. 37–62.
- Рукавишников А. И. Сергий Радонежский, 1981 [Изоматериал]: дерево тон., камень // Искусство: прил. к газ. «Первое сентября». 1999. № 17. С. 2.
- Руцинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков / Соч. Л. П. Руцинского. М. : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1871.
- Рыбаков И. А. По Радонежской земле : очерки памятных мест / И. А. Рыбаков. – М. : Вече, 2009.
- Сабанеев Л. Л. Воспоминания о Танееве. М., 2003.
- Савина С. Г. Иконография. Богословские очерки иконографического извода. СПб, 2001.
- Сайт «Православный мир». Акафист «Слава Богу за всё». URL: <http://www.pravmir.ru/akafist-slava-bogu-za-vsyoy/>
- Сайт Троице-Сергиевой Лавры. stsl.ru/Дом Живоначальной Троицы Раздел «Рукописи». Ф. 304. Сайты по древнерусскому пению nativitas.ru/index-hymnologicus; Вечерняя песнь (<http://www.canto.ru/txt.php?menu=main>), Фонд знаменных песнопений (<http://znamen.ru/index.php>), Традиции

- православного пения (<http://www.churchmusic.ru>) и материалы издательства Московской Патриархии на официальном сервере Русской Православной Церкви (<http://www.jmp.ru>), сайтов «Вертоград» (<http://www.wertograd.chat.ru/znamia.htm>), Православное христианство (<http://www.hristianstvo.ru/culture/music>). Православные песнопения в формате MPEG3 (<http://music.orthodox.org.ru>) ; [conservatory.ru](http://conservatory.ru/node/205)»node/205
- Сайт: Русская Православная Церковь в Великобритании и Ирландии. Сурожская Епархия. Московский Патриархат. URL: <http://dioceseofsourozhsquarespace.com/main-rus/2014/6/11/513246341126.html>
- Свокс А. «Великий общинник и подвижник» из «Иерархии Света»? // Родина. 2014. № 5. С. 104–105.
- Святитель Алексей, митрополит московский: житие и уроки // Издательская группа историков исследователей «Православная Таганка» (руководитель С. И. Выстрелков) // Вестник Российской нации. 2009. Т. 3. № 1. С. 15–20.
- Святой преподобный Сергей Радонежский. Жизнеописание / В основе настоящего изд. жизнеописание, сост. иеромонахом Никоном (Рождественским). СПб., 2005.
- Святославский А. В. Культура увековечения и проблема коллективной памяти в современной России (на материалах социологических исследований в московском регионе) // Преподаватель XXI век. 2010. Т. 2. №3. С. 350–358.
- Свято-Троицкая Сергиева Лавра: путеводитель / авт. текста Л. Воронцова, Л. Шитова. Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
- Свято-Троицкая Сергиева Лавра [Сергиев Посад, Московская обл.], 2009.
- Семеновко-Басин И. В. Почитание русских святых : проект Афанасия Сахарова в историческом контексте // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 1. С. 61–63.
- Сергеев В. Н. Андрей Рублев. Предисл. Д. С. Лихачева. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Сергеева О. А. Семантика и поэтика образа Свете Тихий в русской поэзии XIX века : Дис. ... канд. филол. наук : СПб., 2005.
- Сергий Радонежский — молитвенник за землю Русскую. [к 690-летию со дня рождения преподобного Сергия Радонежского / авт.-сост. В. Н. Афанасьев]. М., 2010. Сер. Библиотека благотворительного фонда «Энциклопедия Серафима Саровского».
- Сергий Радонежский – негасимый свет. Мастер-класс Ю. К. Люкшина / Гос. Третьяковская галерея, Детская студия Третьяковской галереи в Лаврушенском пер. ; [С. П. Зубова, Ю. К. Люкшин]. М., 2010. Сер. Большие художники — маленьким детям.
- Сергий Радонежский: [сборник] / Сост. В. А. Десятников. М.: Патриот, 1991. С. 537–539.
- Сергия великого родителей почтим. Повесть о преподобных схимонахе Кирилле и схимонахине Марии, родителях преподобного Сергия Радонежского / монахиня Мария (Аникеева) ; худож. Ольга Никитина. Сергиев Посад, 2010. Изд. 2.
- Серегина Н. С. «...И державу его миром огради» // ж. «Советская музыка». 1980 № 12. С. 134–135.
- Серегина Н. С. Песнопения русским святым. По материалам рукописной певческой книги XI–XIV вв. «Стихирарь месячный». СПб.: РИИИ, 1994. С. 209–223;
- Серегина Н. С. Стихиры Сергию Радонежскому — памятник отечественного песнотворчества // Проблемы русской музыкальной текстологии. Сб. ст. под ред. А. С. Белоненко. Л.: ЛОЛГК, ЛГИТМиК, 1983. С. 94–113.
- Серегина Н. С. Стихиры Сергию Радонежскому как памятник отечественного песнотворчества // Труды отдела древнерусской литературы. Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1985. Т. 38. С. 338–355.
- Серегина Н. С. Тема прекрасной пустыни в памятниках древнерусского искусства // Благоговение перед жизнью — императив XXI столетия / Сост. С. Т. Махлина, науч. ред. В. А. Петрицкий. СПб., 2000. С. 141–150.
- Синельникова Г. П. Неожитие Б. Зайцева «Преподобный Сергей Радонежский» // Культура и текст. 2005. № 9. С. 144–152.
- Синичкина Н. Е. «Первоучители» родного языка киевской Руси и московского государства // Мир русского слова. 2008. № 4. С. 91–97.
- Склярлова Т. В., Тукиш В. А. Анализ педагогических идей святителя Иннокентия (Вениаминова) в свете церковно-педагогического опыта // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2007. № 5. С. 116–128.
- «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М; Л., 1966.
- Случевский К. К. Государственное значение Святого Сергия и Троице-Сергиевой Лавры. М., 1892.
- Смирнов С. И. Древнерусский духовник. М.: ПСТГУ, 2004. 560 с.
- Смирнова И. Ю. Наследие Филарета, святителя московского, в свете православной исихастской традиции // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2009. № 1. С. 163–182.
- Смирнова Т. В. По железной дороге из Москвы в Сергиев Посад. Сергиев Посад, 2012. Сер. Дорога к Храму.
- Смирнова Т. В. Святые окрестности Троице-Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 2012. Сер. Дорога к Храму.
- Смирнова Т. В. Троицкий собор Лавры / Т. В. Смирнова. – Сергиев Посад : ООО «ВДВ «ПАК», 2012. 36 с. : фот. – (Дорога к храму).
- Смолич И. К. Русское монашество. М.: Православная Энциклопедия, 1999.

- Смоляков Б. Г. О мелодической вариантности знаков в русской безлинейной нотации // Сергиевские чтения / Ред.-сост. Ю. Н. Холопов. Московская консерватория. Сб. 4. М., 1993. С. 33–39.
- Соболева Н. А. Надгробный образ Сергия? // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. 2007. № 2. С. 31–36.
- Собрание писем святителя Игнатия Брянчанинова, епископа Кавказского и Черноморского / Сост. игумен Марк (Лозинский). М.; СПб., 1995.
- Соколов Р. Сила власти митрополита Алексея и «мягкая сила» игумена Сергия // Родина. 2014. № 5. С. 47–49.
- Соловьев А. А. Православная антропология русской интеллигенции // Интеллигенция и мир. 2005. № 1-2. С. 30–36.
- Соловьев Н. М. Сергий Радонежский: Для мл. шк. возраста / Текст Н.М. Соловьева; Рис. В.В. Стуковнина. М., 2003. Сер. Защитники земли русской.
- Солоневич И. Л. Народная монархия. М., 1991.
- Соседов Е. В. Заповедный Радонеж // Русская история. 2013. № 3 (26). С. 77–81.
- Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество. М.: Издательский Совет Православной Церкви, 2008. СПб.: Церковь и культура, 2000.
- Спирина Л. М. Малоизвестная певческая рукопись XVII в. из собрания Сергиево-Посадского государственного историко-художественного музея-заповедника // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 159–168.
- Стародубцева Н. А. Использование инфинитива при характеристике различных типов святости в старорусских житиях // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2007. № 4. С. 105–107.
- Стародубцева Н. А. Функционально-семантическая характеристика независимого инфинитива в старорусских житийных текстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 33–36.
- Строганов В. Сергий Радонежский, 1978 [Изоматериал]: гипс / В. Строганов // Художник. – 1989. № 7. С. 32.
- Сухоруков Ю. Н. Храм преподобного Сергия Радонежского – первая базилика России: прошлое и настоящее // Научные труды. 2006. № 3. С. 135–147.
- Сэр Джон Тавенер: православный английский композитор. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/ser-dzhon-tavener-pravoslavnyi-anglijskij-kompozitor>
- Танеев С. И. Нотная тетрадь с гласами. Глас 3. Глас 4. 8 лл. Архив ГДМЧ, фонд С. И. Танеева, В 1, папка 36, №515.
- Танеев С. И. Дневники. Кн.1. 1894–1898; ред. Л. З. Корабельникова. М., 1981. 333 с.
- Танеев С. И. Духовная музыка / сост. Н. Ю. Плотникова. М., 1999.
- Танеев С. И. Разные выписки и заметки по философии. Архив ГДМЧ, фонд С. И. Танеева, В. 3, №40, №41, V–а (стр. 1–5).
- Тезина В. А. Образ преподобного Сергия Радонежского в творчестве А. Н. Островского и Ф. М. Достоевского // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 2. С. 146–148.
- Тихонравов Н. С. Древние жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892.
- Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 21. Дневники. М., 1985. 575 с.
- Троицкий Н. И. Христианский православный храм в его идее: Опыт изъяснения символики храма в систематическом изложении. Тула, 1916.
- Троицкий образ преподобного Сергия Радонежского. Авт. текста: Г. В. Попов ; реставрационное прил.: А. Е. Алдошина, Л. С. Говядина ; фот.: И. В. Мельников, В. А. Нестеренко, В. А. Соломатин. М., 2010.
- Троицкий Собор Троице-Сергиевой Лавры / авт. статей: Б. М. Клосс, В. А. Ткаченко, К. А. Филимонов, Л. М. Воронцова, Л. А. Шитова. – Сергиев Посад : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2003. 160 с. : ил.
- Трубачев Сергей, диак. Полное собрание богослужебных песнопений: В 2 т. М.: Живоносный Источник, 2007.
- Трубецкой Е. Н. Этюды по русской иконописи / Е. Н. Трубецкой // Избр. произв. Ростов н/Д, 1998. С. 338–438. (Сер. «Выдающиеся мыслители»).
- Турилов А. А. Южнославянские переводы XIV–XV вв. и корпус переводных текстов на Руси. Часть I // Вестник церковной истории. 2010. № 1-2 (17-18). С. 147–175.
- Турилов А. А., Казачков Ю. А., Никифорова А. Ю., Статис Г., Коляда Е. И., Этингоф О. Е., Козлов М., иер., Стрижев А. Н. Акафист // Православная Энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т.1. С. 371–381.
- У нас — Поле Куликово, у них — «поле чудес» // Валентин Распутин в беседе с Виктором Кожемяко // Час России: журнал. 2000. № 1. Выпуск посвящается 55-летию Великой Победы. litres.ru/valentin-rasputin/viktor...ubiystvennyh...2...
- Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
- Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1972.
- Уткин А. В. Учительство как духовная традиция Руси конца X—XVII веков // Образование и наука. 2007. № 2. С. 94–106.
- Федорец А. Образ Сергия Радонежского в живописи М. В. Нестерова // Наш современник. 2012. № 5. С. 274–281.
- Федотов Г. П. Преподобный Сергий Радонежский // Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. – М.: Терра: Книжная лавка-РТР, 1997. С. 127–138.
- Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов. СПб.: САТИС, ДЕРЖАВА, 2004.

- Федотов Г. П.* Святые Древней Руси / Предисл. А. Меня. М.: ТЕРРА; «Книжная лавка РТР», 1997.
- Федотов Г. П.* Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. Судьба и грехи России. В 2 т. Т. 1. СПб.: София, 1991. С. 306–309.
- Филлин С. А.* Роль народов России и монголов в формировании русского суперэтноса // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 15. С. 48–62.
- Фирсов В.* Преподобный Сергий и Троица, 1992 [Изоматериал]: масло / В. Фирсов // Юный художник. 2004. № 7. С. 4.
- Флоровский Г. В.* Восточные отцы IV века. (Из чтений в православном богословском институте в Париже). Париж, 1831. 2-е изд. М., 1992 (репринт).
- Фокин А. Р. Дунаев А. Г. Макаров Е. Е., Э. В. Ш.* Епифаний Кипрский // Православная энциклопедия. Т. 18. М., 2008. С. 557–581.
- Фролов С. В.* Новые аспекты изучения Стихираря 1380 г. собрания Троице-Сергиевой лавры № 22 // ТОДРЛ. Т. 50. СПб., 1997. С. 196–207.
- Ходякова Л. А.* Сочинение по картине М. В. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» // Русский язык в школе. 1998. № 3. С. 18–24.
- Холопов Ю. Н.* К проблеме музыкальной формы в древнерусской монодии // Сергиевские чтения-1. О русской музыке. Науч. труды МГК. Сб. 4. М.: МГК, 1993. С. 40–51
- Хотьково. Очерки истории земли Радонежской / авт. проекта и сост. Н. Н. Соловьев. Сергиев Посад: Весь Сергиев Посад, 2004.
- Цветков К. Н.* Великий князь Дмитрий Иоаннович Донской и преподобный Сергий Радонежский: к пятисотлетию со дня кончины Дмитрия Донского. М., 2007.
- Чарская Л. А.* Повесть о юности великого подвижника земли русской преподобного Сергия Радонежского. М., 2007.
- Чарская Л.* Святой отрок. Повесть о детстве великого подвижника земли Русской преподобного Сергия Радонежского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2005.
- Чернов С. З.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (133–1456 Г.). Княжеские земли в районе Троицкого монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3. С. 129–130.
- Чернов С. З.* Радонеж: от волости к княжескому уделу (1336–1456) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 4. С. 44–49.
- Чернов С. З., Лебедева Е. Ю.* Покровский в Хотькове монастырь по данным археологических и следований 1978–2008 годов // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. М., 2012. С. 175–203.
- Чернов С. З., Янишевский Б. Е.* Некрополь Троице-Сергиева монастыря по материалам археологических исследований 2003 г. // Российская археология. 2008. № 2. С. 150–164.
- Черных А.В.* Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX — середины XX в. Ч. 3: Словарь хрононимов. – Пермь, 2010.
- Четыре святых хранителя России. Сергий Радонежский, Ксения Петербургская, Серафим Саровский, Матрона Московская / Авт.-сост. Ольга Глаголева. М., 2011. Сер. Православие для новоначальных.
- Чудинова И. А.* «Болящий дух врачует песнопенье...» (Троице-Сергиева Приморская пустынь в истории русской музыкальной культуры) // Наследие монастырской культуры. Сост. И. А. Чудинова, Н. Серегина. Е. Герцман. Вып. 1. СПб., 1997. С. 64–84.
- Чудинова И. А.* Византийский звукоидеал // Голос в культуре. Греко-славянская школа церковного пения / Сост. И. Чудинова, А. Тимошенко. СПб., 2006. С. 11–13.
- Чудинова И. А.* Время безмолвия. Музыка в монастырском Уставе. СПб., 2003.
- Чудинова И. А.* Сакральное и мирское в церковно-музыкальной культуре Петербурга XVIII в. // Россия. Европа: Контакты музыкальных культур / Сост., ред. Е. Ходорковская. СПб., 1994. С. 23–42.
- Шалина И. А.* Ветхозаветные прообразы и символические изображения Богоматери // «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб.: Государственный русский музей, 1994. С. 54–57.
- Шалина И. А.* Ветхозаветные прообразы и символические изображения Богоматери // «Пречистому образу Твоему поклоняемся...». Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. СПб.: Государственный русский музей, 1994. С. 54–57.
- Шалина И. А.* Псковские иконы «Сошествие во ад». О литургической интерпретации иконоборческих особенностей // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / ред.-состав. А. М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 230–269.
- Шамардина Н. В.* Особенности Галицкого извода икон Страшного суда на пороге Нового времени // Слово.ру: балтийский акцент. 2013. № 3. С. 85–97.
- Шамина И. Н.* Описание имущества Вологодского Павлова Обнорского монастыря 1701—1702 годов // Вестник церковной истории. 2010. № 1-2 (17-18). С. 17–107.
- Шафажинская Н. Е.* Святые Франциск Ассизский и Сергий Радонежский: специфика личностного служения в духовной и социокультурной традиции католичества и православия // Россия и Европа: Дипломатия и культура. 2010. № 1. С. 44–51.
- Шемякина М. К.* «Русское возрождение» как тенденция общекультурного развития России // Культура и цивилизация. 2012. № 1. С. 126–151.

- Шмякина М. К.* Концепт «Возрождение» как механизм изменения общекультурного развития России // Белые пятна российской и мировой истории. 2012. № 1. С. 67–92.
- Шмбаев М. А.* Архитектурные фоны в житийных циклах преподобного Сергия Радонежского XV–XVI вв. как идеальный образ православной обители // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2009. № 6. С. 89–100.
- Шмбаев М. А.* Епифаний Премудрый // Православная энциклопедия. Т. 18. С. 582–585.
- Шмбаев М. А.* Житие Сергия Радонежского и новгородско-софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. №1. С. 25–27.
- Шмбаев М. А.* Авторский вариант Жития Сергия Радонежского // Труды Отдела древнерусской литературы Т. 58 / СПб.: Наука, 2007. С. 290–294.
- Шмеман А., прот.* Исторический путь Православия. М., 1993.
- Щенникова Л. А.* Силы Небесные: иконография и литургические тексты // Восточнохристианский храм. Литургия и искусство / ред.-состав. А. М. Лидов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. С. 179–287.
- Щербакова Л. В.* Иностранцы свидетели о нравах и психологии русского народа со второй половины XV по конец XVII. Вестник АГТУ, № 2. 2011.
- Экономцев Иоанн, игумен.* Исихазм и возрождение (Исихазм и проблема творчества) // В его кн.: Православие. Византия. Россия. М. 1992.
- Этингоф О. Е.* Образ Богоматери. Очерки византийской иконографии XI–XIII вв. / О. Е. Этингоф. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Юдин Г. Н.* Преподобный Сергий Радонежский. Кн.-подарок : [Для семейн. чтения / Георгий Юдин; Худож. Георгий Юдин]. М., 2003. Сер. Спаси и сохрани.
- Юферова А.* Пробуждение: [о творчестве М. В. Нестерова] // Художник. 1992. № 7/12. С. 29–30.
- Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.
- Яковлев П. П.* Исторический очерк первоклассной Троице-Сергиевой Приморской пустыни. СПб., 1884.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Алексеева Галина Васильевна** (*Владивосток*). Доктор искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой культурологии и искусствоведения. Дальневосточный федеральный университет, заведующая Дальневосточным филиалом Государственного института искусствознания, член Международной Ассоциации византистов, действительный член Международной Академии наук и искусств (Фрайбург, Москва, Будапешт). Президент Приморского краевого Центра русской культуры.
- Бурыкин Алексей Алексеевич** (*Санкт-Петербург*). Доктор филологических наук, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований РАН.
- Василик Владимир Владимирович** (*Санкт-Петербург*). Кандидат филологических наук, кандидат богословия, доцент исторического факультета Санкт-Петербургского университета, доцент Санкт-Московской Сретенской семинарии, [СПб Православный Институт Религиоведения и Церковных Искусств](#) [Диакон храма Марии Магдалины на пр.Косыгина](#) СПб.; fvasilik@mail.ru
- Генченкова Мария Владимировна** (*Москва*). Лауреат международных конкурсов, кандидат искусствоведения, доцент Академии хорового искусства им. В. С. Попова; bibliophone@mail.ru
- Гордеев Денис Владимирович** (*Владивосток*). Старший преподаватель кафедры теологии и религиоведения Школы гуманитарных наук. Дальневосточный федеральный университет, dionisiy@mail.ru
- Гусейнова Зивар Махмудовна** (*Санкт-Петербург*). Профессор, доктор искусствоведения, заведующая кафедрой Истории русской музыки Санкт-Петербургской консерватории ; zivar.guseinova@yandex.ru
- Денисова Наталия Евгеньевна** (*Новоуральск*). Кандидат искусствоведения, доцент кафедры философии Новоуральского технологического института НИЯУ МИФИ. Сфера научных интересов: культурология, древнерусское певческое искусство, увлекается золотым шитьем и церковной вышивкой, помощник регента в храме во имя прп. Серафима Саровского (г. Новоуральск); denisova@nsti.ru
- Зайцева Татьяна Андреевна** (*Санкт-Петербург*). Профессор, доктор искусствоведения, Консерватория им. Н. А. Римского-Корсакова, Заслуженный работник культуры России, член Союза композиторов России, член IMS (международное музыковедческое общество). diss@conservatory.ru
- Казин Александр Леонидович** (*Санкт-Петербург*). Доктор философских наук, профессор, Российский институт истории искусств, «Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств» Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-

Петербургский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет кино и телевидения; alkazin@yandex.ru

Катченкова Ирина Семеновна (*Санкт-Петербург*). Учитель истории ГБОУ СОШ №17

Василеостровского района, отличник народного просвещения РФ, участница Всероссийских Балашовских Чтений в Великом Новгороде, автор трех сборников стихов, соавтор книг о Д. М. Балашове («Россия, до востребования...». СПб.: Лема, 2011, в соавторстве с Т. К. Никольской), о Грибоедове («Грибоедов и эпоха», СПб.: Нестор-история, 2013, в соавторстве с Л. Г. Орловой). Печаталась в журналах «Вопросы истории», «Вестник Герценовского университета», «Север» (Петрозаводск), «София» (Великий Новгород). Участница содружества поэтов «Свежий взгляд». viking14081963@mail.ru

Кондрашкова Лада Владимировна (Москва). Кандидат искусствоведения, научный сотрудник Музея им. Андрея Рублева ladakondrashkova@mail.ru

Лукина Галима Ураловна (Москва). *Музыковед*, кандидат философских наук, доцент, проректор по научной и творческой работе Российской государственной специализированной академии искусств galima96@list.ru

Миклухо Елена Олеговна (*Санкт-Петербург*). Окончила СПбГТУ (Политехнический институт) (2001) по специальности математическое моделирование; СПбПИРЦИ (СПб Православный Институт Религиоведения и Церковных Искусств) (2013) по спец. регентское дело. Регент. emkl@mail.ru

Некрылова Анна Федоровна (*Санкт-Петербург*). Кандидат филологических наук. Научный сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом). nekrulova@mail.ru

Никольская Татьяна Кирилловна (*Санкт-Петербург*). Кандидат исторических наук, заведующая кафедрой Истории Церкви СПбХУ. Автор книг и статей по истории христианства. Докторант Института Истории РАН. niktk@spbcu.ru

Орлова Лариса Григорьевна (*Санкт-Петербург*). Учитель русского языка и литературы высшей категории, почетный работник общего образования. kaamoos@mail.ru

Николай Павлович Парфентьев (*Челябинск*). Доктор исторических наук, доктор искусствоведения, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой Искусствоведения и культурологии Южноуральского государственного университета (Челябинск)
parfentevnp@susu.ac.ru

Парфентьева Наталья Владимировна (*Челябинск*). Доктор искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ. Южноуральский государственный университет (Челябинск); parfentevanv@susu.ac.ru

Платон (Карпов). Иеродиакон, выпускник кафедры теологии и религиоведения 2014 г., Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (специальность «теология»), клирик Свято-Никольского собора, г. Владивосток.

Плотникова Наталья Юрьевна (Москва). Доктор искусствоведения, доцент кафедры теории музыки Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания. n_y_plotnikova@mail.ru

Пождаева Галина Андреевна (Москва). Доктор искусствоведения, профессор. Высшее театральное училище (институт) им. М. С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре России; академик Государственной академии славянской культуры, член Союза композиторов РФ.
pozhideava.galina@yandex.ru

Светлова Ольга Александровна (*Новосибирск*). Кандидат искусствоведения, доцент, проректор по научной и творческой работе Новосибирской государственной консерватории (академия) им. М. И. Глинки; svetolga@mail.ru

Свободов Валерий Александрович (*Санкт-Петербург*). Доктор искусствоведения. Ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств.

Серегина Наталья Семеновна (*Санкт-Петербург*). Доктор искусствоведения. Ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств; nsergina@mail.ru

Сотникова Ольга Семеновна (*Санкт-Петербург*). Преподаватель фортепиано. Детская школа искусств Красносельского района. Автор учебных пособий «Я учусь играть», изд-во «Союз художников» СПб., переиздавалось в 2000 – 2011 гг.; «Играем с удовольствием», изд-во «Композитор» СПб., 2005; ведет Журнал music_sos. Постоянный аккаунт с 14 марта 2010 music-sos.livejournal.com; sotnikova_os@inbox.ru

Фортунато, Михаил (*Франция*). Протоиерей, богослов, с 1969 на протяжении более чем 40 лет регент русского Кафедрального Собора Успения Пресвятой Богородицы в Лондоне, прихода Русской Православной Церкви, Сурожской епархии Московского Патриархата; профессор литургического музыковедения Свято-Сергиевского Православного Богословского Института в Париже (на покое); m.fortunatto@orange.fr

Содержание

От составителя

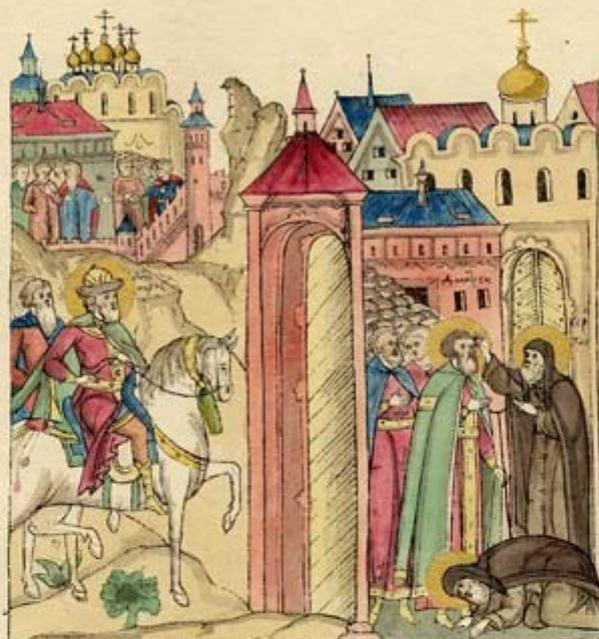
с. 3

ЧАСТЬ I. ПАМЯТЬ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ: СЛОВО, ОБРАЗ, ИСТОРИЯ.

<i>Михаил Фортунато, протоиерей (Париж).</i> Подвиг преподобного Сергия Радонежского.	4
<i>Казин А. А. (Санкт-Петербург).</i> Преподобный Сергий Радонежский и русская цивилизация.	7
<i>Василик В. В.,</i> диакон <i>(Санкт-Петербург).</i> Наследие преподобного Сергия Радонежского.	12
<i>Гордеев Д. В., Платон (Карпов), иеродьякон (Владивосток).</i> Молитвенная традиция в подвиге преподобного Сергия Радонежского и его учеников.	16
<i>Бурыкин А. А. (Санкт-Петербург).</i> Сергий Радонежский в повестях о Куликовской битве: проблемы взаимосвязи текстов и редакций.	20
<i>Некрылова А. Ф. (Санкт-Петербург).</i> Народное почитание преподобного Сергия Радонежского.	22
<i>Никольская Т. К. (Санкт-Петербург).</i> Сергий Радонежский и князь Олег Рязанский в романе Д. М.Балашова «Святая Русь».	25
<i>Катченкова И. С. (Санкт-Петербург).</i> Средневековая школа в романе Д.М.Балашова «Похвала Сергию».	29
<i>Орлова А. Г. (Санкт-Петербург).</i> В. Г. Распутин: «Собиратель русских душ».	34
<i>Свободов В. А. (Санкт-Петербург).</i> Богопознание как опыт русской истории XX в. (богословские труды Н. Е. Пестова).	37
<i>Светлова О. А. (Новосибирск).</i> К открытию Часовни святого Сергия Радонежского в Новосибирске.	38
<i>Денисова Н. Е. (Новоуральск).</i> Духовное наследие преподобного Сергия Радонежского в гуманитарных курсах для студентов технических вузов.	42
<i>Сергина Н. С. (Санкт-Петербург).</i> Сюжет и композиция картины М. Нестерова «Видение отроку Варфоломею» в свете иконописной традиции.	44

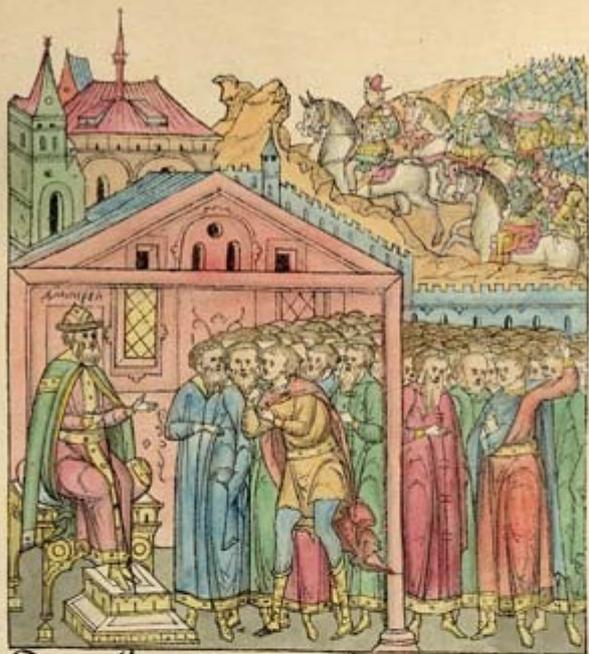
ЧАСТЬ II. ПАМЯТЬ О ПРЕПОДОБНОМ СЕРГИИ: ПЕНИЕ, МУЗЫКА, ИСКУССТВО.

<i>Сергина Н. С. (Санкт-Петербург).</i> Нотированная фита в стихире Елифаню Кипрскому из рукописи троицкого писца Елифания.	47
<i>Гусейнова З. М. (Санкт-Петербург).</i> Двойная функция стихир преподобному Сергию Радонежскому.	51
<i>Кондрашкова А. В. (Москва).</i> Служба Сергию Радонежскому строчного многоголосия (по московским архивам).	52
<i>Пожидаева Г. А. (Москва).</i> Значение обители преподобного Сергия Радонежского в истории древнерусского певческого искусства.	55
<i>Парфентьев Н. П. (Челябинск).</i> Церковно-певческое искусство в Троицкой обители преподобного Сергия Радонежского. Диакон Иона Зуй (XVI в.).	56
<i>Парфентьева Н. В. (Челябинск).</i> Распев Троицкого диакона Ионы Зуя (XVI в.).	59
<i>Плотникова Н. Ю. (Москва).</i> Песнопения преподобному Сергию Радонежскому в партесных рукописях	62
<i>Генченкова М. В. (Москва).</i> Творчество мастеров Троице-Сергиевой Лавры позднего периода.	66
<i>Гордеев Д. В. (Владивосток).</i> Осмысление образа Богоматери в литургических текстах в честь преподобного Сергия Радонежского и его учеников.	67
<i>Чудинова И. А. (Санкт-Петербург).</i> Троице-Сергиева Приморская пустынь в Санкт-Петербурге.	70
<i>Зайцева Т. А. (Санкт-Петербург).</i> Образ героя битвы на реке Сить святого князя Георгия в творчестве М. А. Балакирева.	77
<i>Лукина Г. У. (Москва).</i> Творческие искания Сергея Танеева в парадигме богословских сентенций Сергия Радонежского и Елифания Премудрого.	78
<i>Милуха Е. О. (Санкт-Петербург).</i> Сэр Джон Тавенер: «Я оказался в своем доме, и я остался в нем».	84
<i>Сотникова О. С. (Санкт-Петербург).</i> Уроки преподобного Сергия и детское музыкальное образование (опыт педагога).	86
<i>Алексеева Г. В., Гордеев Д. В. (Владивосток), Сергина Н. С. (Санкт-Петербург).</i> Стражи блага. Преподобный Сергий в Приморье. Вместо послесловия.	88
<i>Литература.</i>	91
<i>Сведения об авторах.</i>	106

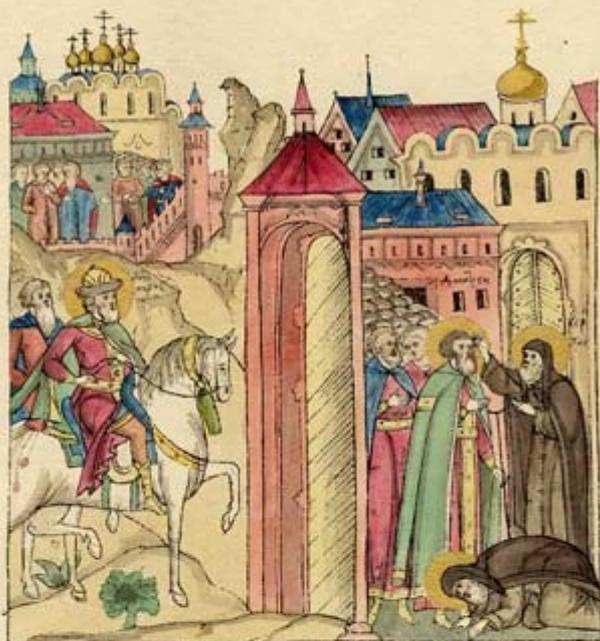

И бѣ ху всѣ людіе въ страхѣ величїѣ
 поучїе сїа еми . князь же великоде
 ржавный , иже тогда сїи три роуць
 сїи ху странѣ обдержѣ . достохваль
 ный и побѣдоносный великый дїи
 твей да гл҃е пса
 съ оубо прїи
 деко сїо
 мусе
 рїї
 ю ѿ

Миниатюра из Лицевого Жития преп. Сергия Радонежского.
 РГБ, ф. 304.III, № 21 (М. 8663), л. 235 об. Ок. 1592 г.
 Житие Преподобнаго и Богоноснаго Отца нашего Сергия Радонежскаго и всея России Чудотворца. Изд. Троице-Сергиевой лавры, 1853
http://old.stsl.ru/files/imagecache/manuscript_preview/manuscripts/uniqbooks/zhitie_sergiya/001-0352.jpg

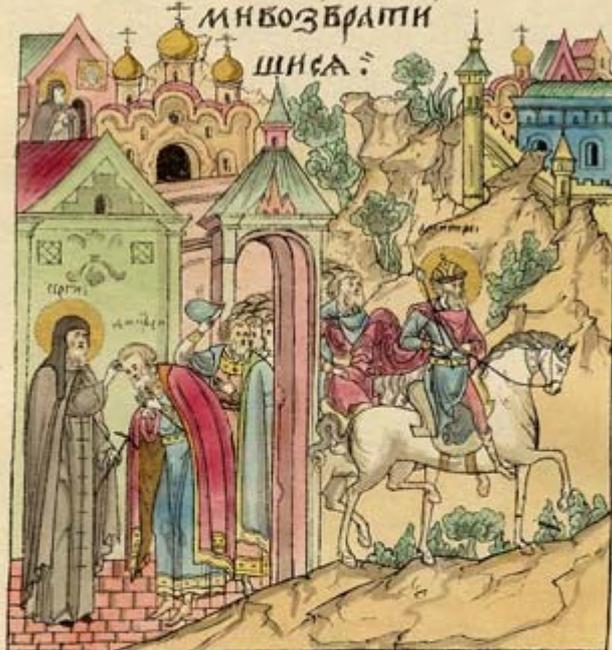

ѿ побѣде, ѿ женамама, ѿ мона
стырѣ, ѿ женадбѣнѣ.
Выоубогѣоу попуцаю цѣдзагрѣ
хн наша, слышано бысть ꙗко
ѿрдннскѣи кнѣзмиамаи . во
здвнжеснлоубелнкоу всѣю ѿ
рдоубезбожны тата
рѣ . ндетъ нарѣ
скоузе
млю
⋮

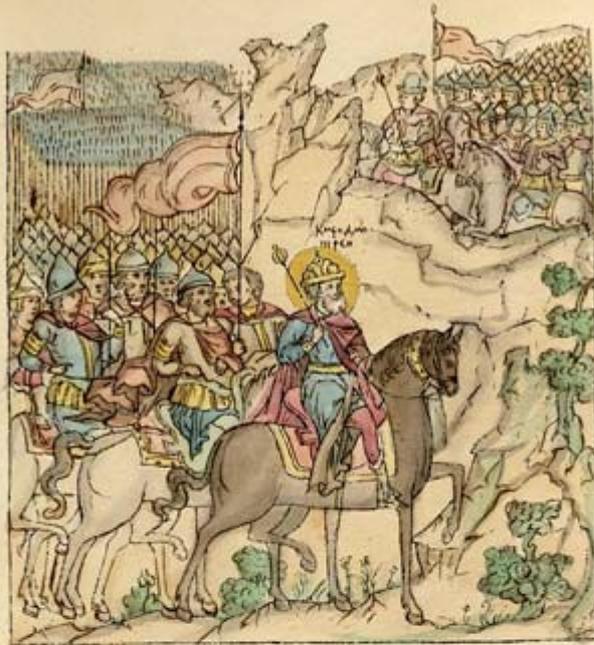

И въ хоу вснаидіе въ страні беллицѣ
Нощь снаемн . князь же великоде
ржавный , иже тогда сикнѣ роуць
сикнухъ странѣ обдержа . достохваль
ный и повѣдоносный великий дми
трей да глется
сѣоубопрін
декосто
моу се
рті
10 5

СВОЕ ШЧЕСТВО СВЕЛКН МИ ПОХВАЛА
МНВОЗБРАТИ
ШИСА :

Реликїи же кнъ рече . аще мнѣтъ по
може шче постаблюмо настырь бо
нма прѣтѣе бо мѣре .
н сїа рекъ воспрї
емъ блгвєнїе
шнде . по
нде рко
ро :

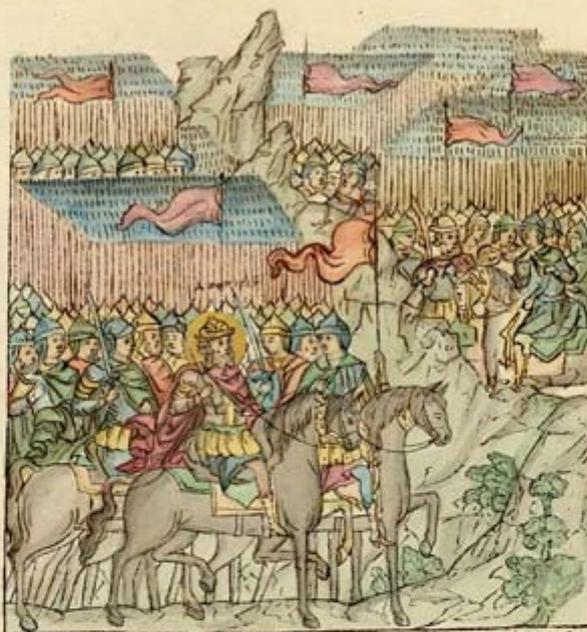
И́гакѡ собравъ всѧ бо́ла своѧ . прнсеиъ
протнвоубе
зѣвоуж
ны
хъ
та
т
л
р
ъ
:

К^оу^кн^дь^въ^сл^оу^их^ъб^ел^ом^но^ст^во
п^ост^аш^ас^яв^мн^дш^ес^я . с^пр^ах^ом^но^с
б^нш^ни^шб^ьл^пи^бы
в^ша^по^мы
ш^ла^ю
ц^ею
с^от^в
р^н
т
н
:

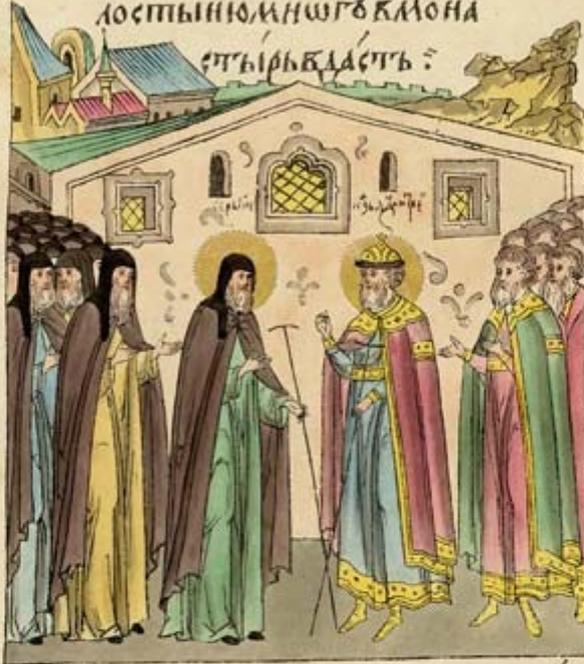

Ісѣвнѣзаапоу вѣпо и чаръ прнспѣборзо
Ходецъ посланіемъ шестого гл҃юще .
Безъ всакогосъмнѣніа гд҃нне соде
рѣзновеніемъ поиди
противоу скрѣпъ
сѣван . никако
оужасатнеа
всакопом
жестіи
бг҃о
⋮

Павієкійъ великійъ дмитрієвъ себѣ
нѣтъ во сѣдѣ . ѿ сего великоу державѣ
спѣть бо спрїимше . нъ зыдоша проти
воупоганыхъ сѣмо порекъ . бже вели
кійъ сотвори въ нѣбо нзе
млю . помощини
къ мнѣ . на прѣ
чїи быны
сѣго мѣстѣ
нмѣ
ни :

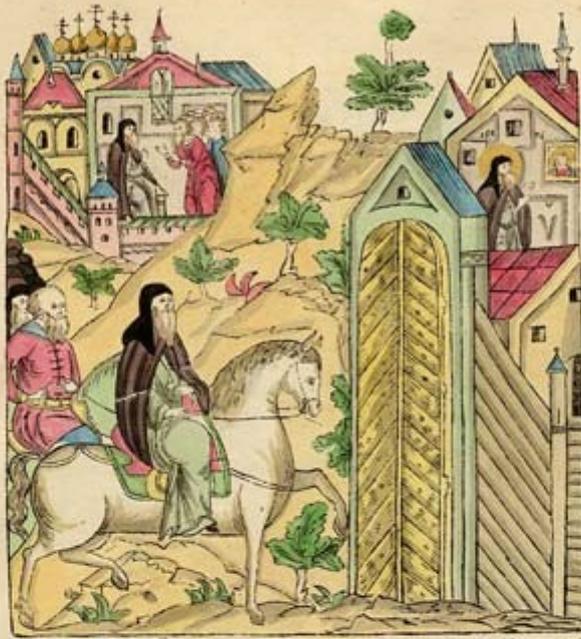
ВОЗБЕЛНЧИГЪ МАПЬСКОЮ НАНЦЕ . Н МИ
ЛОСТЫНЮ МНШГО КЛОНА
СТЫРЬ ВЛАСТЬ :

И таково споминнае желателно пелико
державный старец . ѿ нем же ѿбъ
щася хоще скорона дѣло и збессти
прчгъ и бго мтримона
стырь . бонм делюу
строити гдѣ обрѣт
епсамъ естоуго
но кь строенію :

Старець же сергіе шє поиска въ обрь
стемъ сто оугодно . нарець зовомо
вдбєникъ . нбо злюбленіемъ велико
кнѣа . на томъ стєстѣи сергіє црко
постави , бонма
прчтыє вгома
тєредуспєніє
блчцана
шєдѣца

Той же еппъ невѣрїемъ одержи шестѣ
и глаше . како може вси страна такоу
свѣтиликъ явити се . паче же в по
сѣднѣмъ сїа времена . и помысли по
ти коу бителъ и видѣти блженнаго
бывшѣмоу блзѣш
бителъ . и чатъ
страхомъ см
щати
сѣ
: